

Леони Вебер

Очень приятно, Вилáры

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леони Вебер

Очень приятно, Вилáры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68057857

SelfPub; 2022

Аннотация

Окончив школу, Полин переезжает из постсоветской страны во Францию к своему отцу. Девушке предстоит адаптироваться не только к абсолютно другому менталитету и образу жизни французов, но и к папе, с которым она раньше никогда не жила. Поль, кажется, собрал в себе все недостатки человечества, и теперь крайне специфическими методами будет решать не только свои приключения, но и проблемы дочери.

Содержит нецензурную брань.

Леони Вебер

Очень приятно, Вилáры

Потерянный кошелек

Мне всегда было интересно, есть ли в мире абсолютно нормальные семьи. Когда я с кем-то знакомлюсь, первым делом выясняю, какая у него семейка. Конечно, ненавязчиво, но все же расспрашиваю. Мне важно знать, что я не одна живу с такими странными родителями. И знаете, недавно я поняла, что каждая семья ненормальна по-своему. И каждой чужие странности кажутся нонсенсом. И мне стало намного легче. Потому что мой отец абсолютно ненормален.

Моя мама Инесса однажды вышла замуж за француза. Он быстро устал от семьи, детей, да и людей в целом, и вот уже десять лет живет отшельником в поселке в горах Эльзаса, во Франции. А мы с мамой остались у нас на родине. Но этим летом я закончила школу, и мы решили, что лучше мне поступить в университет в Страсбурге, недалеко от которого и отшельничает батька. Уговорить на это папу было непросто, но неожиданно получилось. И вот я здесь, в доме отца. Через два дня я пойду на курсы французского, чтобы в следующем году таки поступить. По крайней мере так распланировали родители. Точнее, мама. Папа все еще надеется, что я передумаю и уеду назад.

Мама вернется домой через неделю. Это время она хочет

провести как можно более продуктивнее, что вряд ли выйдет, ведь папа ненавидит выезжать в люди и давать нам деньги на магазины (а именно это мама считает правильным досугом).

– Полина, иди сюда.

Я поднялась в спальню и помогла маме развесить мою коллекцию клетчатых рубашек в шкаф. Моего папу зовут Поль, и когда мама забеременела, он стукнул кулаком по столу и заявил, что если будет мальчик, его назовут в честь него. А если девочка, то тоже в честь него. Родилась я, и меня назвали Полин, ударение на последний слог. Но мама иногда говорит на славянский манер. Мы, кстати, Вилáры, фамилия, не особо распространенная во Франции, чем отец очень гордится.

– Наконец-то мы куда-то поедem, – прошептала мама, чтобы папа не услышал. Он сегодня был довольно мрачен и перебирал монетки в соседней комнате, прикидывая, сколько можно нам дать.

Я вообще-то не люблю ходить по магазинам, большую часть времени просто сижу на лавочке и смотрю, как мама перебегает из одного бутика в другой, пытаюсь уложиться в данное папой время. Но в отцовском доме нет интернета, а потому заняться абсолютно нечем, так что я готова даже на шопинг.

Будто прочитав мои мысли, мама сказала:

– Ничего, через три недели вам проведут вай-фай.

Это должно было звучать ободряюще, но мы с мамой прекрасно понимали, что три недели без интернета – ад. Хорошо, что его хотя бы проведут. Папа ненавидит современные технологии, презирает всей душой. Он, конечно, стар как мир, ему уже почти семьдесят (ну да, я из поздних детей, где у родителей еще и разница в возрасте с двухзначным числом), но это не оправдание. Моя бабушка активно юзает смартфон.

В это время в комнату вошел батька и кинул на стол монетки.

– Это вам, – буркнул он.

Мы с мамой сочувственно переглянулись – кому, как не нам, знать, насколько папе тяжело делиться деньгами.

Спускаясь вниз, отец чихнул, как обычно, громко, неожиданно, протяжно. Я вздрогнула, мама воздела руки к небу и прокричала:

– Да чтоб ты сдох!

Так она делает всегда, когда папа чихает.

В магазин мы доехали без приключений, что каждый раз меня удивляет, ведь батька всегда в такой панике перед выездом в люди, будто мы собираемся на войну.

После обеда в кафетерии папа разложил газеты на весь стол и, глянув на свой кнопочный телефон, сказал:

– Через два часа здесь.

Мы с мамой сразу рванули, как марафонцы после свистка. Все шло очень неплохо, я почти не устала, купила новые

джинсы, мама выбрала себе кофточку. В холле между бутылками мы остановились и мама начала искать в сумке конфетки. Через минуту она вывалила все содержимое на лавочку.

– Да ладно, я уже не хочу, – я решила, что одна карамелька не стоит таких грандиозных поисков.

– Я не могу найти свой кошелек.

Тут к маме присоединилась я. Осмотрев всю сумку, мы судорожно побежали к предыдущей лавочке, где скорее всего, и потеряли кошелек, но его там не было.

Тетенька – работница посоветовала пойти в центральную кассу, что мы и сделали. В стеклянной кабинке на возвышенном сидела тучная дама с бритой головой и в очках.

– Простите, я потерять свой кошелек, – на ломаном французском с трудом выговорила мама.

Женщина нахмурилась, потом спросила:

– Немецкий?

– Кошелек? Нет, он...

– Вы говорите по-немецки?

– А, да, конечно.

Да уж, чем хороша эта часть Франции – все знают немецкий. Так что когда маме приходилось решать проблемы, она не раздумывая употребляла этот единственный иностранный язык, который знала. Собственно, на нем мама и разговаривала с отцом.

Женщина тем временем откуда-то выудила мамин кошелек и помахала им:

– Этот?

– Да! – мама радостно протянула руки, но работница прижала драгоценную находку к себе.

– Я не могу вам отдать его, пока вы не предъявите документы, удостоверяющие личность.

– Чего?

Между женщиной и мамой завязалась длинная, ни к чему не приведшая беседа, из которой мы поняли только то, что потерянные вещи во Франции просто так не отдают. В конце концов мама заявила, что сейчас приведет мужа (бывшего), который все решит.

Мы пошли в кафетерий. Папа читал газеты, мы настигли его сзади.

– Черт, – он подскочил, как всегда испугавшись непонятно чего.

– У нас проблемы... – начала мама.

– Дерьмо, как вы меня все достали! – закричал папа.

– Я потеряла кошелек, – продолжила мама.

– Дерьмо, ну вы и идиотки! Дуры! Я таких придурков в жизни не видел! – продолжал кричать папа.

– Подожди, это еще не все. Его нашли и отнесли в центральную кассу, но дамочка оттуда мне его не отдает. Иди, поговори с ней.

– Ка же вы меня достали, что же это за проклятие, дерьмо, ну за что мне все это, идиотки, я так устал от вас, – приговаривал папа все время, пока мы шли до центральной кассы.

Папа подошел к стеклянной перегородке и сразу, без предисловий, принялся объяснять ситуацию.

– Это моя бывшая жена, а это моя дочь, но они из другой страны, – зачем-то рассказал он. – У нее все документы дома, но я могу подтвердить, что это ее кошелек.

– Все равно я не могу вам его отдать, – говорила работница.

– Но я же вам говорю, это кошелек Инессы, – папа быстро начал выходить из себя, чего и следовало ожидать.

– Не отдам, не отдам, все равно не отдам, – приговаривала женщина, размахивая кошельком и как-то слишком радостно улыбаясь.

– Вы должны его отдать, я же все подтвердил! – кричал папа.

– А я не могу без документов.

– Да пошли вы к черту! – прокричал папа.

– Что? – улыбка сразу спала с лица работницы. – Да как вы смеете, я сейчас вызову полицию.

– Ну вызывайте, вызывайте, я тут всем покажу, кто такой Вилар! – папа выпятил грудь.

Женщина взяла телефонную трубку и позвонила кому-то. Я отошла подальше и уткнулась в мобильный, делая вид, что я не из этой семьи.

Вопреки моим ожиданиям, пришел не полицейский, а заведующий торговым центром. Это был невысокий, худой мужчина с интеллигентным лицом. Он пожал родителям ру-

ки, и снова начались выяснения. Папа старался сдерживаться, но все равно кричал, и казалось, что все потеряно, и мы уедем домой без кошелька, а завтра вернемся с документами. Но внезапно работница нашла в одном из отделений мою детскую фотографию. Пришлось мне подойти и смиренно стоять, пока главный и кассирша решали, похожа ли я на свою шестилетнюю копию. Они пришли к выводу, что похожа, и мама снова протянула руки к кошельку, но тут главный сказал:

– Мне кажется, стоит извиниться перед женщиной за то, что послали ее к черту.

Кассирша сразу надулась, а папа закатил глаза. Он вздохнул, подошел к кассе, широко раскинул руки, и смеясь, буд-то на самом деле он милый, добродушный человек, проговорил:

– В общем, я прошу прощения за то, что был груб.

– Ну что вы, ничего страшного, – кассирша сразу подобрела и протянула маме кошелек.

Мы вышли на парковку, мама прижимал к себе сумку, папа почти бежал впереди и говорил:

– Дерьмо, из-за вас мне пришлось извиняться! Я никогда в жизни не извиняюсь, а ту пришлось! Да извиняться это вообще не мое! Дерьмо, какие же вы дуры! Видите, как во Франции все сложно, а, видите? – тут он отступил ко мне и пробормотал: – Может, все-таки вернешься назад?

Я покачала головой, и папа продолжил свой полубег к ма-

шине, бормоча, какие же мы дуры.

Дома он лег на диван и заявил, что очень устал и должен теперь много отдыхать. Вечер прошел в тишине, лишь один раз отец зашелся в своем обычном приступе кашля, громком, долгим, как у больного трахеитом, туберкулезом и эмфиземой одновременно. Мама, не отрываясь от кроссворда, проговорила:

– Господи, да лучше тебе сдохнуть, чем так мучиться.

Выход в транспорт

Первую неделю после отъезда мамы папа как мог старался быть заботливым отцом. Потом ему надоело, и он заявил, что больше не намерен возить меня на машине из села, где мы живем, в Страсбург на учебу. Поэтому в конце третьей недели моей полноценной французской жизни он купил мне абонемент на электричку и автобус. Слава богу, ему пришла в голову мысль первый раз поехать со мной и все мне показать.

Мои занятия начинались в девять утра, но папа впал в панику, что если мы возьмем поезд на пол восьмого, то каким-то образом не успеем на учебу, хотя за сорок минут, которые останутся до уроков после прибытия электрички можно объездить весь город. Но отец приказал ехать поездом на семь утра.

Я встала в шесть и спустилась вниз. Папа сидел в кресле в гостиной полностью одетый, в куртке.

– Поторопись, осталось мало времени, – сказал он. – Я

вообще встал в три часа утра.

– Зачем? – пытаюсь скрыть улыбку спросила я.

– Как это зачем? Я все делаю ради тебя, а ты задаешь такие вопросы? – папа поднялся. – Жду в машине.

– Вообще-то еще час... – но папа уже вышел из дома.

Выбравшись из электрички, папа как можно скорее пошел к остановке напротив вокзала, как будто за весь день там проезжает лишь один автобус нужного нам номера, и мы можем не успеть.

Мы дошли, папа бросился читать расписание автобусов, я с трудом переводила дух. Вернувшись, отец недовольно хмыкнул.

– Еще десять минут нашего ждать.

В это время к нам подошла девушка, которую я сразу узнала. Она училась со мной на курсах и тоже говорила по-русски. Я смекнула, что она будет каждый день ездить на том же автобусе, что и я, а значит, мы можем подружиться. Неужели у меня появятся друзья здесь? Эта мысль страшно меня обрадовала, а девушка тем временем вежливо поздоровалась с нами на французском.

– Доброе утро! – я попыталась сделать свою самую признательную улыбку.

– Доброе утро, – мрачно буркнул папа, с подозрением осматривая незнакомку. Девушка, поймав его взгляд, поспешила отойти на другой конец остановки.

Подошел автобус. Девушка одной из первых зашла в него,

мы с папой были последними. Папа купил у водителя билет и приложил его к специальному автомату на входе. Автомат радостно засветился зеленым. Вслед за папой я приложила к автомату свой проездной, одновременно и для электрички, и для городского транспорта. Автомат запищал и засветился красным.

Не будь я такой наивной и правильной, я бы нагло прошла в автобус, как это сделала передо мной девица с точно таким же проездным. Но я не такая, поэтому я подняла свои большие глаза на водителя и взглядом спросила у него, можно ли мне войти, ожидая кивка, потому что других людей с пиликающей карточкой он все равно пропускал. Но водитель сузил глаза и начал мне что-то говорить.

– Что? Папа! – позвала я отца, отчаявшись понять французскую речь.

– Что происходит? – отец растолкал людей и подошел к нам.

Я заметила, что возле моей однокурсницы есть свободное место и решила, что самое время с ней познакомиться. Обычно я так не делаю, жду пока человек сам со мной заговорит, но вдруг окружающие так же стеснительны, как и я. Не будем же мы до конца жизни ездить в одном автобусе не перекидываясь ни словом.

Я подумала, что с моим проездным папа разберется и без меня, тем более, там и разбираться-то нечего, просто какая-то досадная ошибка. Я прошла в середину автобуса, села

рядом с девушкой. Она повернулась ко мне, вытянула один наушник, я открыла рот, собираясь представиться, но тут нас прервал крик моего отца.

– Да как вы смеете? Вы что, совсем охренели? Иди сюда! – последняя фраза адресовалась мне.

Я пошла, краем глаза заметив, что однокурсница вытащила и второй наушник.

– Какого черта здесь происходит? – кричал папа, выхватывая из моих рук проездной. – У меня все оплачено, это ваши проблемы, что автомат не считывает карточку.

– Мсье, я вам еще раз говорю, что не могу верить на слово. Предъявите бумагу, что проездной оплачен.

– Давай чек, покажем этим придуркам, – проревел папа мне.

– Но я его не взяла.

– Прекрасно, – папа повернулся к водителю и снова закричал: – У нас нет чека, но я знаю, что проездной действительный!

– К сожалению, не могу ее пропустить. Пусть тогда купит билет, – невозмутимо сказал водитель.

– Буду я еще тратить два евро на билет, ты, водитель-вредитель. Я уже 77 евро заплатил за проездной, я больше не потрачу ни цента!

– Мсье...

– Дерьмо, это просто дерьмо!

Я отвернулась от их ссоры к салону автобуса. Теперь

наушники вынули уже все пассажиры. Моя однокурсница смотрела на происходящее огромными глазами, кажется, такого она еще в жизни не видела.

Отцу так пришлось купить билет, но ссора продолжалась. Зная папу, он бы кричал на водителя еще два часа, но, поскольку отправка автобуса уже задержалась на пять минут, через передние двери вошла какая-то женщина.

– Доброе утро, я управляющая. Что случилось?

– Случилось дерьмо, – не дав водителю вставить и слова прокричал папа и принялся рассказывать.

– Понятно, – так же невозмутимо промолвила управляющая. – Понимаете, мсье, вашей вины в этом нет. Просто автоматы в городских автобусах не считают проездные такого типа.

– Но я уже заплатил два евро за ее билет, – папа в отчаянии помахал бумажкой.

– Ну, мы не вернем вам деньги, – осторожно сказала женщина, видимо, поняв, что с нравом папы нужно быть поаккуратнее. – Просто носите с собой чек и предъявляйте его в случае проблем.

– Да, но это дерьмо...

Управляющая, не дослушав, вышла из автобуса и приказала водителю трогаться. Он пожал плечами и повернул ключ зажигания, всем своим видом показывая, что дискуссия окончена. Нам ничего не оставалось, как пройти в салон.

Девушка-однокурсница продолжала во все глаза смотреть

на нас, но я поняла, что после такого позора из-за папы я точно с ней не подружусь, поэтому мы сели напротив.

– Какого черта ты не взяла с собой чек? – обрушился на меня отец. Делать это тихо, он, конечно, не мог, а однокурсница еще не воткнула наушники, так что мне опять стало стыдно.

– Я подумала, что он не нужен.

– Конечно, нужен! В этой стране все нужно, вечно какие-то проблемы. Страна-дерьмо, автобусы-дерьмо, как я устал!

Когда через десять минут мы вышли из автобуса прямо рядом со зданием, где я учусь, однокурсница задержалась у двери, явно поджидая меня. Я собралась было к ней бежать, но папа схватил меня за локоть и начал приговаривать.

– У меня теперь такой стресс! Я так устал! Такой стресс... Нет, два евро пришлось потратить! Дерьмо! Я весь вспотел!

Девушка у двери то ли замерзла, то ли устала ждать, но перетаптывалась с ноги на ногу и крепко держалась за ручку. Я наконец отделалась от папы с его причитаниями и пошла к ней.

В тот день я все-таки нашла подругу. Но когда мы после занятий вышли вдвоем из здания, отец уже ждал меня. Увидев его, Аня торопливо попрощалась и пошла к автобусу. Папа схватил меня за локоть и потянул в другую сторону.

– Идем до вокзала пешком. Тупые автобусы.

В поезде отец прицепился к кондукторше с расспросами,

почему же все так сложно с проездным. К счастью, она сумела вовремя отделаться от папы и уйти в другой конец вагона.

Дивный современный мир

До установки интернета оставалась всего неделя, но меня это не радовало, как и папу. Его – потому что придется каждый месяц платить двадцать евро, меня – потому что я устала без нормальной связи с миром и боялась не пережить эти семь дней.

Поэтому я решила попросить батьку купить мне симкарточку с французским номером и мобильным интернетом. Это, конечно, не так круто, как нормальный вай-фай, но хоть переписываться можно.

Такой просьбе отец не обрадовался, но, сквозь зубы, все же согласился в ближайшую среду заехать в торговый центр и купить симку.

В назначенный день он уже с утра был нервный. То есть, такой он каждое утро, но когда дело доходит до покупок, особенно связанных с чем-то электронно-современным, его стресс достигает пика.

Вообще, все отношение папы к компьютерам, смартфонам, планшетах, интернету отлично показывает вот эта недавняя ситуация.

Несколько дней назад за обедом папа спросил:

– Ну, что вы проходили на занятиях?

– Мы изучали слова, связанные с современными технологиями, – ответила я, судорожно проглотив кусок сосиски,

чтобы отец сумел разобрать мой французский.

– Это плохие слова, они никак не связаны с реальным миром, – покачал головой папа и продолжил закидывать в себя еду со скоростью света и глотать ее почти не жуя.

Зная отца, я старалась успокоить свои надежды и мечты о том, как смогу написать вечером друзьям в мессенджере, потому что вполне возможно, мы или ничего не купим, или купим какую-то ерунду.

Уже после всего произошедшего я подумала, что нужно быть полной дурой, чтобы позволить себе хоть чуточку фантазий о удачной покупке.

В торговом центре мы отыскивали магазин электроники. Папа ворвался в него так, словно заветное приобретение было нужно ему, но на самом деле он просто хотел как можно скорее отделаться от всего этого и пойти кушать, грустя при этом о потраченных деньгах.

На входе нас встретил продавец-консультант, круглолицый, розовощекий и с планшетом в руках.

– Добрый день, – с улыбкой поприветствовал он нас.

– Здравствуйте, – кинул папа, нервно оглядываясь. Потом придвинулся к продавцу и резко заговорил: – Так, а теперь слушайте меня очень внимательно. Дело крайне серьезное.

Продавец-консультант тоже придвинулся к нему, и нахмурил брови. Очевидно, он поверил и решил, что сейчас ему расскажут о действительно сложной проблеме.

Но папа вместо простой просьбы показать сим-карты на-

чал нести какую-то чушь.

– Понимаете, моя дочь, вот она, – он ткнул пальцем мне в грудь. – Она жила с матерью в другой стране, приезжала только на каникулы, но...

Папа пустился в пространственные описания моих путешествий из Франции на родину и обратно, а я подумала, хватит ли мне словарного запаса, чтобы объяснить, что мне нужно в этом магазине.

– Вот так вот. И я волнуюсь, можно ли в телефон, купленный в другой стране, вставить французскую сим-карточку? – наконец закончил отец.

Продавец-консультант непонимающе посмотрел на него, а я отвернулась, потому что мне снова, впервые после той истории с автобусом, стало стыдно за папу. Только тогда мне было стыдно за его поведение и крики, а теперь – за ужасающую тупость. Ну коню же понятно, что телефон и сим-карта друг от друга не зависят.

– Конечно, можно, – выдавил улыбку продавец. – Знаете, лучше вам поговорить вот с тем консультантом, она точно поможет, – и он указал на женщину в другом конце магазина.

Мужчина быстро пошел к другим клиентам, делая вид, что так и нужно, хотя мне показалось, что он просто хотел избавиться от нас.

Мы же отправились к продавщице. По дороге папа размахивал руками и кричал всем вокруг:

– Я не хай-тек! Помните об этом, я не хай-тек!

Женщина-консультант вежливо поздоровалась, еще не подозревая, с кем она связалась и что ее ждет. Папа принялся описывать ей историю в таких же подробностях, как и предыдущему продавцу.

– Надеюсь, вы нам поможете, потому что я не хай-тек. Она, – он кивнул на меня, – хай-тек, но я нет.

– Конечно, какую вы хотите сим-карту? – радостно спросила продавщица. Кажется, ее папа с толку не сбил.

– Я бы хотела, – начала я, тщательно подбирая слова и ставя их в правильную грамматическую форму, – чтобы там был мобильный интернет, хотя бы 2G, потому что...

– Нужно, чтобы она была подешевле. И чтобы входила в ее телефон, – перебил папа, загораживая меня своей широкой спиной.

Похоже, мой французский еще очень плох, потому что продавщица услышала только батьку и сразу стала предлагать ему дешевые варианты сим-карт.

– Вот, отлично, вот эта подходит.

– А там есть мобильный интернет? – спросила я как можно громче и четче.

– Нет, – радостно сказала продавщица. – Для этого нужна карта с тарифом, а если вы включите передачу мобильных данных на этой, она снимет все деньги со счета за минуту.

– Но я хотела...

– Все в порядке, мы берем эту, – снова встрял папа, показывая мне, что все решено.

Я поняла, что уже ничего не сделаю. В этой Франции все не так, как у людей. Даже с сим-карточками проблемы. У нас просто купи одну, и у тебя по-любому будет интернет, а тут нужно покупать какую-то особенную, потому что обычная не так работает... О Боже!

– И засуньте карточку в телефон, а то вдруг она сама не сможет, – папа, кажется, забыл, что минуту назад назвал меня хай-теком. – Потому что я во второй раз сюда переться не собираюсь! – и он с угрозой посмотрел на меня.

– А что, в твоей родной стране так плохо, что ты переехала? – спросила меня продавщица, запихивая карточку в разъем.

– Там настоящая нищета и ужас, – гордо сказал папа, закрывая меня собой.

– То есть во Франции лучше?

– Конечно, нет! – рявкнул папа от избытка чувств, ведь критиковать все и всех было его любимым занятием, кроме пересчитывания своих денег, разумеется. – Ни в одной стране нету ничего нормального! Эти президенты все идиоты! Я бы хотел уехать на какой-нибудь остров...

– Готово, – продавщица протянула мне телефон, я вяло взяла его.

– Спасибо, до свидания, – папа потянул меня из магазина.

– На ней нет мобильного интернета, – сказала я, пока мы шли к кафетерии.

– Слушай, ты меня заколебала! – закричал папа на весь

торговый центр. – Ты что, ненормальная? Как можно быть в истерике из-за отсутствия интернета, это же просто интернет! Вот я вообще из-за этого не нервничаю, живу себе без вай-фая, смартфона, и посмотри, какой я здоровый!

– Но...

– Все, замолчи, ты меня уже достала за сегодня.

За обедом отец довольно потряхивал своим кошельком с монетками, а я в ярости метала в рот картошку фри, даже не чувствуя вкуса.

Технологии в доме Виларов

В то утро я проснулась в радостном настроении, несмотря на начавшиеся каникулы, во время которых я умирала от скуки. Но сегодня нам должны были провести интернет, и у меня появится хоть какое-то развлечение. Кроме того, я наконец-то смогла бы поговорить с мамой. Она уже с ума сходила от незнания, что там происходит в моей жизни.

На самом деле мама была против моего переезда во Францию. Она все время ходила и приговаривала:

– Ты же у меня еще такая маленькая, как же ты выживешь с твоим придурком-отцом.

На что я ей отвечала:

– Мать, ну что поделаться, птенец оперился.

В общем, наверное, от перевозбуждения, я плохо спала ночью, и в этот день проснулась рано, в восемь вместо обычных десяти часов утра. Я полежала пару минут, потом перевернулась на другой бок, и уже собралась засыпать снова, как

вдруг внизу зазвонил папин телефон.

Папе практически никогда никто не звонит, потому, когда раздается эта мелодия, он крайне волнуется, подскакивает, бежит спотыкаясь к комоду, на котором, словно на алтаре, лежит его мобильник, не забывая при этом бурчать:

– Дерьмо, ну кому я нужен, как же меня достали эти люди.

Потом он неловко берет трубку, с трудом нажимает на кнопку ответа и кричит на весь дом:

– Алло!

Именно поэтому, услышав звонок, я очень удивилась и собиралась послушать разговор, но уснула как раз в тот момент, когда папа с матами тыкал пальцем по кнопкам.

В десять утра я снова проснулась, на этот раз уже от грохота. Это отец распахнул дверь моей комнаты так, что она стукнулась о стену.

– Вставай! Вставай, они вот-вот приедут. Нужно подготовить комнату. Убери все с комода и отодвинь его, в этом углу они проведут провод.

Обрадовавшись, что интернет установят еще до обеда, я вскочила, оделась и принялась вдохновенно все двигать, прятать грязные носки и засовывать комки пыли обратно под кровать.

Потом я спустилась вниз и доложила:

– Все готово.

– Хорошо.

– А когда они приедут?

– Где-то часа в три.

– Что?! – да еще же больше пяти часов. И зачем я так спешила и паниковала?

– Ты представляешь, они мне в восемь позвонили и сообщили, что могут приехать уже в одиннадцать. Я так испугался! Сразу им сказал: нет, нет, подождите, я еще не готов. Ужас, – папа посмотрел на меня с таким лицом, как будто бы в этой ситуации он повел себя как абсолютно нормальный человек.

– Ты так и сказал?

– Ну естественно, а как иначе?

Да уж, только он может на предложение провести интернет отреагировать так, словно ему руку и сердце предлагают.

Похоже, осознав, что современные технологии как никогда близко подобрались к его дому, папа впал в панику, потому что к трем часам он нервно бегал туда-сюда по комнатам и пытел, разговаривая сам с собой.

Наконец-то в дверь позвонили. Папа бросился открывать. В дом вошли два молодых парня, отец провел их в мою комнату, показал, что и как. Потом он спустился вниз, и несколько минут мы прислушивались к звукам дрели.

– Ой, я так волнуюсь, – и папа побежал наверх, чтобы дать какие-то указания.

Когда он снова появился в гостиной, я спросила:

– Как там дела?

– Все плохо. Я уверен, они делают с моим домом что-то

не то.

– Да ладно, все же устанавливают, и все в порядке.

– Дерьмо это, зачем оно нам, можно же жить прекрасно и без этого вай-фая. Пойду я, а то у меня стресс, – и папа занялся варкой кофе на кухне.

Работы в нашем доме и припаркованная рядом машина с названием интернет-компании не могли не привлечь внимание соседей, ведь папа был единственным человеком в поселке, у которого не было интернета. Более того, он никогда не хотел его устанавливать, и на все расспросы односельчан гордо кричал:

– Я последний человек во Франции, который не пользуется интернетом, и я горжусь этим!

Поэтому где-то через час после начала переворота в дверь постучали. Папа открыл, на пороге стояли наши соседи из дома чуть дальше.

– Поль, как так случилось, что мы уже давно не пили вместе кофе?! – воскликнула пожилая пара, муж и жена.

– Конечно, проходите, – папа попытался натянуть гостеприимную улыбку.

За кофейным приемом соседи узнали все что надо и про установку интернета, и про мой переезд. Мой переезд, кстати, волнует всех в поселке. Кого бы папа не встретил, все сразу начинают интересоваться, как мне живется. Папа всегда гордо выпячивает грудь и говорит:

– Я для моей дочери сделаю все. Я вытащил ее из ужасной

страны и теперь оплачиваю ей курсы французского, устрою в университет, куплю квартиру...

Соседи кивают, одни с недоверием и лукавой улыбкой, потому что знают отца, другие с неподдельной радостью за мое счастье и счастье батьки, который больше не отшельник.

Так вот, узнав все, соседи ушли. Папа запер за ними дверь и начал бубнить:

– Чертовы люди со своим кофе, теперь два часа чашки за ними мыть, как меня достали.

В этот момент парни позвали нас наверх. Мы поднялись.

– Ну, все готово. Давайте проверим. Подключитесь с чего-нибудь к вай-фаю, – сказал один из них.

Я взяла свой телефон и подключилась. Конечно, этот старый кусок железа, впервые за месяц поймавший интернет, не выдержал такой нагрузки и сразу завис. Я повернулась к папе:

– Нужно подождать.

Отец кивнул и подошел к роутеру.

– Слушайте, он такой большой, а я в гостях видел такие маленькие, – восхищенно сказал он.

Парни переглянулись с ухмылкой, а папа, заметив это, сразу же попытался оправдаться своей любимой фразой:

– Понимаете, я не хай-тек. Я ведь не хай-тек.

Больше ему о современных технологиях сказать было нечего, потому что он стал сзади меня и уперся взглядом в экран моей мобилки.

– Ну что, заработало? Нет? А когда заработает? Заработало? Нет? А теперь? А оно точно будет работать? Ну? Работает? – спрашивал он без остановки следующие пять минут.

Я упорно качала головой, не открывая рта, потому что боялась не сдержать раздражение.

Наконец телефон заработал и все загрузилось.

– Работает, – сказала я парням.

– Позвони своей матери по этому вашему, как его...

– Вайберу?

– Да, позвони, чтобы проверить, точно ли все в порядке.

Я вызвала маму и вышла из комнаты. Когда я услышала ее голос, все, что я смогла сказать, это:

– Мам, он так меня достал.

– Знаю, детка, знаю, – вздохнула она.

Я вернулась и сообщила, что все работает.

– Прекрасно, – папа хлопнул в ладоши и глянул на работников: – Установка вай-фая же бесплатная? Я вам ничего не должен?

– Вообще-то вы должны нам три евро, – стараясь говорить серьезно, произнес один из них. Второй весело хмыкнул.

– Три евро? Ну конечно, сейчас, – папа побежал в свою комнату, вынул банку с монетками, и, позвякивая, отсчитал деньги.

– Вот, – он протянул им три монеты.

Я стояла уставившись в пол и мечтала, чтобы они действительно взяли эти деньги и ушли, потому что иначе мне снова

было бы стыдно за отца.

– Нет, мсье, мы пошутили, вы ничего нам не должны, – парни пытались сдержать дикий смех, их губы растягивались, но они упорно старались превратить все в вежливую улыбку.

– А, вы пошутили, вот это смешно, – и папа засмеялся, как будто бы не показал только что свое полное отсутствие чувства юмора.

Работники ушли, а я включила ноутбук, желая насладиться всемирной паутиной. Папа вошел в мою комнату и закричал:

– Я очень устал, поэтому теперь оставь меня в покое!

Когда через час я спустилась вниз что-нибудь съесть, папа крепко спал на диване, хотя было всего шесть вечера.

Большие траты

Вот уже два месяца я жила с моим отцом-отшельником. Приближалась зима, и, несмотря на то, что в этой части Франции редко бывали сильные морозы, мне все же нужна была новая куртка. Конечно, я могла бы взять старую из дома, но она мне надоела, и я решила, что папа даст мне денег на новую. Тем более, что в последнее время, когда начался сезон простуды, он впал в паранойю, что я заболею. Вызвана эта паника была, естественно, не его волнением о моем здоровье, а тем фактом, что он до сих пор не подал документы на медицинскую страховку, без которой посещение врача и покупка лекарств были бы платными. Теперь отец каждый

день требовал, чтобы я одевалась как можно теплее, и угрожал, что если я заболела, он отправит меня к матери на родину.

Узнав о моем желании купить зимнее пальто, Аня, моя здешняя единственная подруга, сразу распланировала, как мы поедем с ней в магазин, и погуляем там, заодно и ей новую одежду посмотрим. И сразу же назначила этот увлекательный поход на ближайшую пятницу. Теперь мне нужно было сделать самое сложное: уговорить папу встретить меня с электрички позже и дать с собой денег.

Я тянула с этим до самого четверга, и едва встав утром, поняла, что сегодня все равно придется обо всем поговорить. Я решила проделать это после занятий, потому что утром папа всегда был в ярости из-за того, что ему приходится рано вставать, при том, что он всю жизнь попрекал меня моей любовью нежиться в кровати до полудня.

После занятий я решительно вышла из поезда и, увидев отца, сразу поняла, что говорить сейчас – очень плохая идея. Он был не в духе. Во-первых, как назло, именно сегодня он пошел узнавать о необходимых для страховки бумагах и впал в панику от того, что их нужно слишком много. Во-вторых, месяц подошел к концу, и мы должны оплатить проездной на ноябрь. Трата 77 евро папе давалась с трудом.

Мы вошли в здание вокзала нашего городка мрачными, я – предчувствуя свое поражение в предстоящем разговоре, отец – мучаясь осознанием того, как много денег он тратит,

а ведь можно их просто раскладывать на столе, любоваться и складывать обратно.

Пока служащий пополнял карточку, папа решил поговорить с ним о наблевшем.

– Ваши дурацкие карточки не работают в городских автобусах, – гаркнул он так, что несколько школьников в очереди за нами подскочили.

– Это не наши карточки дурацкие, а автоматы в автобусах, – спокойно сказал служащий, стуча по клавиатуре.

– Вот именно! – размахивая руками, папа пересказал ту историю, при воспоминании о которой я вся краснела.

Служащий слегка кивал, похоже, его не впечатлял драматизм ситуации.

– Но знаете, что я сделал?! Я взял и поскандалил с водителем! Да! Я устроил скандал и не побоялся этого! – кричал папа.

Я почувствовала, что на нас все смотрят, и что я снова заливаюсь краской. Лучше бы не понимать французский, не было бы стыдно за эту чушь. А тем временем папа повернулся так, чтобы его видели и работники, и люди в очереди и закричал еще громче:

– И я могу сказать вам с уверенностью: если такое еще раз повторится, я этих придурков поубиваю! Да! Вы слышите, как я говорю?! Я называю водителей автобусов придурками и не боюсь этого! – и он стукнул кулаком по стойке, так, что школьники опять подпрыгнули.

Служащий еле сдерживал смех, я видела, что его губы растягиваются почти как у тех парней, что проводили нам интернет, да и у всех людей, которым когда-либо приходилось контактировать с папой.

Работник протянул мне карточку:

– Вот, с 1 по 30 ноября.

– А почему по 30? – с ужасом спросил папа. – Я же заплатил все 77 евро.

– Ну потому что в ноябре тридцать дней, – едва скрывая насмешку ответил служащий.

Папа рассмеялся своим громовым смехом и снова стукнул кулаком по стойке:

– Точно, а я и забыл.

Не стоит удивляться этому, папа живет в своей норе, а потому не замечает, что там в мире, и какой вообще сегодня день.

После обеда у отца улучшилось настроение, и я решила завести разговор про куртку во время нашей обычной дневной прогулки.

Мы вышли за село и я изо всех сил старалась решиться. Тем временем папа не замолкал ни на минуту, главной темой его беседы было желание отправить меня обратно к маме, ведь он очень устал. После того, как он в пятый раз спросил, точно ли я не хочу на родину и перечислил плюсы жизни там и минусы жизни тут, воцарилась тишина. Я повторила в голове все нужные мне слова на французском и четко произ-

несла:

– Папа, мне нужно сказать тебе кое-что очень важное. Пожалуйста, слушай меня очень внимательно.

Отец повернулся ко мне с радостным лицом, улыбка до ушей. Я сразу сообразила в чем дело. Он решил, что я хочу заявить о своем желании уехать к маме.

– В общем, завтра мы с Аней пойдем в магазин, и я хочу взять другую электричку, приехать часа на два позже.

На лице отца отразилось непонимание.

– Ты же помнишь Аню?

– Ну конечно, – уверенно ответил он, хотя я сомневалась в его знаниях.

– Так мне можно приехать позже?

– Ну ладно, мне то что, – сразу огорчился папа. А ведь я еще не перешла к самому страшному.

– Как ты знаешь, мне нужна новая куртка, и в этом магазине я хочу ее посмотреть.

– И?

– Было бы неплохо, если бы ты дал мне где-то сто евро, вдруг я...

– Нет! – закричал он не дав мне договорить. – Ты что, офигела? Сто евро?! Езжай куда хочешь, но денег я тебе не дам!

– Но мне они нужны. Вдруг я увижу что-то.

– Какого черта ты не привезла куртку с собой? – кричал папа.

– Потому что она старая и не влезла в чемодан! – закрычала я.

– Так не нужно было это барахло с собой тащить, книги, ноутбук, положила бы вместо них куртку.

– Ну пожалуйста! – взмолилась я.

– Да я разорен, ты понимаешь это или нет? У меня нету ни копейки, я все трачу на тебя, я разорен!

Папа забегал туда сюда по парковке за нашим поселком, держась за голову и приговаривая:

– Подумать только, сто евро, сто евро.

Минут через пять он подошел ко мне.

– Хорошо, я дам тебе сто евро. И не смей их потратить на какую-то ерунду, или отправить своей матери. И оставь меня в покое, у меня стресс, с тобой так много забот.

– Спасибо, – выдавила я из себя.

– Подумать только, сто евро. Я разорен. А твоя мать когда-то говорила, что я ничего не делаю для дочери. Посмотри, сколько я даю тебе денег, – говорил отец всю обратную дорогу.

Дома он торжественно вручил мне купюру Я спрятала ее в кошелек и радостно подумала, что весь этот цирк закончился, но нет, я ошиблась.

Во время ужина папа сел напротив меня за столом и важно проговорил:

– Сейчас я скажу тебе очень важные вещи. Я проведу тебе лекцию по безопасности.

Я подумала, что лекция по безопасности в 18 лет – немного поздновато, не находите? Но решила промолчать. Зря, потому что отец начал нести что-то странное.

– Я хочу, чтобы ты ни в коем случае не заходила домой к этой девице, как там ее...

– Аня.

– Ну да, именно к ней. Не смей к ней приходить. Потому что люди вокруг очень опасные, а она вообще какая-то крайне подозрительная личность, еще убьет тебя вместе со своей семьей, а сто евро себе заберут. Так что не смей бывать у нее в гостях!

– Хорошо, – я с трудом удержалась от закатывания глаз к потолку.

Кажется, папа понял, что лекция не возымела достаточно устрашающего эффекта, а потому, размахивая руками, продолжил:

– Недавно во Франции студента убили его друзья. С тобой тоже может такое случиться.

– Но дома я ходила в гости к своим друзьям, и все еще жива.

– Знаешь, что ты там делала в своей стране меня не волнует. Там была твоя мать, это ее проблемы. А ты представляешь, что будет, если с тобой что-то случится здесь? – папа сделал большие глаза и с трудом вымолвил свой самый худший кошмар: – Твоя мать приедет сюда, скажет, что я плохой отец и убьет меня.

– Пап, мы просто идем по магазинам. Я не пойду к ней домой, – покорилась я, зная, насколько для батьки важно, чтобы все вокруг считали его великолепным отцом, пусть он сам таковым и не является.

– А вообще, я не знаю, как ты от этого торгового центра доберешься назад до вокзала.

– Аня пообещала, что доедет со мной обратно.

– Я ей не верю.

– Но она пообещала.

– Нет, я точно знаю, что она бросит тебя у магазина! Но когда она так сделает, не смей мне звонить, я за тобой в такую даль не поеду! Это твои проблемы, – рявкнул папа.

– Хорошо, я уже взрослая и сама все решу.

– Как же я устал, – отец тяжело поднялся со стула и пошел спать на диван.

На следующий день я съездила с Аней в магазин, купила куртку, потратив на нее все сто евро, и мы вдвоем успешно доехали до вокзала, причем по дороге она не убила меня, только шутила, что сейчас из-за угла выйдет ее семья и отберет мои оставшиеся центы.

Дома я показала куртку папе. Он ее не оценил, только сказал:

– Ты должна быть рада, что у твоего отца есть хоть копеечка, чтобы ты могла покупать себе одежду.

Потом он ушел наверх считать свои монетки.

Естественные нужды

Вопреки моим надеждам, появления интернета вовсе не означало, что я смогу спокойно разговаривать по телефону со всеми своими друзьями и мамой. Уже после первых моих попыток папа очень устал, потому что он ненавидит использование современных технологий в доме, не хочет, чтобы я общалась с кем-то, и еще множество странных причин. Поэтому я снова говорила там, где и до появления интернета – на вокзале, в ожидании электрички, подключившись к вай-фаю местного кафе.

Но в тот день Ани не было на занятиях, и она написала мне, что позвонит вечером, чтобы я объяснила новую тему. Вспомнив последние разговоры с друзьями, во время которых папа врывался в мою комнату и начинал кричать, так что стекла в окнах дрожали, я решила заранее попросить его не устраивать этот цирк хотя бы во время разговора с Аней. Хватит мне и стыда из-за его скандалов в автобусе.

После обеда мы, как всегда, вышли на прогулку и двинулись за поселок.

– Пап, сегодня утром мне позвонила Аня...

– Как это? – почему-то опешил отец.

– Ну, на мобильный в электричке, – разъяснила я, решив, что он не понял мой французский.

– Но ведь у тебя закончились деньги на счету, и ты пополнила его только после обеда, – еще сильнее выпучил глаза папа.

– И что?

– Как она могла тебе позвонить, если у тебя нет денег на счету?

Я кашлянула, чтобы подавить тяжелый вздох.

– Вообще-то это я не могу звонить, но принимать входящие вызовы могу.

– Правда?

Я кивнула.

– Вот это да, а я и не знал, – покачал головой отец.

– Так вот, ее сегодня не было на учебе...

– Это еще почему? – опять перебил отец.

– Кто-то в ее семье заболел, ей нужно было о нем позаботиться.

– Это тупая причина, – отрубил папа. – Я таких причин не понимаю. Подумать только, кто-то заболел, и она осталась дома из-за этого.

– Короче, мне нужно с ней созвониться вечером, – выпалила я главное.

– Так а что вы будете друг другу рассказывать? – искренне удивился он.

Действительно, о чем, а главное, зачем, можно разговаривать с людьми.

– Ну, я объясню ей грамматику, которую мы проходили.

– Хорошо, но не смейте говорить два часа!

Интересно, когда я так делала?!

– Мы поговорим десять минут.

– Правильно, – обрадовался папа. – Лучше, конечно, пять.

А лучше бы вы вообще не говорили.

Я решила никак это не комментировать.

– Видишь, я специально тебя предупредила, чтобы у тебя не было стресса.

Отец остановился посреди дороги.

– Что ты несешь? У меня нет никакого стресса.

– Но ты же кричишь на весь дом, когда я говорю по телефону, значит, у тебя стресс, – я специально ввернула это, чтобы заставить его застыдиться и потерпеть эти десять минут без скандалов.

– В голове у тебя опилки, а у меня нет никакого стресса! – рыкнул папа и поскорее пошел дальше по дороге.

Мы остановились на парковке за поселком.

– Я иду писать, – радостно сказал папа.

Вы, наверное, хотите знать, зачем он об этом сообщил. Дело в том, что у отца этот процесс очень сложный. Он никогда не справляет малую нужду в туалете, как нормальные люди. В общественных туалетах он боится подхватить какую-то заразу, а дома таким образом экономит на счетах за воду – в смысле, не нужно пользоваться сливным бачком. Кроме того, мой папа имеет явную склонность к социопатии, но в отличие от других таких людей, эта проблема у него проявляется не в воровстве, побоях или поджогах, а в писании в неположенных местах. Он получает от этого несравнимое ни с чем удовольствие. Есть у него еще одно проявление социопатии, но об этом позже.

Папа пошел к краю парковки, а я только сейчас заметила, что на обочине стоит машина. Я подошла чуть ближе и обнаружила, что внутри полно людей, которые смотрят на нас через стекло.

Я подбежала к папе. Он уже расстегнул штаны.

– Пап, подожди, не писай, там в машине люди.

– И что? Чего это тебя люди пугают? – папа продолжал копошиться в штанах.

– Меня никто не пугает, просто это неэтично – писать при людях, – ну это же правда, тем более, во Франции я никогда не видела писающих на улице при всех мужчин.

– Да мне пофиг, я писаю где хочу! Если я хочу, мне все равно! Твои с матерью штучки про воспитанность! – кричал он, но штаны все же застегнул.

– Все манеры моей матери, – сказала я фразу, которую слышала от отца пять раз в день.

– Вот именно. Пошли, если я не пописал, я не я.

С парковки мы свернули на дорогу, ведущую в лес. Пара метров – и мы уперлись в чей-то дом.

Папа подошел к забору, стал прямо напротив окон, ничем, к слову, не занавешенных, и сделал то, чего так хотел, ни на секунду не волнуясь о том, что его могут увидеть жители, и что он описал чужой забор.

Всю обратную дорогу папа говорил о том, что я такая странная со своими хорошими манерами и воспитанностью.

Дома я таки позвонила Ане, но была так взволнована и

так подскакивала от каждого звука от папы, что проговорила всего три минуты.

Позже я спустилась вниз и напоямила отцу про его обещание, а именно – сварить мне манную кашу на ужин.

– Сейчас я помою голову, а после этого ты мне сварить, да?

– Я так устал, я не уверен, хватит ли у меня сил, – ответил папа.

Помывшись, я намекнула папе, что очень проголодалась. Папа долго оттягивал момент варки, но у него не вышло, и он встал и пошел на кухню.

Через две минуты я услышала грохот кастрюль, который был таким, словно они падали друг на друга с большой высоты. Грохот продолжался минуты две, потом папа вынул пакет манки, и сразу же послышался плюхающийся звук – это он его уронил. Расставив все принадлежности возле плиты, отец вышел из кухни.

– Сначала мне нужно пописать, потому что варка каши очень сложное дело, – сказал он, надевая куртку.

Пробыв на улице два часа, папа все же вернулся к начатому. Кастрюли снова грохотали, потом что-то зашуршало.

– Дерьмо, я все рассыпал, – закричал отец. – Скорей бы уже каникулы, как же я рад, что ты уедешь к матери, ты меня задолбала своей едой, потом мне еще два часа посуду мыть, дерьмо!

Через десять минут каша была готова. Папа налил ее в та-

релку, сел напротив меня, смотрел, как я ем, и приговаривал:

– Вкусно? Видишь, как отец о тебе заботится. А то потом приедешь к матери и скажешь ей, что папа тебе и каши не сварил. Как же я рад, что ты уедешь, я задрался.

Когда я наконец доела, отец сказал:

– Теперь мне час посуду мыть, вот дерьмо, вали отсюда.

Я встала и засеменила к выходу, но в дверях остановилась и предложила:

– В следующий раз я сама сварю.

– Нет, ты все сделаешь неправильно, испачкаешь мою прекрасную кухню, чистую плиту. Нет, ни в коем случае.

И так на все мои желания помочь. Даже посуду он не позволяет помыть, потому что уверен, что я делаю это не так – то есть не наливаю пол литра моющего средства туда, где оно не нужно.

Долгая прогулка

Наши с папой прогулки после обеда нельзя назвать скучными, потому что отец не замолкает ни на минуту, постоянно что-то рассказывая, и даже когда он не разговаривает со мной, он шепчет сам себе. За эти несколько месяцев я уже забыла, как звучит природа, ведь шум ветра, пой птиц и поскрипывание деревьев тонет в ерунде моего папы. Сегодняшняя прогулка ничем не отличалась.

Каждый раз, гуляя, папа обучает меня французскому. Подходит он к этому как можно проще: показывает рукой на окружающие нас предметы и спрашивает, как они назы-

ваются. Поскольку мы гуляем по лесу, то все, что я выучила благодаря папе – это названия деревьев. Но отец упорно считает, что именно это пригодится в жизни.

После того, как я назвала все деревья правильно, папа спросил:

– Как будет самка дикой свиньи?

Единственное, что я хорошо помнила – звучит это слово так же, как какая-то еда. Я ляпнула первое, что мне пришло в голову.

– Па, – то есть хлеб на французском.

– Пар? Какой еще пар, что ты несешь?

Нет, нет, мое произношение слов вполне нормальное, по крайней мере другие люди меня понимают. Просто отец немного глухой, или не немного, судя по тому, насколько часто он не слышит, что я говорю, даже когда я произношу по слогам или ору. Вот и теперь то же самое.

– П-А!

– Да не пар, а ле, – рыкнул отец.

Вот это да, оказывается это «ле», как молоко.

– Кошмар, твои знания французского просто ужасны. Забыть, как будет самка дикой свиньи, когда я только вчера говорил это слово. С чего ты вообще взяла, что это... как ты там сказала?

– Понимаешь, я помню, что это омонимы с едой. Ну, когда звучат одинаково, а значение разное. «Па», как «па» – хлеб. А оказалось, это как молоко, – я подняла голову и увидела

выражение крайнего недоумения на папином лице.

– Что ты несешь вообще? Какой пар? Нет, ты говоришь по-французски, как корова по-испански, это однозначно.

Папино любимое сравнение, которое я слышу каждый день.

– Слушай, а ты не хочешь все-таки вернуться на родину? – с надеждой спросил отец. Наш разговор явно принял нежелательный оборот.

– Нет.

– Почему? Там же твоя мать и кот. Я ведь разорен, у меня совсем нет денег, и я так устал, ну вернись.

– Нет, – повторила я.

– Вот дерьмо, я попал, – сказал папа.

Я почувствовала, что от холода у меня течет из носа.

– Ты не мог бы дать мне мушром? – попросила я в полной уверенности, что правильно назвала носовой платок.

– Что? – закричал отец. – Как ты сказала?

– Мушром.

– МУШУАР! Боже, ты говоришь, хуже, чем корова по-испански, – кричал он, вынимая платок из кармана.

– Между прочим, профессор на занятиях понимает, что я говорю, – похвасталась я.

– А ваш профессор вообще точно знает французский? Потому что мне кажется, что он такой же придурок, раз понимает тебя.

– Вообще-то это только ты не слышишь, что я говорю.

– Если я не понимаю, то и другие понять не могут, – отрезал папа.

Мы немного помолчали, но не успела я насладиться этими минутами тишины, как батька сделал заявление:

– Знаешь, я невероятно крутой учитель по французскому. Я учу тебя в поте лица. Однажды ты скажешь людям, что именно твой отец давал тебе самые лучшие уроки и прекрасно обучил тебя.

Я решила не говорить, что до моего переезда сюда папа никогда не пытался научить меня хоть чему-то, да и сейчас от него было мало толку, кроме названия деревьев и самки дикой свиньи, разумеется.

– Слушай, а вот если у нас роутер на втором этаже, то интернет ловит на первом?

– Да, даже в туалете, – ответила я не подумав.

– Ты что, и в туалет с телефоном ходишь? – с ужасом повернулся ко мне отец.

– Ну да, а что же там еще делать? – пробормотала я, ожидая, что он меня отругает за постоянное использование современных технологий.

Но папа вынул свой старый кнопочный телефон, покрутил его в руках, и задумчиво сказал:

– Вот это да, а с моим телефоном в туалете не посидишь.

– Можешь купить себе недорогой смартфон, я сделаю тебе аккаунт в «Фейсбуке».

– Нет, нет. Это все бред. Когда ты наконец свалишь от

меня, я все эти провода перережу и на хрен избавлюсь от интернета. В мире это абсолютно не нужно.

Мы опять помолчали минут пять, но отец не мог угомониться.

– Ты сегодня будешь мыться?

Мытье – его больная тема. Папа считает, что счета за воду его разоряют. Сам он принимает душ каждый день, но когда я делаю так же, он возмущается и кричит, что я трачу воду литрами и кубиками, которые он, к слову, научился отсасывать пылесосом из счетчика, так что особых трат у него теперь не бывает. Главная папина мечта – мыться бы мне пореже, лучше раз в месяц.

– Да.

– Да что же такое, опять она моется, – пробубнил он.

– Ты же отсосешь свои кубики потом, – возмутилась я.

– Это неважно, ты все равно должна экономить. Я приучаю тебя ко взрослой жизни. Ты же криворукая, я знаю, раскрутить счетчик и отсосать не сможешь, так что учись экономить.

Мы помолчали полсекунды.

– Это же завтра ты идешь на учебу?

Я кивнула.

– Дерьмо, как меня утомили эти ранние подъемы. Я сегодня встал в шесть утра, потому что думал, что это понедельник. Потом я вспомнил, что сегодня воскресенье. Ты мне весь режим сбиваешь своей фигней, как же я устал.

Весь обратный путь до поселка папа говорил о том, что он не собирается содержать меня еще двадцать лет, а потому в будущем году я должна выбрать профессию, которая меня точно прокормит, а лучше мне сразу пойти работать без всякого образования, или выучится, как он, на механика, просто и деньги будут. Он не прекращал это нести даже когда, как всегда, писал под деревом.

Пописав, он повернулся ко мне и, застегивая джинсы, важно проговорил:

– Ты должна понимать, насколько умные вещи я говорю. Умнее этого тебе никто ничего не скажет. Я могу умереть завтра, так что мотай на ус мои слова.

– Пап, ты штаны описал.

Отец глянул на капли на штанине.

– Да ничего страшного, подумаешь.

Когда мы выходили из леса, там как раз начали убирать срубленные деревья у обочины дороги. Несколько больших тракторов ездили туда-сюда, захватывая бревна своими огромными манипуляторами. Асфальт в некоторых местах уже пошел трещинами из-за тяжести таких машин, и папу это почему-то крайне взволновало.

Мы проходили по траве мимо тракторов и заметили нескольких старушек, которые смотрели на все это действие. Батяка остановился рядом с ними и, размахивая руками, закричал:

– Вы видите этот беспредел? Эти тракторы рушат нам все

дороги! А ведь их только недавно обновили! Я возмущен!

Женщины переглянулись, одна из них с трудом сказала:

– Простите, мы не знаем французский.

– А, вы не поняли, что я сказал? – отца это совсем не смутило, и он зачем-то снова завел свою шарманку, теперь уже больше изъясняясь жестами. – Вот эти машины, – он ткнул в тракторы, – рушат дороги, – папа показал руками на дорогу и сделал взмах ладонью, означающий, по его мнению, поломку.

– Ааа, – протянули женщины, улыбнулись нам и пошли дальше. – До свидания!

– Да, до свидания, – гордый тем, что просветил людей в такой важной проблеме, батька пошел дальше.

Войдя в поселок, папа ткнул пальцем в стоявшую у одного из домов машину.

– Вот это хорошая машина. Я мог бы купить такую и отдать тебе.

– Да, но у нее нету дверей сзади.

– А зачем тебе двери сзади? – фыркнул отец.

– Ну, если я буду возить свою семью, друзей, чтобы всем было удобно пролазить внутрь.

– У меня нет задних дверей, – напомнил папа.

– Так это неудобно.

– Я купил эту машину для себя, так что мне пофиг, удобно ли вам там всем, или нет. Все это бред, чтобы другим тоже было удобно.

Мы вернулись домой, и я уже надеялась отдохнуть от всех этих разговоров, но впереди еще было чаепитие.

Уже за столом мы обнаружили, что я заварила отцу зеленый чай вместо черного.

– Вот как так можно?! – отец отхлебнул немного и сделал такое лицо, будто хуже этого ему пить еще не приходилось.

– Просто понимаешь, я много думаю, и поэтому такая рассеянная, – объяснила я, пока папа доставал со шкафчика сахар.

– Много думаешь?! Интересно, о чем ты можешь думать. Думать – это вообще фигня, вот я никогда не думаю, сразу беру и делаю, – философски сказал отец, одновременно засунув руку в штаны.

Вместо ответа я высморкалась.

– Ты сморкаешься за столом? – закричал папа.

– Да, а что? Все так делают, не шмыгать же носом.

– За столом это неприлично. Ты вообще ешь как свинья, просто кошмар, все манеры твоей матери, – вынес вердикт отец, после чего начал поедать хлеб с вареньем, хрюкая, чавкая, роняя кусочки.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Чего ты смеешься?

Ну не могу же я ему сказать причину, что это он ест как самка дикой свиньи.

– Сама не знаю.

Папа посмотрел на меня с ужасом.

– Я дура, – добавила я, пока он сам это не произнес.

– Это точно, тут ты права, – и отец углубился в свою газету.

Так закончился этот обычный день.

Кладбище

В один из вечеров папа вышел во двор опустошить почтовый ящик. Вернулся он в мрачном настроении.

– Посмотри, мне уже второй раз присылают письмо, что наша семейная могила на кладбище не оплачена. Но я все оплатил, что это за хрень?!

– Это дерьмо, – ответила я.

– Ну естественно. В общем, встань-ка завтра на полчаса раньше, может, мы поедем туда, посмотрим, а может и нет, не знаю. Но на полчаса раньше встань.

– Хорошо.

Следующим утром я встала раньше, но отец ничего не сказал по поводу того, едем ли мы в город на кладбище или нет, поэтому я решила, что никуда не едем. Неспешно позавтракав, я застилала кровать, когда отец, все еще не говоря ни слова, вышел на улицу. Через десять минут он влетел в дом.

– Мне еще долго тебя ждать? – заорал он.

– А мы что, едем?

– Ну конечно.

– Черт. Подожди, я сейчас.

В панике я кое-как оделась, и без макияжа, успев схватить главное – телефон и наушники, вылетела на улицу. Едва я

прыгнула в машину, как папа сорвался с места.

– Какого черта? Кладбище в выходные работает до 12, мы сейчас не успеем.

– Ты же не сказал, что мы едем.

– Я вчера объяснил, какой у нас план на день.

– Ты ничего не объяснил, кроме того, что я должна встать раньше.

– Ой, знаешь, – папа махнул рукой, чуть не дав мне по носу, – я мастер объяснений, это ты какая-то странная, раз не понимаешь.

До кладбища мы доехали молча. Папа посмотрел на могилу, которую оградил красной лентой, похожей на полицейскую, и сразу же пошел в дом управляющего.

Без стука ворвавшись внутрь, мы подошли к столу, за которым сидел мужчина с очень странной внешностью, как раз подходящей для работника кладбища.

– Здравствуйте, – сказал мужчина.

– Здравствуйте! – рявкнул папа. – Значит так, вы знаете почему я здесь?

– Нет, не знаю, – невозмутимо ответил работник.

– Я здесь, потому что мне пришло письмо, что я якобы не оплатил могилу.

– Ну да, это я его отправил.

– Но я все оплатил.

– Я знаю, – все так же спокойно отвечал работник.

– Так а в чем проблема? – папа начал выходить из себя.

– В том, что на вашей могиле сломался памятник, он качается, когда его трогают. Мы оградил это место, но вы должны его починить.

– Вот это да, а я и не заметил, – поразился отец.

– Нам нужно было, чтобы вы приехали поскорее. Если памятник случайно упадет на человека и покалечит его, вы можете сесть в тюрьму.

Папа разразился громовым смехом.

– Да что за ерунда, меня за такую фигню в тюрьму!?

Но работник не смеялся, похоже, папа зря принял сказанное за шутку.

– Так а зачем же вы мне написали, что я не оплатил могилу?

– Чтобы заманить вас сюда, – без улыбки ответил служащий.

Папа промолчал, а я подумала, что ход конечно странный, но весьма действенный, ведь ничто не встревожит папу так сильно, как проблемы с деньгами.

– И что мне теперь делать?

– Для начала посмотреть на поломку.

Мы все вернулись к могиле, работник покачал памятник, который действительно висел на соплях и мог упасть в любую минуту.

– Да, я вижу, – папа, похоже, представил, сколько денег ему придется потратить на починку.

– Я дам вам телефон службы, которая этим займется, по-

звоните сейчас же и договоритесь.

Мы вернулись в домик, мужчина приготовился диктовать номер службы. Папа вынул свой кнопочный телефон, начал нажимать на кнопки, но несколько раз сбивался. К третьему разу, работник, похоже, очень устал от такого клиента.

– Давайте, диктуйте... Черт, подождите, не на то нажал, дерьмо, ненавижу эти телефоны, как же меня достало, что все люди с телефонами, задрали с этими телефонами.

Работник смотрел на папу, как на придурка. В конце концов ему все же удалось дозвониться и договориться со службой починки.

– Это все? – спросил папа, положив трубку. – Я могу уже идти обедать?

– Конечно, приятного аппетита, – мужчина, как и все люди, вынужденные общаться с отцом, мечтал поскорее от него отделаться.

Как и следовало ожидать, всю дорогу до супермаркета отец бубнил, как же он разорен с этой могилой, зачем она вообще нужна, лучше бы просто прах всей его семьи в лесу развеяли, так нет, теперь у него столько возни, будь они все прокляты, эти мертвые родственники.

В кафетерии я взяла рыбу, а он попросил стейк. Работница сообщила, что стейк еще не готов, и всучила ему в руку какую-то круглую штуковину с номером.

– Что это? – спросил папа, когда мы сели за столик.

– Наверное, назовут твой номер, когда будет готово.

Я начала есть, отец мечтательно смотрел на свою тарелку, когда штукавина загорелась красным, завибрировала и заскакала по столу. Папа резко откинулся на стуле, лицо его выражало крайнюю степень непонимания и ужаса.

– Что сидишь, иди свой стейк забирай, – я сразу догадалась, что это новая система оповещения.

– Вот это да, – сказал папа с восторгом. – Вот это система, я в шоке, а я и не понял, как это работает.

Взяв тарелку, он отправился к стойке и долго рассказывал работникам, как он удивлен такой интересной штукой.

После еды мы пошли за покупками. Кинув в корзину все, что необходимо согласно своему списку, папа решил воспользоваться кассой самообслуживания. Несмотря на его панику, ведь это нечто сенсорное, все шло вполне неплохо. Но когда настало время платить, автомат завис.

– Дерьмо! – папа тыкал во все уголки экрана. – Дерьмо!

Он повернулся и замахал руками работнице, следившей, чтобы все было в порядке.

– Помогите мне, – закричал он. – Что-то идет не так!

– Все хорошо, мсье, просто нажмите на красную кнопку.

– Что? – закричал отец. – Куда нажать?

– На красную кнопку.

– Где? Что? – продолжал кричать батька, разглядывая экран.

Я потянулась и нажала на нужную кнопку.

– Понапридумывают всякое дерьмо, – сказал отец, когда

мы вышли из супермаркета.

Подъезжая к дому, я сообщила, что сейчас пойду прогуляюсь.

– Правильно, иди. А я так устал, я спать лягу.

Мы вышли из машины, папу кто-то позвал. Обернувшись, он увидел, что в соседний дом приехал хозяин, который не бывал тут уже месяц.

– Представляешь, я провел интернет, – сразу же сообщил папа.

Сосед выпучил глаза, такой новости он не ожидал.

– Правда?!

– Ну да, – и папа принялся рассказывать подробности, а я пошла на прогулку.

Вернувшись спустя час, я обнаружила отца бодрствующим на кухне.

– Представляешь, я так и не поспал, все это время проговорил с соседом. Теперь я такой голодный.

Я заварила чай, мы уселись за стол. Папа отрезал кусок хлеба размером с пол руки, намазал на него пол пачки масла, обильно полил вареньем, и принялся судорожно поглощать, издавая такие звуки: мням-мням-пых-пых-амнямня.

Разговор с соседом пробудил в отце не только зверский аппетит, но и желание действовать, потому он заявил мне, что ему нужно срочно проверить, как я пишу на французском. Я принесла свой учебник, и папа принялся искать там текст для диктанта.

– Какие-то у вас все тексты сложные, – заключил он через пять минут. – Может, ты что-то и понимаешь, но эти тупые люди на ваших занятиях наверняка ничего понять не могут.

Мой диктант он оценил как неудовлетворительно, невзирая на сложный текст.

– Ну все, я очень устал. Ты должна быть рада, что у тебя такой отец, я столько для тебя делаю.

– Ты лучший отец в мире, – сказала я с сарказмом.

– Да, тут ты права, – ответил отец абсолютно серьезно, без скромности. – Я надеюсь, однажды ты не скажешь, что я ничего для тебя не сделал, потому что я очень много делаю, я пошел на такие жертвы ради тебя.

– Своего будущего кота я назову в честь папы, – зачем-то сказала я, ожидая, что он выдаст свое любимое «ты дура», но батька вдруг улыбнулся.

– Правда?

Я кивнула.

– Ты назовешь его в честь меня? Ты такая дурочка, – и тут я увидела на его лице гордость.

Вообще-то у меня не было желания называть своего кота Полем, но теперь уже, видимо, не отвертеться, ведь папа так горд. Я поскорее ушла к себе в комнату, пока не сказала что-то еще, о чем потом пожалею.

Немыслимый стресс

За обедом в кухне папа не замолкал ни на минуту, распространяясь о том, насколько ужасен снег, идущий уже неде-

лю, поездка по снегу вредит его великолепной машине, но он вынужден ездить из-за моей учебы, как же я его достала. За всей этой болтовней я вдруг услышала знакомую мелодию.

– Папа, твой телефон.

– А? Что? – он застыл с вилкой во рту, не понимая, что происходит. – Черт!

Отец бросился в комнату, схватил телефон, но к тому времени трубку уже положили. Папа принес его в кухню и попытался перезвонить.

– Это Жан-Жак, мне нужно с ним поговорить.

Батяка жал на все кнопки, но перезвонить никак не получалось.

– Дерьмо, не могу, дурацкие телефоны, зачем они вообще созданы! Короче, сам позвонит, – и он сел за стол.

Звонок от Жан-Жака не заставил себя долго ждать, и на этот раз папа сразу схватил трубку. Жан-Жак – давний его друг, живущий в Кольмаре – другом крупном городе где-то в часе езды от нас. Видится с папой он раз в несколько месяцев, и это очень важно для них обоих, потому что папа последние годы зарабатывает нелегальной перевозкой сигарет из моей родины во Францию и продает их тут своим знакомым, включая Жак-Жака. Вся эта схема основана на том, что во Франции сигареты очень дорогие, потому, покупая их в другой стране и перепродавая тут можно немного заработать. Папа очень гордится своим бизнесом, и часто говорит мне, что я на такое не способна.

Поэтому, конечно, встреча с Жан-Жаком была назначена на ближайшую субботу.

Мы выехали ни свет ни зоря за три часа до встречи, хотя ехать всего час. По дороге отец заявил, что купит мне карточку, чтобы пополнить счет в телефоне. Тут-то мне и пришлось раскрыть все карты.

– Папа, дело в том, что мой телефон сломался, – это была правда, там повредились какие-то настройки, и теперь он ни принимал звонки, ни вызывал. Поэтому и смысла пополнять счет не было.

– Что? Как это? – батяка чуть не вылетел на встречную полосу от ужаса.

Я попыталась объяснить суть поломки.

– Слушай, я ничего не понимаю, какие-то настройки, вызовы, все это бред. Мне пофиг. Запомни главное: я не куплю тебе новый! Да я разорен! – уже кричал он. – Как ты смеешь даже думать, что я куплю тебе новый, когда у меня ни копейки, все уходит на тебя! Забудь об этом!

– Вообще-то я и не просила у тебя новый.

– Правильно, потому что я не куплю, не куплю! – кричал он, размахивая руками. – У меня теперь стресс! Я знаю сколько стоят телефоны, тысячу евро.

– А я видела недорогие айфоны за 250.

– Да ты вообще офигела, сначала куртка, теперь телефон! Не смей даже думать, забудь об этом!

Мы въехали на заправку и пристроились в очередь за по-

жилой женщиной. Отец нервно стучал по рулю. А женщина не спеша заправила, потом вытерла салфетками руки, оторвала еще парочку, и стала протирать ими машину.

– Долбаная бабка, – и папа посигналил.

– Подождите, мсье, – закричала женщина.

Отец вылез из машины.

– Чего ждать? Вы задолбали! Протереть машину можно и в другом месте! Валите отсюда, я уже сорок минут жду! – орал он.

Но бабка оказалась не пальцем деланная.

– Ты что, вообще ненормальный? Раскричался тут! Подождите пять минут, ничего с вами не случится!

– Старая кастрюля, вали уже!

– Козел, я имею право стоять здесь сколько хочу!

– Ненормальная, я вам еще покажу!

Тем временем люди на заправке собрались кругом вокруг папы и женщины. Все с интересом наблюдали за их ссорой, кто-то пытался заступиться за бабку, кто-то смеялся, одна женщина вышла вперед и сказала:

– Мсье, успокойтесь уже.

– Да она меня достала, стою сорок минут из-за какой-то бабки, жду непонятно чего!

Защитница бабки повернула голову и увидела меня в машине. Тут меня заметили уже все присутствующие. Они смотрели с таким осуждением, словно я могла как-то повлиять на своего отца. Я опустила голову и уткнулась в телефон,

включив музыку в наушниках.

Наконец мы уехали с этой ужасной заправки, хотя, выезжая, папа продолжал кричать, как он прав и оскорблен.

– Как вы меня все достали, и ты, и бабка, – нашептывал он до конца поездки.

Наконец мы доехали до торгового центра, в кафетерии которого должны были встретиться с Жан-Жаком. Я вылезла из машины и увидела в багажнике мусорные пакеты. Ну конечно, куда же без цирка шапито с мусором.

Дело в том, что у папы есть еще один признак социопатии. Он никогда не выбрасывает мусор в положенном месте. Если точнее, у него, как и всех в поселке, есть мусорный бак, куда он должен кидать мусорные пакеты. Это бак раз в неделю опустошает проезжающий по поселку мусоровоз. Но мой папа почему-то противится такому образу жизни как может. Поэтому мусор он выбрасывает весьма своеобразно.

На парковке возле каждого торгового центра есть что-то вроде гаражей с тележками для продуктов. А у каждого гаража по мусорнику, предназначенному, естественно, не для пакетов, а для мелочи, типа бумажек, огрызков и платков. Вот туда-то батя и запикивает пакеты, получая при этом удовольствие, что делает что-то не по правилам.

Отец вынул из багажника большой пакет.

– Давай скорее, я в туалет хочу, – сказала я.

– Подожди, главное – мой мусор.

Папа стоял у машины, не решаясь подойти к мусорнику,

потому что неподалеку как раз прохаживался работник торгового центра. Тут работник отвернулся. Папа рванул к мусорнику, начал пихать туда пакет, он не пролазил, а работник начал поворачиваться в нашу сторону.

– Черт!

Папа со всей силы стукнул кулаком по пакету, он ухнул на дно мусорки, в этот момент работник окончательно повернулся к нам, но отец уже как ни в чем не бывало шел к главному входу. На его лице светилась ни с чем не сравнимая гордость.

Жан-Жак уже ждал нас у кафетерии. Мы все поздоровались, пожали друг другу руки и двинулись обедать.

За столом разговор от сигарет перешел ко мне.

– Ну как, твоей дочке нравится тут? – спросил Жан-Жак.

– Да, – папа изо всех сил старался есть прилично, не сметая все с тарелки за секунду, поэтому был очень напряжен. – Представляешь, она даже не хочет вернуться назад. Я ей предлагаю, а она ни в какую.

– Но это же хорошо, – сказал Жан-Жак и улыбнулся мне.

– Ну да, – неуверенно ответил папа. – А еще у нее сломался телефон, но я разорен, я не могу купить ей новый.

– А какой ты хочешь? – спросил у меня Жан-Жак.

– Айфон.

– Но айфоны есть недорогие. А главное, это хорошая модель, долго прослужит. Обязательно купи ей.

– Слушай, Жан-Жак, иди к черту. Я столько для нее де-

лаю, телефон – это лишнее.

– Но всегда можно сделать больше, например, подарить телефон на Новый год.

Батяка делано рассмеялся.

– Ой, замолчи, пожалуйста, – и он пошел за кофе.

– Не волнуйся, сейчас я папу за две минуты уговорю, – радостно заявил Жан-Жак.

Папа вернулся с двумя кофе, к которым прилагалась конфетка. Жан— Жак отдал мне свою, папа посмотрел на него и поскорее засунул конфету в рот, будто боялся, что я ее отберу.

– В общем, смотри, – Жан-Жак вынул свой айфон и открыл на нем какой-то сайт. – Тут можно купить поддерживаемые айфоны. Они дешевле, но работают так же хорошо. Если хотите, я могу все заказать.

– А как происходит заказ? – спросил папа, хотя его лицо не выражало никакой заинтересованности.

Жан-Жак принялся учить его покупкам в интернете, но это с самого начала была плохая затея. Отец ничего не понимал, с ужасом смотрел на экран, и явно скучал. Жан-Жак подмигнул мне, я захихикала, папа оторвался от своей спячки и с ужасом на нас посмотрел.

– Подожди, я ничего не понял, давай сначала, – сказал он через десять минут.

Жан-Жак терпеливо объяснил заново. В конце концов папа промолвил:

– Значит так, я подумаю, и вообще, займусь всем этим после того, как она вернется с каникул, в середине января, потому что я очень устал, и я разорен.

На этом встреча закончилась. Жан-Жак поехал домой, а мы сходили за покупками. Проходя мимо большого оленя, выставленного к Рождеству в холле супермаркета, я попросила папу сфотографировать меня. Поскольку попытки освоить камеру на смартфоне у отца заканчивались какой-то ерундой, которая была либо размытая, либо мои ноги вместо лица, я поставила камеру на режим автоматической съемки через десять секунд и сказала папе, что его задача – просто держать телефон. Взяв его, он чуть не выронил, потому куда-то ткнул пальцем, сбив мне все. Со второй попытки я таки получила свои фотки, изрядно устав.

Назад мы ехали молча. Правда, один раз сквозь наушники мне послышалось, будто отец что-то говорит. Я сняла их, и поняла, что папа просто шепотом разговаривает сам с собой, видимо, обсуждая свою бедность.

Когда мы входили в дом, я громко зевнула. Отец резко повернулся ко мне.

– Не смей зевать!

– Почему?

– Потому что зевать имеют право только те, кто много работают и устают. А ты ни черта не делаешь, не устаешь, а потому не смей зевать.

Я хотела было сказать многое, например, что зевают люди

еще и от того, что мозгу не хватает кислорода, или что он вообще-то уже давно на пенсии и тоже не работает, но промолчала.

Сам папа зевал бесконечно, утром, днем, вечером, уставшим, выспавшимся, по любому поводу. Зевал он долго и протяжно, как-то так:

– А-а-а-а-у-и-у-и!

Однажды он рассказал нам такую историю. Встав как-то утром несколько лет назад, батька открыл в спальне окно и зевнул. Через пару секунд во входную дверь постучали. На пороге стоял незнакомый мужчина.

– У вас все хорошо? – обеспокоенно спросил он.

– Да, а что? – не понял отец.

– Просто я проходил мимо и слышал, как вы кричали, – удивленно ответил незнакомец.

Кажется, папа так и не сказал ему, что на самом деле это был его привычный зевок.

Пока я вспоминала этот случай и еле сдерживала смех, батька спросил:

– Что вы там проходили на французском вчера? Вы учите хоть что-то полезное? – не успокаивался папа.

– Мы проходили фютюр сампль.

– Фигур? Какой фигур?

– Фютюр сампль.

– Какая фигура?

– ФЮТЮР! – заорала я ему прямо в ухо.

– Ах, фютюр. А что это?

– Будущее время.

– Да? Странно, а я такого не знаю.

Я попыталась объяснить ему, как строится это время, что выглядело весьма странно: человек, изучающий язык меньше года, объясняет коренному французу грамматику. В итоге отец все равно ничего не понял.

– Еще мы проходили субжонктиф.

– А это что?

– Ну, это состояние глагола.

– Знаешь, я ничего не понимаю. Принеси мне свой учебник.

Я поднялась к себе, взяла учебник и дала папе. Он с умным видом просмотрел страницы, посвященные грамматике.

– А, ну да, субжонктиф и фютюр сампль. Конечно, я знаю, что это, – сказал он с весьма напряженным лицом.

Через несколько часов отец вошел ко мне в комнату.

– Включи свой компьютер, мне нужно посмотреть прогноз погоды.

– Интернет не работает, – сказала я.

– Что? Как? Почему?

– Откуда я знаю.

Папа забегал туда-сюда по комнате.

– Дерьмо, долбанные современные технологии, ненавижу их, это наверняка из-за снега!

Даже со второго этажа я слышала, как он ходил в ванной и приговаривал:

– Ненавижу технологии, столько проблем от них.

Цена семьи

С трудом покинув утром кровать, проклиная отца, из-за мании которого рано вставать даже в выходные и будить всех, невозможно спать до полудня, я вышла из комнаты. В своей спальне отец что-то бурно нашептывал сам себе, потом раздалось хихиканье.

Через пять минут папа тоже спустился в кухню.

– Сегодня мы поедem на кладбище. Нужно проверить, как там починили могилу, прежде чем я все оплачу. А то еще выкину 400 евро на ветер.

Несмотря на большую цену за могилу, настроение у отца было вполне неплохое. Мы заехали в торговый центр, пообедали, а потом пошли за покупками. Первым делом батя зашел в отдел с искусственными цветами.

– Куплю новые, поставлю на могилу.

Однако выбрать букет оказалось непросто, и не потому, что все были некрасивыми, как раз наоборот. Просто отец искал самые дешевые, но никак не мог найти.

Наконец он взял букет за пять евро. Долго его рассматривал, потом поставил назад.

– Все-таки это слишком дешево, – расстроено сказал отец.

Неужели у него есть совесть? Наверное, какая-то капелька

осталась. Тем временем папа метался между полками, хватая то дешевый, то дорогой букет. Он мучился, спрашивал у меня, что лучше, и в конце концов взял букет подороже, за двенадцать евро. Отец старался делать вид, что уверен в правильности своего поступка, но его тяжелые вздохи при виде ценника выдавали все отчаяние.

Дальше мы закупили все необходимое согласно списку, и батька уже повернулся к кассам, но тут я заявила:

– Хочу рождественские печеньки.

Отец запретил брать мне дорогое печенье, взяв подешевле и не особо вкусное. Вслед за этим в корзину полетели шоколадки и конфетки. Проходя мимо канцелярии, папа взял себе настенный календарь на следующий год, и я сразу попросила такой же. Потом мне вдруг стукнула в голову идея, которую я озвучила не подумав:

– Может купим маленький календарик и маме? Она их любит.

Папа повернулся ко мне с таким возмущенным лицом, что я пожалела о своих словах.

– Ты что, совсем офигела? Да я разорен из-за тебя, как ты смеешь еще просить что-то для своей матери? Подумать только, это неслыханная наглость. Быстро пошли платить, больше я тебя с собой в магазин брать не буду.

Пока мы шли к кассам, батька шепотом приговаривал:

– Подумать только, она еще попросила что-то для матери. У меня нету ни копейки, а она тут такое говорит.

Настроение у отца упало до нуля. Выходя из магазина, он объявил:

– Как ты меня достала, у меня нет денег, когда ты вернешься с каникул, будешь жрать одни спагетти, а лучше вообще не возвращайся, я еще подумаю, пустить тебя или нет.

В машине папа мудро промолвил:

– И запомни, пока у тебя нет денег, ты не имеешь права говорить «я хочу». Ты обязана говорить «могу ли я взять вот это». Говорить «я хочу» вульгарно, это все вина твоей матери, но ничего, я научу тебя хорошим манерам.

Тут я засмеялась, представив, как он учит меня хорошим манерам.

– Чего ты смеешься? Я прав!

– Конечно, ты всегда прав, – сказала я сквозь смех.

В раздумьях мы доехали до кладбища. Могилу, к счастью, починили, и отец сказал, что теперь может спокойно платить 400 евро. Я держала в руках букет, ожидая какого-то торжественного возложения. Но папа был озабочен не тем, как бы почтить память близких, а тем, как бы скорее пописать.

– Мне нужно срочно в туалет, кинь уже где-то там цветы и пошли отсюда, – приказал он мне и развернулся.

Я осторожно положила букет на могилу, и едва догнала отца, который мчался к туалетам на другом конце кладбища, на ходу расстегивая куртку, штаны, хватаясь за трусы и крича:

– Если туалет будет закрыт, мне пофиг, я буду писать под

сосной у могил!

К счастью, туалет был открыт, и на этом наши приключения завершились. Хотя, конечно, спокойно доехать до дома отец не мог. Пол обратной дороги он приговаривал:

– Как ты меня задрала, я разорен из-за тебя! Господи, хоть бы ты не вернулась с каникул, я так устал!

– Пап, ты меня утомляешь, – не выдержала я.

Но отец вместо «фатиге» – утомлять, услышал «ще» – дерьмо, и закричал:

– Что? Ты сравниваешь меня с дерьмом? Поверить не могу, как ты разговариваешь!

– Я сказала Ф-А-Т-И-Г-Е!

– А, правда? А я услышал дерьмо, вот это да, – невозмутимо ответил батька.

Но разговор на этом не закончился.

– Слушай, а что ты будешь делать, если вернешься, а я умер?

– Пойду к твоим друзьям за помощью, – точнее, к его оставшимся друзьям. С несколькими он уже поссорился, и теперь по всему селу рассказывал, какие же они стервы, придурки и многое другое. Но у папы был один неплохой друг, который его очень уважал, а потому обещал помощь и мне.

– Знаешь, все эти люди много говорят, но никогда ничего не делают, – философски сказал отец.

– Да, я даже знаю такого человека, – я подмигнула ему.

Ну действительно, как он всем рассказывал, что после моего переезда во Францию он сделает все: и жилье найдет, и в университет поможет поступить, а теперь его главная цель – чтобы я не вернулась от мамы с каникул.

Но отец моего сарказма не понял.

– Да, никто тебе не поможет, если я умру, – радостно ответил он. Вообще, последнее время папа много говорит о смерти, мне кажется, что он мечтает умереть, лишь бы не возиться со мной. Или я довела его до грани самоубийства, не знаю.

Подъезжая к дому, я сказала:

– Я хочу пойти прогуляться.

Отец опять не услышал начало фразы – «же вё».

– Вё? А что это?

– Я хочу прогуляться! – закричала я.

– А, хочу. Конечно, ты говоришь по-французски, как корова по-испански. Да, иди погуляй, ты меня достала, вали уже скорее.

Но через пять минут, когда я уже собирала идти в лес, радуясь, что отдохну от батьки, он внезапно объявил:

– Я тоже пойду с тобой. Нужно подвигаться, а то набираю килограммы с этой дерьмовой едой.

К моему ужасу, в лесу он все равно нес свою чушь про то, что он не для того деньги зарабатывал, чтобы на меня их тратить, что он поговорит с моей матерью, чтобы она не пустила меня назад, он двадцать лет меня содержать не собирается, от меня столько проблем.

Замолчать его заставила только приближающаяся машина, в которой ехал наш сосед, в селе известный не только тем, что он гей, но и тем, что он единственный сосед, с которым папа еще не поссорился и поддерживал хорошие отношения, из-за чего мама часто шутила, что папе, наверное, следовало бы сменить ориентацию.

Сосед остановился рядом с нами и открыл окно. Сначала они с папой говорили о кошмарных завалах снега, неожиданно случившихся на прошлой неделе, при том, что еще и декабрь не начался, потом сосед кивнул на меня и спросил:

– Как твоя дочка? Ей тут все нравится?

– Да.

– Ну это же прекрасно.

– Да, после Нового года пойду узнавать про университет.

– Это так хорошо, что ты даешь ей прекрасное будущее, – искренне сказал сосед.

– Да, – вяло ответил отец, а потом таки не выдержал и добавил: – Но это все стоит так много денег.

Сосед непонимающе посмотрел на него, и папа срочно перевел разговор на тему недавно сваренного им варенья из каштанов.

– Я могу вас подвезти, – предложил сосед в конце беседы.

Я уже собиралась лезть в машину, но батька меня удержал.

– Нет, мы прогуляемся.

Я разочарованно вздохнула, но выбора не было, пришлось

идти и дальше разговаривать с отцом.

– Знаешь, узнавать про поступление ты пойдешь сама, потому что я устал и больше ничего для тебя не сделаю.

Я согласно кивнула.

– Кстати, видел тут недавно твой выпускной альбом. А чего это ты мне его не показывала?

– Ну, я думала тебе не интересно.

– А-а-а, – протянул папа, не особо и скрывая того, что я была права. – И чем сейчас занимаются все эти дети из альбома?

– Они поступили в городе.

– То есть все остались в вашей стране.

– Да.

– Ну вот почему ты не могла поступить так же? – воздел отец руки к небу.

– Ну, одна моя подруга уехала учиться в другую страну, я с ней недавно разговаривала, с Катей.

– Ага, и как там твой Каша? Чем он занимается?

– Катя, и это девочка, – прокричала я.

– Ах, Катя, а мне слышалось Каша.

Я так и не рассказала, чем занимается моя подруга, потому что оставшиеся полчаса прогулки смеялась на весь лес.

Папа и румын

За несколько недель до каникул я все же умудрилась заболеть. Сначала у меня першило горло, потом начался насморк и поднялась температура.

Папа бегал по дому в панике. Он все время грозился отправить меня к матери, если я заболею, но воплотить этот план в жизнь было легко только на словах, а потому ему пришлось смириться с больной дочерью.

– Дерьмо, у тебя иммунитета никакого, раз кто-то рядом чихнул, и ты уже заболела.

– Вообще-то сейчас все болеют, – напомнила я.

– И что теперь? Как ты меня задолбала, Господи!

Но самый страшный удар ждал отца впереди. Я заявила, что у меня нет лекарств от простуды, и мне нужно к врачу, потому что с моими слабыми ушами, которые всегда принимают на себя удар после начала простуды, лучше не шутить. Поскольку медицинская страховка еще не была готова, с папой почти случилась истерика.

– Ты знаешь, что прием у врача стоит 25 евро? Я разорен!

Но я так требовала от него, что в конце концов отец согласился повезти меня к доктору.

Пока я кое-как от слабости из-за температуры одевалась, папа внизу разговаривал сам с собой.

– Ну что Вилар, тяжело? Правда, это дерьмо? А? Конечно, это дерьмо.

Мы приехали в поликлинику в соседнем городке, которая называлась «Дом здоровья». Папа решительным шагом подошел к регистратуре.

– Здравствуйте! Мне нужен врач.

– Добрый день, – улыбнулась сидящая за стойкой девуш-

ка-подросток. – Какой вам нужен?

– Любой, но я тут у вас уже однажды был, и мне попался какой-то румын. Не смейте давать мне его, это ужасный врач!

Девушка выдавила новую улыбку и позвала кого-то. Из-за угла появилась женщина постарше.

– Добрый день, что за проблемы?

– Мне нужен нормальный врач, а не тот румын, он мне ничем не помог! – почти кричал папа.

– Хорошо, хорошо, вот есть один доктор, к нему в очереди уже три человека.

– А можно кого-то, у кого в очереди поменьше людей?

Женщина посмотрела в компьютер.

– Да, есть один врач, он начнет прием через двадцать минут, но вы будете к нему первые.

Папа подозрительно смотрел на нее.

– Это очень хороший врач, – почти перепугано заверила его женщина.

– Ну ладно, давайте нам его, – сказал батька с полным недоверием и к женщине, и к врачу.

– Идите вон туда, – женщина показала на коридорчик с цифрой один на стене, справа от нас.

– Куда? Туда? – отец свернул налево и уверенно пошел.

– Нет, вон туда, – закричали обе работницы.

Мы прождали двадцать минут, и нас пригласил к себе симпатичный врач. В кабинете мы сели за стол, врач начал

спрашивать мои данные и забивать их в компьютер.

– Понимаете, у нее еще нет страховки... – тут последовал длинный рассказ о моих путешествиях во Францию, который папа пихал повсюду, как я подозреваю, с целью похвастаться тем, насколько он крутой и мужественный: собственную дочь к себе перевез.

– Ничего страшного. Я возьму с вас плату за прием, но могу выписать лекарства на ваше имя, чтобы вам сэкономить, по вашей страховой карте вы получите их почти бесплатно.

– Это очень мило с вашей стороны, – ответил папа без всякой благодарности на лице. – Но я надеюсь, вы нам поможете, потому что я тут недавно был у одного румына, он просто отвратительный врач. Он сказал мне, чтобы я подожду, может, само пройдет, когда у меня нога уже две недели болела! Я так возмущен!

Отец наконец замолчал, и врач воспользовался этой паузой, повернулся ко мне и спросил:

– Так что у вас случилось?

Я открыла рот, но тут вклинился батька.

– Нет, вы представляете, как этот румын меня оскорбил! И за прием я еще и должен был заплатить! Это просто неподобающе! – стукнул он кулаком по столу.

– Так что же случилось? – предпринял вторую попытку врач.

– Да я же говорю, нога две недели болела...

– Я про вашу дочь.

– А, – отец глянул на меня так, словно только что вспомнил о моем присутствии. – Она простудилась.

Сказав последнюю фразу, он отвернулся, будто не верил, что я действительно больна.

Врач тщательно меня осмотрел, собирался проверить горло, засунув мне шпатель в рот, от чего в панику впала уже я. Что-то, что лезет мне в рот, кроме еды конечно, – мой самый большой страх. На родине я договорилась со всеми врачами, и они смотрели мне горло просто так, без посторонних предметов, но как я попрошу доктора тут?

Он подошел ко мне со своим орудием пыток, я не могла раскрыть рта, и отчаянно замотала головой. К счастью, врач все понял без слов, и смог осмотреть меня и так. Хотя, я подозреваю, убедился, что у нас семья сумасшедших.

После этого он выписал мне лекарства на папино имя, отец с отчаянием достал из кошелька двадцать пять евро, и поскорее утащил меня из кабинета.

– Этот врач такой же, как и тот румын, – заключил батька в машине. – Не так уж ты и больна, он просто несет ерунду.

Однако лекарства отец мне все же купил. По возвращении домой я легла в кровать, а папа стоял надо мной и приговаривал:

– Давай пей свои таблетки, а то я тебя знаю, по врачам ходить хороша, а потом ничего не будешь лечить. Тебе принести еду сюда?

– Ну если можешь.

– Конечно, могу.

Следующие пятнадцать минут папа готовил еду в своем стиле: все грохотало, он матерился, кричал, ругался на всех языках, которые знал. Потом я услышала, как он поднимается по лестнице с тарелкой и шепчет:

– Как же меня все это утомило, за что же мне такое наказание?!

А меня впервые в жизни утомило болеть, потому, едва спала температура, я убежала на учебу и не пожалела.

День рождения

Дни рождения отец никогда не отмечал как-то необычно. Точнее сказать, он вообще никогда их не отмечал. Вот и на этот раз нас ждал обычный выходной.

С утра я вручила папе подписанную открытку. Он внимательно ее прочел, сообщил о нескольких ошибках, но признал, что в целом я неплохо пишу по-французски. Потом он объявил, что мы поедем в магазин, и он позволит мне там немного побродить.

– Что ты хочешь себе купить?

– Джинсы.

– Гриль? Какой еще гриль?

В истерике от смеха я закричала:

– ДЖИНСЫ!

– Стримфы? А что это?

Вместо ответа я набрала это слово в гугл-переводчике.

– Джинсы! Может, пишешь ты и неплохо, но говоришь как

корова по-испански.

Пообедав в кафетерии, я пошла по магазинам и купила новые джинсы. После этого нас ждало крайне увлекательное дело: отец нашел вариант квартиры в поселке в 7 километрах от города за дешевую цену, которую можно было бы мне купить. И теперь мы собирались туда ехать и смотреть.

Пока мы шли к машине, папа отрыгивал и приговаривал:

– У меня заброс содержимого желудка в пищевод. Вот дерьмо. А это все ты виновата.

– Да ну? – я уже ничему не удивлялась.

– Ну конечно, ты ешь быстро, и чтобы поспеть за тобой, я тоже ем в спешке. А потом у меня вот такое, – и он снова отрыгнул. – У меня аэрофагия.

Насколько я знала, это явление называлось рефлюкс-эзофагит, но сейчас меня возмутило другое.

– Вообще-то, это ты ешь быстро, а я тороплюсь, чтобы за тобой поспеть, потому что когда ты за пять минут все съедешь, то потом сидишь и смотришь на меня, а меня это бесит.

– Нет, ты несешь бред, это все твоя вина, – сказал отец, подавив отрыжку.

– У меня есть таблетка от расстройств пищеварения.

– Нет, эти ваши ужасные таблетки, от них еще хуже станет.

Но когда мы уже ехали за городом в поисках поселка, батяка таки съел таблетку, от чего ему сразу полегчало.

Найти село оказалось задачей не простых, особенно когда выяснилось, что я на дороге ориентируюсь по указателям

лучше отца, но права слова у меня нет, потому мы навора-
чивали круги, пока папа все же не поехал так, как я сказала,
и – чудо – мы въехали в поселок. Забавно, как облегчилась
бы жизнь, будь папа хай-теком и имея навигатор.

В селе мы на удивление быстро нашли тот дом. Оказалось,
что там и смотреть не на что. Дом только строился, стояла
лишь бетонная коробка. Да и в целом нам не понравилось
все: село слишком тесное, много подозрительных личностей,
автобус в город приходит далеко от центра. Наше мнение
впервые совпало, и мы собирались уходить, как вдруг из со-
седнего дома выглянула старушка и стала расспрашивать,
что мы тут ищем. Папа объяснил ей, и старушка принялась
рассказывать про жизнь в этом селе и про то, что молодежи
тут скучно. Постепенно она увлеклась и стала пересказывать
свою жизнь.

Папа послушал ее какое-то время и сказал:

– Ну, это очень интересно, но нам, пожалуй, пора.

– Да, конечно, а вы знаете, я недавно перенесла грипп...

От такого известия папа еще сильнее захотел уйти, так как
страдал болезненным страхом чем-то от кого-то заразиться.
Спустя пять минут отец, переминаясь с ноги на ногу, бодро
начал:

– Ну что же, мы пойдем...

– Представляете, моя дочь со мной не разговаривает и не
дает общаться с внучкой...

Еще через десять минут папа почти с мольбой сказал:

– Ну, нам пора, до свидания!

– Конечно, конечно, до свидания!

Мы усаелись в машину и батка включил обогреватель на полную мощность.

– Долбаная бабка, будь она проклята, у меня ноги как ледышки, а она все триндит! Да мне пофиг на ее дочку и внучку, на хрен они мне сдались!

Я чихнула, папа подскочил.

– Надеюсь, ты не заразилась гриппом от этой козы?

– Я тоже надеюсь.

Мы поехали домой через город, наверное, не стоит говорить, что папа не замолкал всю дорогу.

– Как же ты меня утомляешь своими квартирами, ну почему ты не хочешь жить в селе на горе как я, впрочем, неважно, все равно я тебе ничего не куплю, ты сама не знаешь, чего хочешь, когда же уже каникулы, поедешь к своей матери, может, не вернешься. Слушай, я тебе свою машину отдам, только останься в селе.

Я покачала головой, и отец принялся повторять все сказанное.

– Из-за тебя я до сих пор не пописал на улице, а это очень плохо для меня, – сообщил папа, а потом принялся нести какую-то чушь то ли про то, в каких местах он недавно писал, или где он в городе недавно писал, я ничего не поняла и изо всех сил старалась удержаться, чтобы не спросить: «Чё ты несешь вообще, ёпта?»

Через некоторое время оказалось, что папа заблудился в городе. Мы проехали мимо всех тех мест, где я уже была со своей подругой Аней, а он все никак не мог найти выезд, но при этом говорил:

– Ты здесь ничего не знаешь, ты вообще в городе не ориентируешься, ты же тупая.

Я попыталась объяснить правильное направление, но отец меня не понял, и я махнула рукой.

– Да, лучше молчи, ты все равно говоришь как корова по-испански.

Мы таки смогли выехать из города и направились домой. По дороге у нас произошел только один разговор.

– Завтра обещают дождь, – сказал папа.

– А в моем метео в компьютере стоит, что будет снег.

– В твоём метро?!

– МЕТЕО!

– Знаешь, тебе нужно говорить как-то нормально. Подумать только, я услышал «метро».

Когда мы въехали в городок рядом с нашим поселком, отец заявил, что у него еще одно дело: нужно заехать в банк, чтобы я подписала бумагу о том, что он имеет право брать деньги с моего счета, который открыт только для меня с восемнадцати лет.

В банке не было очереди, чему папа несказанно обрадовался. Мы зашли в кабинет к первой попавшейся банкирше, приятной девушке, такой же высокой, как и я.

– Значит, вам нужно подписать разрешение? Конечно, без проблем, – она начала сканировать мой паспорт и распечатывать бумаги. – Так ваша дочь тут недавно?

– Да, я перевез ее сюда, потому что на ее родине ужас. Тут, конечно, не лучше, может, даже хуже, все эти страны дурацкие, но я ее перевез, – отец гордо выпятил грудь.

– И чем же она теперь занимается?

– Изучает французский на курсах. Я ее записал, – папа еще сильнее выпятил грудь.

– То есть она не знает французский до конца? Но как же вы общаетесь?

– По-французски, а как же еще! – гаркнул отец. – Она знает немецкий, я тоже, но я француз и говорю только по-французски!

Банкирша повернулась ко мне:

– Значит, ты вынуждена общаться только на французском? Бедная, это, наверное, так тяжело.

Я скромно кивнула, радуясь, что хоть кто-то меня понял. То есть, она наверняка поняла все в плане обычного человека, а не в плане папиной глухоты, но это неважно.

Дома отец спросил:

– Что вы там проходили на французском вчера?

– Кондисьонел презент.

– Правильно говорить – презент дю кондисьонель.

– Но учитель говорит так, как я сказала.

– Слушай, ваш учитель сам говорит как корова по-испан-

ски.

В этот момент я чихнула как папа, громко, резко, протяжно, на всю кухню. Батяка испугался, подскочил, и закричал:

– Дура!

– Я чихаю как ты.

– Я так делаю только когда один дома.

– Правда?!

– Как же я рад, что ты уедешь. Поверить не могу, что через неделю я буду один.

– Но я вернусь.

Отец поперхнулся соком.

– Я передумал, не смей возвращаться.

Потом он недовольно добавил:

– Я вчера звонил женщине, которая продает квартиру, она сказала, что мне перезвонит, но не перезвонила. Я думал, что куплю эту квартиру, но раз она такая, то и фиг с ним.

Папа ушел смотреть телевизор, а я развела руками, поняв, что он нашел очередную отговорку ничего не покупать.

Но через несколько часов раздался звонок его мобильного. Я подслушала разговор, и узнала, что это та самая женщина с квартирой. Отец договорился встретиться с ней на каникулах и все обсудить. Когда он положил трубку, я услышала недовольное бурчание:

– Чертова женщина позвонила, теперь придется переться смотреть, дерьмо.

Покупка телефона

За каникулы, которые я провела у мамы, случилось очень важное событие: мой телефон окончательно сломался, и теперь даже не включался. Вернувшись назад во Францию, я сообщила об этом отцу, который пообещал купить мне новый, но внезапно оказалось, что за две недели он осознал прелесть жизни без меня, а потому в первый же день после моего приезда мы поссорились и не разговаривали неделю. Покупка телефона отложилась на неизвестный срок.

В пятницу перед обедом зазвонил папин мобильный. Я прождала минуту, поняла, что он ничего не слышит, и позвала его. Отец взял трубку.

– Алло? – спросил он тоном «вы кто на хрен такой?».

Оказалось, это Жан-Жак, и поскольку я привезла сигареты, папа решил продать их другу немедленно. Они договорились встретиться завтра.

После обеда отец поспал, а потом отправился в свою спальню перебирать монетки. Проведя десять минут за этим успокаивающим занятием, он зашел ко мне в комнату, глупо улыбнулся, подошел к окну и принялся разглядывать пейзажи. Внезапно отец зашелся в приступе кашля, как у туберкулезника. Он скомкал занавеску у окна и отчаянно кашлял в нее. Закончив, он глянул на меня.

– Завтра мы едем к Жан-Жаку. Если у меня будет хорошее настроение, я куплю тебе телефон. Но только если у меня будет хорошее настроение, так что не смей нервировать!

– Хорошо.

Отец удовлетворенно кивнул, но у выхода снова повернулся ко мне.

– И смотри, купи что-то нормальное, потому что я не хайтек, и если что, я снова хрен знает куда не поеду менять. Поняла?

– Да.

Пробубнив что-то про деньги, папа меня оставил.

На следующий день, как обычно, когда мы куда-то едем, отец уже с утра был в панике. Пока я завтракала, он вбежал в кухню и закричал:

– Поторопись, я жду на улице!

Я оставила посуду в раковине, решив помыть ее по возвращении. Едва я оделась, как послышался крик папы с улицы:

– Ты там скоро?!

В такой панике мы приехали в Кольмар. В торговом центре Жан-Жака, естественно, еще не было, так что мы пока пошли посмотреть телефоны. Я показала отцу тот айфон, который я хотела, и который по сравнению с другими телефонами был еще дешевый. Правильнее сказать, он был очень дешевый.

– Нет, я такое не куплю! – закричал папа на весь магазин. – Ты вообще офигела, он стоит 349 евро! Я готов купить за 250, но не за такую цену!

– Но у меня вообще нет телефона! И нужно же покупать хороший, чтобы долго прослужил! – заорала я.

– Да мне пофиг, как ты меня достала, я тебя отправлю обратно к твоей матери, пусть она тебе покупает телефоны! Я живу с кнопчным, почему ты не можешь так жить?! В мире этот смартфон на фиг не сдался! Вон есть телефоны за сто евро, так какого черта?!

– Это плохие модели.

– Ой, заткнись, как же я устал! Пошли отсюда!

Всю дорогу до кафетерия мы препирались, в смысле, орали друг на друга. Возле кафетерии нас уже ждал Жан-Жак. Мы пожали друг другу руки, и папа сказал:

– Слушай, в кафе такая очередь, пойди помоги нам выбрать телефон.

– Конечно, – радостно согласился Жан-Жак.

Пока мы наматывали обратный круг в магазин, между мужчинами произошел такой диалог.

– Ты что, до сих пор ей его не купил? – спросил Жан-Жак.

– Да ты что, ненормальный?! Я не идиот, телефоны покупать.

– Но как же подарок на Новый год? – разочарованно протянул Жан-Жак.

– Да ну нах, я ее вообще отправил на родину.

– А как ты праздновал?

– Я ел суп и бутерброд, потом спал. На фиг мне эти праздники вообще нужны.

Тут мы пришли в магазин, Жан-Жак сказал, что этот айфон хороший, но увидев папин стресс, предложил сначала

поеть. Мы опять шли через весь торговый центр в кафетерий, Жан-Жак приговаривал:

– Не волнуйся, Поль, сейчас мы спокойно покушаем и все решим. Все будет хорошо.

– Да как тут не волноваться, ты видел эти цены? – почти кричал папа.

– Ну понимаешь, Поль, чем выше цена, тем лучше качество.

– Ну да, – сказал папа, а через пять секунд с отчаянием спросил: – Но ведь можно же починить? Почему она его не починит?

– Починить можно экран или батарею, а тут процессор полетел, проще новый купить.

– Мой телефон не починится, – одновременно и зло, и радостно сказала я.

Отец остановился.

– Как ты меня достала своим телефоном! – заорал он.

В кафетерии папа отошел, а я в ярости швырнула поднос на стол. Жан-Жак сказал:

– Не волнуйся, Полин, у тебя будет телефон.

Во время еды эта тема больше не затрагивалась. Когда отец пошел за кофе, Жан-Жак открыл в своем мобильном сайт с продажей телефонов, которыми уже пользовались.

– Вот смотри, 32 ГБ память, 250 евро.

– Да, нормально.

– Есть еще за 199 евро, но у него 16 ГБ.

– Нет, первый вариант.

– Ну тогда я папе не скажу, что тут есть дешевле, – улыбнулся Жан-Жак.

– Да, лучше не надо.

Вернулся отец с кофе, как всегда Жан-Жак отдал мне свою конфетку, папа срочно засунул в рот свою. Жан-Жак все ему показал, сказал, что закажет сегодня вечером или завтра, потому что днем он, как ни странно, тоже спит, они договорились про оплату. Жан-Жак сказал, что его телефон, купленный на этом сайте, служит уже четыре года. Он попытался объяснить отцу, как происходит заказ по интернету, но увидев его лицо, замолчал. Минуты три все пили свой кофе. Потом Жан-Жак сказал:

– В таком случае я начну заниматься заказом новой сим-карты с тарифом и мобильным интернетом.

– Нет, подожди, – замахал руками папа. – Давай сначала получим телефон, это так волнительно, у меня стресс, я еще не готов платить за тариф, подожди, подожди!

Жан-Жак не смог ничего сказать, он повернулся ко мне, на его лице была улыбка типа «жесть, Поль, ну ты и странный», он будто спрашивал у меня, что не так с моим отцом. Я закатила глаза.

К счастью, на этом наша встреча завершилась. Купив сигареты и договорившись встретится здесь через неделю, Жан-Жак уехал, а мы с папой пошли за покупками. От осознания, что все же придется отдать деньги за новый телефон,

отец стал совсем потерянный. Он долго не мог понять, как пользоваться аппаратом для взвешивания фруктов, на мои подсказки не реагировал, ведь я тупая, и в конце концов ему помогла какая-то бабушка, которая устала стоять сзади нас в очереди.

Я решила хоть немного порадовать папу.

– Папа, могу ли я взять лимоны? – спросила я так, как он меня учил, вместо обычного «я хочу».

Отец просиял, он явно очень гордился тем, что наконец отучил меня от манер матери.

– Конечно, пойдем возьмем тебе лимоны.

Набрав в корзину все, что нужно, мы снова пришли на кассу самообслуживания, где папа всегда страшно нервный, ведь нужно самому возиться с современными технологиями. Вот и сейчас он в панике собирался закинуть в автомат деньги, и тут чихнул. Когда отец отнял руки от лица, я увидела, что у него с носа свисают сопли. Сам он этого не замечал, судорожно засовывая монетки в щелку.

– Эй! – окликнула я. Отец повернулся ко мне. – Вытри нос.

Папа в панике начал искать платок, крича:

– Дерьмо, не могу платок найти, дерьмо, где же он!

К счастью, я дала ему свой, и мы поскорее ушли оттуда, потому что на нас уже косо посматривали люди.

По дороге домой папа бурчал, как же я его утомила, он устал, и прочий бред. Потом снова начал разговор о причи-

не нашей недавней ссоры. А она была вот такая: он предложил купить мне квартиру, но она должна была строиться еще полтора года, а я бы не выдержала столько времени с ним, еще и в селе. Потому я отказалась, но оказалось, что у папы навязчивая идея купить именно эту квартиру, а думать, прежде чем делать, он не умеет. Вот мы и рассорились. А теперь он снова завел эту шарманку.

– Я так и не понял, почему ты не хочешь эту квартиру.

– Я же уже отвечала на этот вопрос.

– Нет, ты несла хрень, мне такие ответы не нравятся.

– Ну для тебя все, что не ты сказал, хрень.

– Ой, заткнись, ты меня бесишь.

Дома отец разорался из-за не помытых с утра чашек, хотя сам же меня торопил, и лег спать.

Плохое слово

Через неделю мы поехали забирать у Жан-Жака мой новый телефон. Все это время папа был невыносим, и меня злобно радовал только тот факт, что он так много кричал, что не поедет снова в Кольмар за моей фигней, но в итоге из-за его же желания сэкономить все равно пришлось возвращаться.

По дороге отец много говорил о том, как же я его утомила, и как бы меня выгнать назад к матери, потому что он больше не может. В кафетерии мы встретились с Жан-Жаком, я получила свой телефон и обещание позвонить, как только найдется подходящий тариф. Жан-Жак, слава богу, дал суровое

наставление купить для телефона пленку и чехол, потом что если бы я сама попросила, отец бы никогда не позволил все это приобрести.

Жан-Жак уехал домой, а мы с папой пошли в магазин. Я сразу же свернула к отделу техники и взяла там защитное стекло и чехол с надписью «Fuck» сзади.

– Сколько это стоит? – спросил отец, когда я подошла к нему.

– Стекло десять, чехол 25.

– Двадцать пять? – заорал папа. – Дерьмо, как же ты меня достала! Подумать только, 25 евро за кусок пластика! Но ничего, долго это не продлится, я тебя двадцать лет обеспечивать не буду!

Пока отец покупал все остальное, его губы шевелились, выговаривая «Двадцать пять евро». Но в отделе выпечки его мысли наконец-то переключились на что-то другое. Когда работница клала нам пончики в пакет, папа заметил, что на ее руках нет перчаток.

Мы подошли к кассам самообслуживания, папа бросился к стойке, рядом с которой сидели две девушки и следили за порядком.

– Вы знаете, – закричал он им в лицо, – что в булочной одна из ваших сотрудниц работает без перчаток?! Да это же кошмар! Вы в курсе, сколько повсюду микробов? Я не хочу заболеть гриппом или еще чем из-за вашего недосмотра!

Девушки, которые имели смутное отношение к булочной,

да и вообще к тем, кто командует в магазине, с улыбкой кивали и спрашивали:

– Да вы что? Правда?

– Да! Я требую, чтобы вы что-то сделали! Мне пофиг, заболеее вы или нет, но я не хочу заразиться всеми этими микробами!

– Нас, вообще-то, все это не касается, – сказала одна из девушек, намекнув, что отец явно жалуется не тем людям.

– Ах так! – папа отвернулся и яростно заметал покупки на кассу.

Расплатившись, отец помчался в другой конец торгового центра, намереваясь хотя бы там найти кому пожаловаться. Мы дошли до другой стойки с множеством работников, и папа, не обращаясь к кому-то конкретному, закричал:

– Одна из ваших работниц работает без перчаток! Все микробы с ее рук на моих пончиках! Примите меры!

Я в это время засовывала в карманы бесплатные конфеты с баночки, которая там стояла.

– Хорошо, хорошо, мсье, – сказала одна из женщин.

– Вот и прекрасно, – отец гордо пошел прочь, я за ним.

На выходе из торгового центра папа заметил конфеты в моих руках.

– Это что еще такое? Где ты их купила?

– Взяла со стойки.

– А, ну ладно, дай-ка мне штучку, – он запихнул три конфеты в рот.

Когда мы подъезжали к заправке, отец махнул рукой в мою сторону и сказал что-то непонятное:

– Бушон ведь находится здесь, так?

Я быстро осмотрела все, на что мог указывать папа, и, увидев в кармане двери пачку носовых платков, решила, что папа хочет ее, просто невнятно сказал.

– Вот, возьми, – я протянула ему пакетик.

– Что ты мне даешь? Бушон! Это дырка, куда бензин в машине заливают! – закричал отец.

– А, а мне подумалось мушуар.

– Подумать только, какая она тупая. Я говорю бушон, она дает мне мушуар.

Оказывается, папа, видимо, хотел провести мне тест на знание его машины, потому что других причин, зачем он у меня спросил с какой стороны находится этот бушон, я не видела. Очень важные вещи для жизни.

Уже дома отец заметил слово «фак» на чехле моего телефона, и сказал:

– Но это же плохое слово?

– Ну да, на английском.

– Но кто написал на чехле твоего телефона плохое слово?

Это ты?

– Нет, я его таким купила. Это модно.

Похоже, папу так шокировало ругательство на чехле, что он вообще меня не слышал.

– Так а кто же его тогда написал? – спросил он, явно ожи-

дая от меня ответа.

– Да откуда я знаю, тот, кто его делал, наверное.

– Странно, очень странно, я ничего не понимаю, – и он в раздумьях ушел спать.

Где-то через несколько дней мы обедали дома. Папа распекал меня за то, что я ем как свинья. В этот момент ему в рыбу попала кость и он плюнул ею прямо в тарелку. А потом продолжил рассказывать, какая я свинья. Эту лекцию, которая угрожала продлится еще и после обеда, прервал звонок папиного мобильного. Как обычно, он с трудом взял трубку. Это бы Жан-Жак. Он что-то сказал про новую сим-карту, потом они с отцом поговорили о всяком. Уже в конце разговора папа вдруг спросил:

– Слушай, у нее на чехле телефона написано плохое слово. А кто его написал?

Я хлопнула ладонью по лбу. Тем временем Жан-Жак не понимал, что такое несет отец, а тот в свою очередь очень красочно расписывал плохое слово. Я решила прервать эту бессмыслицу хотя бы ради себя, потому что пусть и не видела лица Жан-Жака, чувствовала неловкость за тупые вопросы папы.

– Я такой купила! Его написал тот, кто сделал чехол! – закричала я, войдя в комнату.

– А-а-а! – наконец до отца дошло. – Ладно, Жан-Жак, все в порядке, она уже купила его с плохим словом.

Попрощавшись, папа повернулся ко мне.

– Жан-Жак нашел тариф, но ему нужна твоя электронная почта. Напиши на листочке, я перезвоню ему вечером и продиктую.

Да, а ведь если бы отец умел пользоваться интернетом, или хотя бы писать SMS, все было бы гораздо проще.

Я вручила ему бумажку с моей почтой.

– Это точно правильная почта? Французская, здешняя? Не твоей страны?

– Вообще-то... – вообще-то я хотела объяснить ему, что электронная почта не меняется вместе с местом жительства, но решила, что это бессмысленно. – Да, точно.

– Хорошо, а то еще дашь почту своей родины, что нам с ней делать, – пробурчал отец.

К счастью, через пару часов батька нашел за что на меня обидеться. На улице была метель, и я сидела в своей комнате. Папа ворвался в нее после своего дневного сна.

– Какого черта ты не закрыла ставни, не видишь что ли, снег окно заляпал, опять мне потом мокрые разводы отмыывать! – закричал он.

– У меня две лампочки перегорели, если я закрою ставни, то весь день буду в полумраке, и поэтому не намерена их закрывать пока окончательно не стемнеет, – лампочки для люстры в моей комнате, кстати, по мнению отца, были очень дорогими, а потому он их не покупал, и вкрутить мне было нечего.

– Какая же ты эгоистка, думаешь только о том, чтобы тебе

было удобно, а о других не думаешь! – разразился тирадой отец, закрывая ставни.

Даже не знаю, в кого я такая. Должна была унаследовать папин природный альтруизм, но внезапно не вышло.

На самом деле, наши с отцом ссоры напоминают детектив. Вы читаете и думаете: он наверняка обиделся за то, что она не закрыла ставни. Но тут – вот это поворот! – оказывается, что дело совсем в другом.

Ведь к несчастью, именно когда он вошел ко мне, я читала книгу с телефона, и, закончив с эгоизмом, папа вдруг раскричался:

– Как ты меня задрала своим телефоном, ты ничего не можешь в жизни, но ничего, долго это не продлится, я тебя отправлю обратно к матери, со своим тупым телефоном!

– Так я живу в селе, тут ничего нет, чем еще я должна заниматься?

– Иди дрова руби, снег убирай! Работы полно!

Отец спустился вниз и сорок минут бубнил:

– Долбанный телефон, целый день перед телефоном, ненавижу телефоны, как я устал, как меня это задрало, все манеры ее матери, но ничего, с такими манерами она у меня долго не проживет, я для нее все, а она со своим телефоном.

Потом папа что-то уронил и закричал:

– Чертов интернет!

Он не разговаривал со мной весь оставшийся день, а я оставила его наедине с верой во всемогущие лучи интернета,

выбивающие вещи из рук.

Непутевая дочь

В этот день отец был в ярости с утра. Несколько дней назад снег растаял, и папа кричал на всю округу:

– Все, я могу сказать однозначно: зима закончилась!

Это, кстати, папина любимая фраза. Каждую зиму, как только немного теплеет, он ее говорит повсюду, а потом страшно удивляется, когда снова холодает. То же самое происходит и летом: едва чуть падает температура, батяка тут как тут со своим «Я уверен, лето закончилось!».

Так вот, эта зима была долгой и страшной, а потому вчера снег выпал снова, да еще и с удвоенной силой. С утра, везя меня на вокзал по заледеневшей и заснеженной дороге, отец едва удерживал машину в ровном положении, она так и норовила слететь с дороги, но, несмотря на это, у него оставались силы приговаривать:

– Дерьмо, как ты меня задолбала, я из-за тебя должен ездить в такую погоду, но ничего, долго это не продлится, я тебя выгоню отсюда на хрен, подумать только, мне в моем возрасте такие нагрузки противопоказаны, чтобы я в свои годы такой ерундой маялся, как ты меня утомила.

До вокзала мы добрались живыми, и следующие несколько часов я наслаждалась папиным отсутствием. Но когда, вернувшись с учебы, я села к отцу в машину, стало ясно, что положение дел не изменилось.

– Сейчас поедем в Дорлисхайм, мне срочно нужно сме-

нить шины с летних на зимние, – и папа нажал на газ.

Насколько я знаю, нормальные люди меняют шины еще в конце осени, но поскольку отец уверен, что зима закончилась навсегда, ему для этого нужно почти слететь с дороги.

Все двадцать минут, которые мы ехали в этот небольшой городок с торговым центром и шиномонтажом, папа бурчал:

– Как ты меня задрала, какая же ты непутевая дочь, ну и семейка у меня, как же мне не повезло, я для тебя все, а ты такая неблагодарная.

По приезду отец довел меня до кафетерии и дал десять евро:

– Иди ешь сама, у меня аэрофагия, я пока с шинами разберусь. Что ты будешь? – спросил он, глядя на меню.

– Ну, вот тут есть лосось за восемь евро. Это, наверное, вкусно.

– Конечно, вкусно, – папа злобно ткнул мне в руку еще десять евро и убежал.

Он вернулся, когда я уже доедала.

– Я отвез машину, позвонят, когда сделают, наверное, часа через два.

Кто бы сомневался, во Франции ничего быстро не делается.

– Господи, ну ты и дорогую еду взяла! Да ты вообще оборзела! – закричал папа, увидев чек на столе.

Я посмотрела на свой поднос. Рыба, картошка, салат, лимонад. Ничего особенного. Отец, видимо, считал по-друго-

му. Он купил себе кофе, сел напротив и стал доедать мою картошку, запивая ее горячим напитком и делая такое лицо, будто ничего более мерзкого он в жизни не ел. Но самое страшное ждало меня впереди.

Поскольку нам нужно было ждать еще несколько часов, пришлось много разговаривать с папой. Сначала он бубнил, какая же я непутевая и неблагодарная, а потом перешел к квартире, той самой, которую так отчаянно хотел он, и не хотела я.

– Я не понимаю, почему ты ее не хочешь.

– Потому что она строится полтора года, я не смогу столько прожить в этом дурацком селе, я уже умираю от скуки и отсутствия общения.

– Но я все равно буду покупать только то, что строится, – объявил отец.

Дальше последовали долгие объяснения, почему для экономики денег нужно покупать строящуюся квартиру. Батяка производил какие-то сложные расчеты на бумаге, потом сам в них запутался, что живо напомнило мне сцену из детства.

Однажды, когда я была классе в пятом, папа приехал к нам в гости. Он наблюдал, как мама билась, объясняя мне решение уравнения, а потом решил попробовать помочь. Отец долго что-то писал, зачеркивал, и в конце концов сказал:

– Все это какой-то бред, сами решайте, короче, – и бросил листы на стол.

В этот раз все было так же, из папиных объяснений я не

поняла ничего, кроме того, что покупая готовую квартиру, тоже можно сэкономить, но до него почему-то это не доходило.

За два часа в кафетерии папа успел выпить три чашки кофе, а я потребовала мороженное. Потом отец отправил меня за журналом с объявлениями о продаже квартир. Мы сели рядом и стали отмечать карандашом неплохие варианты.

– Вот хорошая, и недорогая, – сказала я тыкая в фото студии.

– Да, действительно, неплохая, – ответил отец и тут же добавил: – Но я такое не куплю, район какой-то подозрительный.

На каждую хорошую квартиру папа тут же находил сто причин, почему ее нельзя покупать.

На третий час ожидания отцу позвонили из шиномонтажа и сказали, что они приступили к смене резины и все сделают в течение часа. Я поняла, что не выдержу столько с папой, а потому пошла гулять по магазинам.

За рассматриванием всяких штучек, одежды и книг прошло почти сорок минут. Я перешла к отделу с дисками, когда по громкой связи на весь торговый центр услышала:

– Полин Вилар, подойдите к центральной кассе. Полин Вилар, подойдите к центральной кассе.

Мне потребовалось минуты две, чтобы понять, что это наверняка отец меня ищет как всегда оригинальным способом, а не я что-то натворила. Я дошла до кассы, отец радостно

закричал кассиршам:

– Все хорошо, вот она! – и рассмеялся громовым смехом.

Он потащил меня к выходу из торгового центра.

– Ты сказал, еще час!

– Они позвонили, сказали, все готово. Я же не буду бегать по всему универмагу тебя искать.

– А где мой шарф и шапка? Я их на стуле оставила в кафе.

– Да?

– Да, я еще попросила тебя за ними смотреть.

– Да мне пофиг на твои вещи. Я надеюсь, их не украли, потому что новый комплект я тебе покупать не буду, знаешь сколько это стоит?!

Мы нашли мои шарф и шапку целыми и невредимыми, потом забрали машину, сменить шины на которой, между прочим, стоило 450 евро, и поехали домой. Все было мирно, только отец покачивался в такт беседе сам с собой.

Вопреки зимней резине, в селе мы опять скользили по дороге, едва не врезаясь в дома и заборы, и хотя умом я понимала, что даже если мы врежемся, на такой маленькой скорости скорее всего отделаемся максимум синяками, все равно у меня колотилось сердце. Папе, похоже, было все равно, его волновала целостность машины, а не наши жизни.

Таки выжив на дороге, отец вдруг снова вспомнил о своей смертности. Я ждала, пока закипит чайник, а он стоял рядом и говорил:

– Вот если я завтра умру, а ты не согласилась купить эту

квартиру. Куда ты пойдешь, если я умру? Дом государство может забрать. Вернешься на родину, сама виновата. На завод пойдешь работать, – с улыбкой потер руки батька.

Я не стала возражать, что если бы я купила квартиру, а он умер завтра, мне все равно было бы некуда идти в ближайшие полтора года. Впрочем, про забираение дома государством я тоже слышала впервые и не была уверена, что это правда.

Активно занимаясь диалогом у себя в голове, я налила слишком много воды в чашку. Отец, ненавидевший полные чашки, закричал:

– Куда ты столько налила? Ты пока донесешь до стола, все на мой паркет прольешь!

Десять лет назад он собственноручно положил паркет на кухне, и с тех пор носится с ним, как с писанной торбой, временами доходя до паранойи.

Батька схватил чашку, резко вылил в раковину половину, но не рассчитал траекторию, и часть жидкости расплескалась на пол.

– Дерьмо! – взревел он.

Я взяла тряпку и стала аккуратно вытирать паркет, пока отец матерился. Когда я разогнулась, он выхватил у меня тряпку.

– Там уже все сухо.

– Пошла вон отсюда, я знаю, ты даже вытирать не умеешь!

Отец на четвереньках ласкал свою кухню, приговаривая:

– Со своими полными чашками, все манеры ее матери, но ничего, долго с такими манерами она тут не продержится, я ее выгоню на родину, у меня тут элитное место, как она меня достала.

Спустя полчаса он таки впустил меня пить чай, но не разговаривал со мной весь вечер.

Сложное дело

В середине февраля, на зимних каникулах отец вспомнил, что мне таки нужно как-то поступить в университет в этом году. Он узнал, что здесь абитуриенты создают на специальном сайте свое досье, которое рассматривает комиссия и решает, кто поступает, а кто нет.

Поскольку я окончила школу в другой стране с другой системой обучения, отец решил позвонить на горячую линию сайта, чтобы узнать все детали, и вообще, можно ли мне поступать. Мне как раз пришла новая сим-карта с тарифом 10 евро в месяц на звонки по всей Франции, и батяка заявил:

– Позвоним с твоего телефона, потому что я на это дерьмо деньги тратить не буду.

В назначенное утро отец уселся за стол, положил перед собой лист бумаги, ручку, ноутбук с открытым сайтом. Я набрала номер и дала ему трубку.

Но уже через пять секунд стало понятно, что это плохая затея. Папа не мог удержать телефон, все время что-то сбивал, и наконец заорал:

– Дерьмо, как меня достали эти дурацкие телефоны, по-

звоню со своего! Но если у меня сдерут деньги за это, я тебя прибую!

Я подумала, что, кажется, горячие линии всегда бесплатные, но промолчала, зная, какой это стресс для отца – делать что-то для других.

С его старой кнопочной «Нокии» дело пошло лучше, и вот он уже говорил с женщиной-консультантом. Папа рассказал всю мою историю, женщина ему что-то долго объясняла, отец писал подробный конспект, как прилежный студент, иногда не пойми к чему заливался смехом маньяка, похрюкивая при этом.

Он положил трубку с видом человека, который знает все.
– В общем, женщина сказала, что ты можешь зарегистрироваться на этом сайте, нужно просто везде в досье указывать, что ты иностранка.

За обедом отец торжественно объявил:

– Сейчас покушаем и сядем все делать! Она сказала, что это займет много времени, но я уверен, я-то все сделаю быстро.

Папа хотел взять у меня из тарелки лист салата и взмахнул рукой с такой силой, что салат разлетелся по всей кухне.

После еды я принесла ноутбук в кухню. Мы открыли сайт.

– И где тут создавать досье? – спросила я.

– Вот, нажми на это, – он ткнул пальцем в надпись, значащую что-то вроде «записаться».

На экране высветилось окно, куда нужно было ввести но-

мер досье и пароль. Отец достал свой конспект и, не дав мне сообразить, приказал:

– Эта баба сказала, что нужно писать, что у тебя нет номера. Пиши давай!

Я ввела в строчку то, что папа законспектировал, понимая, что мы творим какую-то ерунду.

– А пароль?

– Не знаю, пиши имя твоей матери.

Я написала и нажала энтер. Высветилась ошибка доступа.

– Ты что, не можешь написать Инесса? Пиши по буквам!

Со второй попытки снова высветилась ошибка. Я вернулась назад, отец кричал:

– Дерьмо, вы сами не умеете пользоваться своим компьютером, как меня достали эти технологии и люди, пользующиеся ими, вы все тупые!

Пока он бегал туда-сюда по кухне, я поняла, что это вход в досье, которое нужно сначала создать. Внизу страницы я кликнула на соответствующую надпись.

– Иди сюда! – позвала я папу.

– Отлично, сейчас мы быстренько регистрируемся, – сказал он.

Но внезапно оказалось, что женщина из горячей линии была права. Мы сидели за компьютером ровно два часа, это было сложное и муторное дело. Отец махал своей бумажкой, сам не мог разобраться что он там законспектировал, время от времени спрашивая:

– Слушай, а к чему я тут это написал вообще?

За это время папа узнал обо мне много нового, начиная от оценок в школе и заканчивая хобби, которое тоже требовалось указать.

В один момент работа зашла в тупик. Каждый раз, когда я пыталась перейти на следующий этап заполнения анкеты, мне выдавало, что в досье на предыдущей странице ошибка. Отец впал в ступор, тупо сидел, смотрел в экран и пожимал плечами. Я же пыталась найти выход, что-то исправляя. Наконец я нашла выход, но папа оставался в ступоре.

– Смотри, получилось! – толкнула я его.

– А как ты это сделала? – спросил он.

– Я не знаю.

– Да, я тоже, – и мы продолжили.

Отец выпил две таблетки от головы, четыре чашки кофе, но мы таки зарегистрировались. Когда я все перепроверила, сохранила и закрыла ноутбук, он сказал:

– Дерьмо, как я устал.

– Пойдешь на прогулку?

– Да, нужно подышать свежим воздухом.

Во время прогулки папа говорил:

– Ты видишь, какой у тебя отец! Да ты без меня ничего бы сделать не смогла, но я тебе помог, я так умен!

Я не была уверена, что мы все сделали правильно, но, похоже, отец в этом не сомневался.

– Ты завтра будешь звонить своей матери?

– Да, и я расскажу ей всю эту историю.

– Да, – выпятил грудь батька. – Да, расскажи ей, какой я молодец, я самый умный! Кстати, если ты поступишь, я куплю тебе квартиру в городе. А если не поступишь, вернешься на родину на заводе работать, – он улыбнулся, предаваясь мечтам.

Через неделю мы поехали в Кольмар на встречу с Жан-Жаком, который выкурил все сигареты и ему срочно нужно было купить еще два блока у папы.

Когда все было сделано, мы пришли в кафетерию поесть. За кофе отец сказал:

– Слушай, Жан-Жак, где-то через месяц, когда я раздобуду деньги, ты закажешь мне по интернету смартфон.

Жан-Жак повернулся ко мне:

– Ты бы могла научить папу пользоваться современными телефонами.

Я скромно улыбнулась и кивнула, представляя, какой же это будет ад, ведь батька за несколько месяцев жизни со мной даже фотографировать на телефон не смог научиться, не говоря уже о том, что, несмотря на мои объяснения, он так и не понял разницу между вай-фаем и мобильным интернетом.

– Да зачем мне она, Жан-Жак, мы тут недавно регистрировались на поступление в университет, я ей так помог, я побольше нее понял! Да я теперь все знаю, я почти хай-тек! – кричал папа.

Жан-Жак снисходительно улыбался, но отец этого не за-

мечал, продолжал рассказывать, как он умен, размахивать руками, и в конце концов выронил конфету, которую собирался раскрыть, в кофе. Он выругался матом на всех языках, попытался выловить конфету, но она скользила и не давалась. Мы с Жан-Жаком едва сдерживали смех. Наконец папа вынул конфету, никак не мог ее раскрыть, заляпал все вокруг кофе, продолжая материться.

– В общем, Жан-Жак, ты же знаешь, я умен как никто, – сказал отец, когда конфета оказалась в его желудке. – Я часто говорю людям: толку от того, что у вас есть все эти ноутбуки, если вы ими пользоваться не умеете. С Полин то же самое, я и ей все время это повторяю. Вон я как увидел сайт, сразу сообразил, что к чему.

Мне оставалось только скромно кивать под улыбку Жан-Жака.

В городке рядом с нашим селом папа остановился, чтобы купить пирожные к чаю. На улице лупил дождь, и, когда отец залез в машину и сунул мне в руки бумажный пакет с коричневыми булочками, он закричал:

– Дерьмо, из-за стука дождя по моей одежде я хочу писать!

В панике он повел машину по узким улицам в поисках укромного местечка. Мы выехали за городок, батяка остановился возле небольшого кладбища, выбежал из машины, промокая под дождем, писал на каменный забор, чихал на всю округу и что-то говорил сам себе.

Дома он срочно лег спать, я последовала его примеру.

Борьба за отопление

Зима заканчивалась, но морозы – нет. В моей комнате всегда было холоднее, чем в других, поэтому я включала обогреватель почти на всю мощность. Отца это, мягко говоря, огорчало, ведь он мог бы сэкономить столько денег на счете за электричество, если бы я мерзла. Однако все время, которое я тут прожила, он не запрещал мне отапливать комнату, только недовольно бурчал.

Но в конце февраля у папы начался новый кризис. Связан он был с тем, что приближались дни, когда придет тот самый счет за электричество. И у отца сорвало крышу.

Во время нашей обычной прогулки он почти кричал на весь лес:

– Как ты меня задрала своим обогревателем! Я столько в жизни не платил, как с тобой!

– Но в моей комнате холодно, – попыталась возразить я.

– Слушай сюда, – отец повернулся ко мне. – На твоей родине в квартирах вообще 16 градусов. Но ты же прожила там как-то восемнадцать лет.

– Ну я там мерзла, и что?

– Как это что? Да ты должна быть благодарна мне за то, что в доме так тепло.

– Да у меня в комнате 20 градусов, это ни фиги не тепло.

– Это жара! – закричал отец. – Я точно знаю, что у тебя там больше градусов, ты просто выдумываешь!

Вернувшись домой, мы поднялись в мою комнату.

– Смотри! – я ткнула пальцем в красный столбик на градуснике, которой едва доходил до 20.

– Да тут 23 градуса!

– Термометр показывает меньше.

– Этот градусник неправильный! – снова раскричался папа. – Я его выкину на хрен, задрала ты меня!

Я заварила для нас чай, отец сел за стол и сказал:

– Этим вечером я много не буду есть, у меня аэрофагия.

– Эта болезнь называется рефлюкс-эзофагит, – наконец сообщила я ему.

– Что ты сказала, я ни черта не понял.

– Неважно.

Я ела печенье и наблюдала, как папа закидывает в себя творог, сыр, хлеб с паштетом, булочку, шесть сухариков, запивает все это сливками и чаем с медом.

– Я вынужден доедать все это дерьмо за тобой, – сказал он, поймав мой насмешливый взгляд. – Вот какого черта ты не съела йогурт вчера?

– Потому что у него срок годности закончился три дня назад.

– И что? Я недавно съел сыр, у него две недели уже просрочка была, и ничего, жив.

– Но я боюсь, что мой нежный организм такого не перенесет. И вообще, я всегда слежу за сроком годности.

Это правда. У меня маниакальный страх съесть что-то

просроченное.

– Я как Стефани, – добавила я.

Стефани – папина дочь от первого брака. Ей лет под 50, и мы не общаемся, но я знаю, что у нее такая же мания.

– Ну конечно, вы обе дуры полные! – рявкнул батька.

– Но ведь у нас один отец, – намекнула я.

Папа не понял моего тонкого юмора и продолжил что-то бубнить про то, как ему не повезло с семьей, все придурки. Я захохотала в голос от осознания, как я удачно пошутила. Отец поднял голову.

– Слушай, ну ты действительно ненормальная. Смеешься и сама не знаешь почему. Хватит ржать уже, ты меня нервируешь! – батька опустил руку на стол слишком резко, чашка подпрыгнула, и чай разлился. – Дерьмо, как ты меня задрала! Как же я буду рад, когда ты уже уедешь! И ко мне ты больше не вернешься, это однозначно! Как я устал! – кричал он, лаская свой стол мочалкой.

Перед тем, как отправиться спать, отец зашел ко мне в комнату.

– Так, к твоему сведению, я перекрыл в кладовке твой обогреватель. Так что теперь можешь даже его не включать, все равно работать не будет. Так я буду делать каждый вечер, чтобы ночью экономить. Хватит с тебя тепла.

Я, конечно, не выдала своего шока ни одним подрагивание мускулов на лице, но в голове у меня крутилась одна мысль. Серьезно? Теперь он хочет выгнать меня холодом?

Мне не терпелось как можно скорее проверить, правду ли он сказал, но папа не спешил уходить.

Его взгляд остановился на моем шкафу. Батяка открыл его, и проревел:

– Знаешь что, ты меня задрала своим барахлом! На хрена ты сюда навезла все эти вещи?

– Я их надеваю.

– Понятно дело, что ты их носишь. Но на фига тебе их так много?

Вообще, по сравнению с гардеробами героинь всяких голливудских фильмов, у меня одежды почти не было. И я не понимала, чего от меня хочет батяка, ведь у меня действительно не очень много вещей.

– В Европе каждый день одно и то же не носят, – повторила я мамину фразу. – И это же моя комната и шкаф.

– Это мой дом, моя комната, и мой шкаф! – закричал отец. – Здесь нет ничего твоего! То же самое с этими книгами! Они меня бесят!

– Но они же аккуратно стоят на столе.

– И что? Забит весь дом каким-то барахлом, задрала! Вот зачем тебе книги?

– Я их читаю.

– Я надеюсь, когда ты их прочитаешь, ты отвезешь их обратно на родину?

– Нет, я наоборот сюда привезу новые.

– Нет! Не смей! Я тебя на фиг отсюда выкину с твоим

барахлом!

– Но книги – это мои сокровища, – сказала я, уже зная, что услышу в ответ.

– Сокровища – это деньги! А книги тебе их заработать не помогут! Господи, на что ты вообще способна в этой жизни?

Я терпеливо ждала, когда он наконец уйдет. Папа стал перед шкафом.

– Подумать только, мне некуда положить мои рубашки. Все забито твоим барахлом.

«Ну так купи себе в комнату шкаф» – подумала я, а вслух сказала:

– Там заняты моими вещами только две полки из четырех.

– На остальных хранится постельное белье.

– Переложи его в другое место, или на одну полку, и будет куда класть рубашки.

– Нет, это не вариант! Нужно убрать именно ненужные вещи, то есть твое барахло. Ничего, ничего, однажды я возьму мусорный пакет, запихну туда все, и выкину к чертовой матери! Как ты меня утомила! До завтра.

Я подождала, пока отец с кряхтением уляжется в кровать, и включила обогреватель на полную мощность. Через минуту он нагрелся, пошел теплый воздух.

Конечно, мне с самого начала казалась странной возможность как-то перекрыть его только в моей комнате, но я думала, что такой технарь, как мой батя, сумеет сделать и это. Но теперь выяснилось, что все прекрасно работает. Я

тщательно все осмотрела, и поняла, какой же дурой считает меня папа. Судя по проводу, который уходил в стену, печка работала от общего электричества. То есть, для того, чтобы обогреватель не работал у меня, отцу нужно было полностью вырубить электричество в доме. И он считал, что я не догадаюсь об этом, поверю и не включу его на ночь. Подумать только!

Утром папа первым делом спросил:

– Как спалось? Тепло тебе было?

– Ужасно холодно, – не моргнув глазом, соврала я.

– Как же ты меня задолбала! Не смей даже говорить, что тебе холодно! Спи в свитерах, если так, их у тебя целый шкаф!

И он ушел к гостиную, нашептывая сам себе, как же его все бесит. Я улыбалась, довольная своей хитростью.

Следующие дни проходили по одинаковому сценарию. Перед сном отец приходил ко мне и радостно заявлял, что перекрыл обогреватель. Я кивала, а на утро рассказывала ему, как же мне было холодно ночью. Мы ссорились, и все начиналось сначала.

За это время мне в голову пришла мысль, что, возможно, он не держит меня за полную дуру. Просто батянка использует что-то вроде плацебо: уверяет сам себя, что ночью у меня не работает обогреватель, и от этого спит крепче и спокойнее.

Но в тот вечер на пятый день нашего молчаливого соревнования, или дурости, даже не знаю, как это назвать, начало

происходить нечто странное.

Сначала ничего не предвещало беды. Отец смотрел свое вечернее телешоу, в котором компания молодежи на шикар-ной вилле выясняла отношения, и громко смеялся. Я сходи-ла в душ, а когда вернулась, папа удивленно повернулся ко мне.

– Ты что, мылась?

– Ну да, я же мимо тебя прошла.

– Я не заметил, – и он снова уставился в телевизор.

Позже мы ужинали в кухне. Едва мы уселись за стол, как отец вскочил и чихнул:

– ХАПЧАААА!

Я потерла пальцами уши, в которых зазвенело, заметив, что про себя говорю как мама: «Да чтоб ты сдох!».

Мы вдвоем убрали посуду, и тут я почувствовала щекот-ку в носу. Я изо всех сил старалась ее не подавить, еще силь-нее разжечь, почти не дышала, и у меня получилось! Я чих-нула на всю кухню, как отец.

Он подскочил и закричал свой обычный набор слов:

– Дерьмо! Как же ты меня достала! Дура! Как же я буду рад, когда ты от меня свалишь!

Давясь от смеха, я засунула последнюю вилку в ящик и убежала к себе.

Перед сном папа вошел ко мне и сказал то самое нежи-данное.

– Ты представляешь, я не могу перекрыть у тебя отопле-

ние, потому что для этого мне придется выключать все электричество в доме!

Я вспомнила, что сегодня днем он бегал из кладовой в комнату и тихо матерился. Вот оно что! Проверял свои теории.

– Да ты что, правда? – я не удержалась от саркастического тона. Батька его, конечно, не понял.

– А ты что, об этом знала? – спросил он.

– Конечно нет, что ты, – попыталась искренне ответить я.

Отец долго рассматривал печку, подозрительно поглядывая на меня, словно я могла силой мысли ее включать и выключать.

– Вот дерьмо, что-то пошло не так! Как же мне быть?!

Он ушел спать, и на этом эпизоде в нашей борьбе наступило затишье, в смысле, папа больше не поднимал тему отключения обогревателя.

Квартирный вопрос

Мы с отцом несколько забросили решение нашей проблемы с покупкой квартиры. Меня крайне утомило его упрямство и крики в стиле: «Я все покупаю для себя, мне пофиг на твое мнение!». А папу истязали мысли о трате денег, поэтому он почти месяц не поднимал тему жилья. Но вот, в начале весны батька нашел в газете объявление о продаже хорошей квартиры за относительно недорогую цену.

– Завтра поедем по этому адресу, посмотрим, что там за дом и квартира. Главное – не заблудиться! – сказал отец.

Услышав это, я заволновалась. Во-первых, потому что мы бы обязательно заблудились, и папа обвинил бы во всем меня, как происходит всегда, когда мы едем в новое место. Во-вторых, я так и не поняла, готова ли эта квартира или еще строится, потому что ждать полтора года в селе, как предлагал отец в последний раз, я не собиралась. Я постаралась унять свое возбуждение, потому что сразу поняла: все пройдет очень непросто. Батяка найдет сто причин, почему нельзя купить эту квартиру, и, как всегда, будет сам себе противоречить. Это, к слову, его любимое занятие. Например, недавно произошла такая ситуация.

Я накрывала на стол к обеду и достала из шкафчика стакан для себя. Увидев это, папа гневно закричал:

– Ты поставила стакан только себе, а мне, по-твоему, не надо? Господи, какая же ты эгоистка, я еще таких не встречал!

На следующий день я поставила стакан и отцу. На что он отреагировал так:

– Нафига мне этот дурацкий стакан, я не хочу пить!

Я спешно убрала стакан назад.

Короче говоря, я предвидела некоторые сложности в этой поездке. Но никто не ждал такого ужаса.

Мы выехали сразу после обеда, и, как ни странно, без особого труда нашли район и дом на милой, уютной улице с парком рядом. К моей радости, дом был уже почти достроен.

– Здесь вполне неплохо, – сказал отец, когда мы обошли

вокруг здания и подошли к входной двери. – И он почти закончен.

– Да, мне тут нравится.

– Возможно, я куплю тут квартиру, – папа решительно вошел внутрь.

Мы поднялись на второй этаж, в комнату риелтора. Навстречу нам вышла молодая женщина.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! Я хочу поговорить с вами о квартире для моей дочери.

Женщина оглянулась на дверь позади нее.

– Понимаете, у меня сейчас встреча с клиентом. Вы не могли бы погулять где-то около часа? А потом мы с вами все обсудим.

Папе это предложение совсем не понравилось, но он кивнул и попытался улыбнуться.

Мы вышли на улицу и стали искать какое-нибудь кафе. Папе внезапно разонравилось все: район неудобный, и слишком много иммигрантов, да и кафе нормального нету.

Наконец мы зашли в какое-то заведение, которое живо напомнило мне бар «Алиби» из сериала «Бесстыжие». Здесь всем заведовала деловая женщина, за столикам и стойкой сидели мужчины-завсегдатаи, а в самом конце зала торчал явно ненормальный тип, с бородой до груди, грязными волосами и одеждой. Увидев меня, он замахал руками и заулыбался. Я сразу почувствовала себя неловко, потому что терпеть не

могла бары типа «Алиби», и потому что была тут единственной девушкой.

Мы усадились за столик, заказали кофе и сок. Отец едва не поперхнулся, увидев, что стоимость напитков обошлась ему аж в шесть евро. Но потом он отвлекся, разговорившись с завсегдатаями о покупке квартиры.

Под конец нашего пребывания в баре бородатый, который махал мне каждый раз, когда я хоть на секунду ловила его взгляд, подошел к нашему столику.

– Сколько лет этой девушке? – спросил он.

– Восемнадцать, – ответил папа.

– Можно я с ней познакомлюсь?

– Да ты чё, офигел что ли, она же моя дочь! – неожиданно резко начал меня защищать батька.

– Ты не должен мешать посетителям! – закричала хозяйка бородатому.

– Так я не мешаю, я просто веду дискуссию, – и он снова повернулся ко мне.

– Нет, ты мешаешь! Сядь на место! – надрывалась хозяйка.

Мы с отцом попрощались и пошли обратно к дому.

– Подумать только, этот старый придурок захотел с тобой познакомиться! Ненормальный! – возмущался папа.

Мы снова поднялись к риелтору, она вышла нам навстречу.

– Вы знаете, такое дело. Ко мне сейчас пришел другой

клиент. У него была назначена встреча на это время, а я забыла. Извините.

– И что же нам делать? – с трудом сдерживаясь, спросил отец.

– Давайте назначим вам дату и время. Так вы точно попадете ко мне. Сегодня у нас среда. На когда вам удобно?

– Ну давайте в пятницу после обеда, – мрачно сказал батяка.

– Отлично. Пятница, три часа. Я вас жду, – риелтор протянула нам буклет с рекламой дома и карточку с приглашением на встречу.

– До свидания, – папа потащил меня за собой.

В машине он кричал:

– Нет, ты видела эту козу?! Я потратил час своей жизни и шесть евро на этот дерьмовый кофе, а она забыла о том, что у нее уже назначено на это время! Коза тупая! Я оскорблен! Шесть евро потратил! Я еще подумаю, ехать ли нам в пятницу к ней на встречу! Здесь все просто ужасное! – дальше он перечислял сто причин, почему не стоит покупать эту квартиру.

Я почувствовала, что у меня разболелась голова, как обычно во время совместного времяпровождения с отцом.

Но папа не успокаивался.

– Я думаю, что на фиг не стоит покупать эти квартиры, – заявил он. – Лучше я куплю себе дом на колесах. Свалю на нем подальше от всех дурацких людей. Но тяжело найти дом

на колесах с двумя отдельными кроватями. А мне нужен именно такой, чтобы для тебя было место. Я же не буду вместе с тобой спать.

Я отвернулась, чтобы папа не увидел всё, что написано у меня на лице. Нет, дом на колесах и путешествия – это очень интересно, но он что, всерьез считает, что я выдержу с ним дольше часа в таком тесном пространстве?

Размечтавшись, отец выехал не на ту дорогу.

– Дерьмо, это же трасса, которая ведет в Кольмар! Черт, мы едем в противоположенную сторону!

Однако вместо того, чтобы попытаться найти выезд с трассы, папа просто продолжал ехать вперед. Мне подумалось, что, может, он ищет место, где можно меня выкинуть и уехать назад без этого груза.

Когда до Кольмара оставалось полчаса езды, папа наконец спохватился, что свернул не туда. Он начал во всем обвинять меня с моими дурацкими квартирами и не замолчал, даже когда нашел выезд на нужную дорогу.

Дома мы сели пить чай. Папа поглощал бутерброд с полруки с маслом, сыром и паштетом, анчоусы, мед, пирог, варенье, запивал все чаем, и при этом умудрялся говорить.

– Нет, ну эта коза меня так оскорбила! Подумать только, я потратил шесть евро и целый час из-за этой дуры набитой! Я точно ничего там не куплю! – кричал он, роняя куски хлеба себе на футболку.

На следующий день в электричке после учебы я готовила

речь, чтобы уговорить отца поехать завтра на встречу с риелтором. Но, едва я села в машину, сразу поняла, что папа мрачнее тучи. Он бросил на меня взгляд типа: «Дерьмо, я так надеялся, что она помрет в городе и не вернется». Пока мы поднимались по горному серпантину в село, он сообщил.

– Значит так, я много думал, и решил, что завтра мы никуда не поедem. Эта баба меня оскорбила. Я с такой связываться не буду.

– Но мне понравилась эта квартира.

– Да мне пофиг. Она тебе не подходит. Там плохой район. Вдруг тебя изнасилуют. И вообще, там все плохое. Эти тупые люди вечно творят что-то странное. То назначают встречу и не приходят, то я прихожу, а их там нет... – батяка принялся перечислять все свои обидки на людей.

Я начала вспоминать про себя правила грамматики французского языка, потому что иначе потеряла бы над собой контроль и дала бы ему зонтиком по голове.

– Я считаю, что нужно купить ту квартиру, где только фундамент готов.

– Я ее не хочу.

– Знаешь, ты меня задрала своими требованиями! То тебе не нравится, се тебе не нравится! Я тебе сразу говорю, что в следующем году я возить тебя вниз на вокзал не буду! Я устал! Это такие нагрузки в моем возрасте! Немыслимые нагрузки!

Я подумала об отсутствии логики в словах папы. Хочет

купить квартиру, которая построится к следующей весне, но при этом не хочет меня больше возить вниз в городок весь оставшийся год. Чего, блин?

Мы подъезжали к дому, и отец высказал новую мысль.

– Я так и знал, что тебе не следует переезжать ко мне. Я был против, но потом зачем-то согласился. Господи, я знал, что у меня будет много проблем, но даже не предполагал такой кошмар. Настолько тяжело мне никогда в жизни не было.

Окончательно в этот день батьку добила готовка еды. Вода сбежала из кастрюли и залила весь газ. Из кухни раздался такой грохот, будто пять сковородок одновременно бились друг о друга. Отец орал:

– Дерьмо, как меня достала эта каждодневная готовка еды, как же я устал, когда это наконец кончится! Такие нагрузки в моем возрасте, вот дерьмо!

После этого, мучимый только ему известными обидками, папа не разговаривал со мной два дня.

Когда чувство юмора отдыхает

День не задался с утра. То есть, началось-то все как обычно. Батька с утра был всем недоволен и бубнил, как он устал отвозить меня с горы на вокзал. Едва я вышла из машины, как он тут же газанул в неизвестном направлении, видимо, лишь бы не видеть дочь.

Я доехала до курсов, отучилась, вернулась на вокзал в Страсбурге, поговорила с мамой, ведь отец до сих пор запрещает мне разговаривать с кем-либо по телефону в доме

при нем. К счастью, я не выгляжу полной дурой, потому что вся молодежь, которая толчется на вокзале в ожидании своих электричек до пригорода, только и разговаривает по вайберу, скайпу и другим хай-тек штучкам.

Странности начались когда, договорив, я положила трубку и поискала платформу с моим поездом на табло. Но там почему-то не было ни номера перрона, ни названия моей электрички. Я прождала минут пять, но ничего не появилось. И тут до меня дошло. Я вспомнила, что раз в определенный период времени дневные поезда не ходят из-за ремонта железной дороги.

– Вот черт! – я судорожно вытащила бумажку с расписанием. Так и есть, в самом конце, среди всех условных пометок я нашла надпись, сообщающую, что электрички с 11 до 16 часов дня не будут ездить ближайшие три недели.

Я набрала номер отца, надеясь, что он поможет решить эту проблему.

– Чего тебе? – спросил он, едва взяв трубку.

– Ты в курсе, что мой поезд не ездит с сегодня и до пятого апреля?

– Ну так возьми следующий.

– Они все не ездят до четырех вечера.

– Господи, как же вы меня все достали, как же все это сложно, за что же мне все это, – шептал отец, ища свой экземпляр расписания. Он долго пыхтел, потом сказал: – Ты должна взять поезд в Мользайм на 13.10, а оттуда в 13.30

отходит автобус, который развозит всех по городкам.

– На 12.10.

– Что?

– Здесь есть поезд на 12.10, через пять минут, – сказала я и бросилась к выходу на платформу.

– Что ты несешь, где ты это увидела? – закричал отец. – А да, действительно, вот он. Короче, ты все поняла?

– Но я не знаю, где в Мользайме этот автобус.

– Да мне пофиг, там найдешь где-то у вокзала. Это твои проблемы. Все, пока.

Я села поближе к выходу из поезда, приготовившись бежать сломя голову, ведь автобус отходил через пять минут после прибытия электрички. Когда мы уже подъезжали, я стала у двери рядом с такой же потерянной девушкой и принялась искать за окном остановку.

– Вы тоже не знаете, где автобус? – спросила девушка.

Я кивнула.

Оказалось, что автобус действительно был у вокзала. Я села в него и остаток пути преодолела без приключений. Отец, как настоящий заботливый человек, даже не позвонил узнать, как там у меня дела.

На обед папа варил спагетти. Я переодевалась наверху, когда услышала дикий крик из кухни:

– Дерьмо, как же я устал, когда же кончится это мучение, вот дерьмо, сука!

Я спустилась вниз и прошла мимо бабки не сумев сдер-

жать смех. Он поднял голову и взревел:

– Заткнись, я все спагетти рассыпал на хрен, не смей ржать, это трагедия!

После обеда от всех этих приключений у меня разболелась голова. Как назло, отец пошел со мной на послеобеденную прогулку для того, чтобы объявить мне важную, по его мнению, вещь.

– В общем, я нашел объявление квартиры и я собираюсь ее купить.

– Правда? – я не стала радоваться, и, как оказалось, не зря.

– Да! Она будет готова через два года.

– Ну, мне нужно подумать, – да он издевается что ли?!

Почему нельзя купить готовую квартиру, в которую я сразу въеду и заживу нормально?!

– Я точно уверен, что куплю ее, и твое мнение меня не интересует!

– Очень мило.

– Если бы ты не была такой дурой, я бы спрашивал, что ты обо всем думаешь, но ты полная дура, и если я буду тебя слушать, то никогда ничего не сделаю!

Вообще-то, он и не слушая меня ничего никогда не делает, но я устала от всего этого, так что просто кивнула. Мы молчали всю прогулку, потому что я не могу разговаривать как ни в чем не бывало с людьми, которые меня бесят. Батяка, однако, на меня обиделся за это.

– Подумать только, ей не о чем поговорить с родным от-

цом, да она вообще офигела! Как же мне не повезло, у меня в это жизни не было ни одной нормальной женщины, и все дети у меня тоже отбитые!

– У меня голова болит, – попыталась я оправдаться, хотя догадывалась, что это бесполезно.

– У меня от тебя все болит, и ничего, я же терплю! Господи, когда ты уедешь в мае на каникулы, я выпью стакан водки от радости.

Да уж, думаю, я выпью два.

На следующий день я почувствовала себя как в тех американских фильмах, где школьников развозит домой автобус, потому что я ехала с толпой лицеистов из Мользайма. Не хватало только крутых ребят, которые, войдя в салон, сразу начнут приставать к остальным и драться.

Папа был мрачен, как никогда. Едва я переступила порог дома, как он сразу спросил, что я думаю о той квартире. Я начала что-то мямлить.

– Нет, все-таки ты страшно тупая, хорошо, что я делаю все не подумав, иначе так бы и остался на твоём уровне.

– Мне не нравится эта квартира, я не хочу ее, – сказала я.

– Ах вот как? Знаешь, что я тебе скажу? Я больше ничего не буду искать и покупать! Ты меня задрала, ты полная дура, Господи, какая же ты непутевая дочь! Точно, как твоя старуха-мать!

После этого крика отец ушел на кухню готовить обед, в процессе он обсуждал сам с собой меня.

– Какая же она идиотка. А? Правда, идиотка? Да, конечно, идиотка.

После напряженного обеда диалоги Вилара с Виларом продолжились. Батяка мыл посуду, я делала уроки и слушала такой разговор снизу.

– Ой, Вилар, что это? Что это такое, Вилар? Вот дерьмо! Дописав сочинение, я спустилась вниз, съела йогурт и помыла за собой ложку. Потом пошла одеваться на прогулку. Когда я снова попала в поле зрения папы, он обрушился на меня с очередной претензией.

– Ты помыла ложку, а мою чашку от кофе сложно было помыть? Перетрудилась, что ли?

Я решила проигнорировать вот это, потому что что-то доказывать было бессмысленно. Еще неделю назад отец сам сказал мне не мыть его чашку, ведь он попивает из нее кофе весь день. И буквально через секунду после этой придирки он налил себе кофе в ту самую кружку.

– Ты не идешь со мной гулять? – спросила я чисто из вежливости.

– Конечно нет, ты со мной не разговаривала вчера, я это не забыл, я обижен!

– Ну ладно. До скорого! – снова сказал я ради приличия.

– Да срать мне на ее до скорого, – пробубнил батяка.

В тот же вечер папа ворвался ко мне в комнату и подошел к обогревателю, после чего сказал такую фразу (попробуйте найти в ней логическую взаимосвязь):

– Подумать только, обогреватель врубилась, ты как твоя старуха-мать, ничего не делаешь, только в телефоне целыми днями, как же я устал!

Да уж, люди, кони – все смешалось.

А вот через день произошло нечто неожиданное – у бабки улучшилось настроение. Возможно это случилось из-за потепления, но скорее всего из-за того, что в магазине он встретил соседа и долго рассказывал ему о том, как же он устал, как тяжело ему приходится, он вынужден рано вставать, его жизнь так поменялась, и все из-за переезда дочери. Сосед ему посочувствовал, так что папе стало легче, что его трагедию кто-то разделяет.

После обеда я завалилась читать книжку, а отец пошел работать в садах. Звучит это так, словно у нас огромный фруктовый сад, который нужно постоянно удобрять и делать все эти садовые штучки. Но на самом деле это просто клумба во дворе, которую отец то ли вскапывает, то ли перекапывает.

В одном детективе, «Жажде» Ю Несбё, был такой момент, когда главный герой заперся в туалете, оттуда послышались странные звуки, главная героиня решила, что он кричит, а оказалось, что его тошнит. Приблизительно то же самое происходит и у нас с папой. Я спокойно сижу себе в своей комнате, когда вдруг слышу крик. Я бросаюсь к окну, думая, что может, отца хватил удар, или он упал и скатился с горы, а оказывается, это он кашлял, как больной туберкулезом и коклюшем одновременно.

После такого я уже не смогла спокойно читать, и вышла в сад узнать, идет ли батька со мной гулять. Он страшно испугался, когда я позвала его сзади, подскочил, закричал на все село, а потом долго говорил, какая я тупая.

Мы неторопливо шли по лесу, отец ощупывал карманы своей куртки, в одном из них нашел два евро.

– Вот, это тебе, – протянул он мне монетку.

– Спасибо.

– Не за что. Видишь сколько я для тебя делаю. Надеюсь, когда ты съедешь, ты не забудешь про отца, как все эти мои другие дети, которые даже раз в год мне не позвонят. Как же мне в жизни не повезло, я не встречал ни одного нормального человека. Все мои дети совсем не Вилары.

– Что поделать, – пожала я плечами.

– И все женщины, которые мне попадались, совсем не умели экономить деньги. Вообще никто в мире не умеет экономить. Вот я когда был маленьким, склеил несколько спичечных коробков, и раскладывал в них монетки.

Так вот оно что – страсть перебирать денежки у него, видимо, врожденная.

– Очень интересно, – сказала я, сдерживая смех.

– Конечно, ты бы с твоей-старухой матерью так бы не смогла, – гордо ответил батька.

Из-за поворота дороги вылетел беспилотник, отлетел от на небольшое расстояние, и продолжил путь за нашими спинами. Мы свернули, и вышли к большому полю. Там стоял

мужчина с пультом в руках.

– Добрый день! – поздоровались мы с отцом, проходя мимо.

– Здравствуйте! А я все слышал, – весело ответил тот.

Я сразу поняла, что это шутка, намек на прослушивающие беспилотники, как в фильмах, и засмеялась. Но папе было не до смеха.

– Правда? Вы все слышали? Прямо из другого конца леса?

– Нет, что вы, это шутка, – замахал руками мужчина.

– А, ну да, точно, – папа попытался засмеяться.

Когда мы отошли на приличное расстояние, я заржала на весь лес.

– А чего ты ржешь? Вот ты мне можешь сказать? – допытывался отец.

– Этот мужик пошутил, а ты не понял, – попыталась я объяснить. – Ну, как по-французски это слово, когда кто-то говорит что-то смешное?

– Что ты несешь? Мне вообще пофиг, слушал он наш разговор или нет, мне скрывать нечего, вот если бы я говорил что-то важное, но я же не говорил! – разглагольствовал папа.

Я не могла успокоиться минут десять.

Остаток дороги батянка предавался мечтам:

– Вот в мае ты наконец уедешь, и я заживу. Буду делать что хочу, есть, что хочу, экономить деньги. Твоя мать знает, что ты приедешь в конце мая?

– Да.

– И что она об этом думает?

– Она рада, она так скучает по мне.

– А я скучаю по тем временам, когда ты была далеко от меня, – не стал скрывать отец.

Перед ужином я села посмотреть телевизор с папой. Он смотрел свое любимое шоу, то самое, где куча молодых людей выясняли отношения. Каждые пять минут батяка поворачивался ко мне и говорил:

– Эта героиня настоящая шалава, вот посмотри на нее, как она себя ведет, сначала с одним мутила, теперь уже с другим.

Хорошо, когда ему есть с кем обсудить передачу, ведь когда он смотрит ее один, то разговор о героях тоже ведет сам с собой, как-то так:

– Подумать только, какая эта героиня шлюха, дура, а герой, нет, Вилар, ну герой, он такой дурак, я бы с такими не общался, вот это драмы у них, ну и ну!

Когда я уже начала чувствовать боль в ушах от дикого смеха отца и его комментариев, будто герои могут слышать, началась реклама. Папа переключал каналы, и на одном из них я увидела свой любимый сериал, «Две девицы на мели».

– Оставь, – попросила я его.

Мы начали смотреть серию. Как и во всех ситкомах, здесь звучал закадровый смех, но, поскольку отец кроме своих передач про отношения ничего не смотрит, он не знал об этой фишке.

– Слушай, а чего они ржут? Ну не смешно же, – спрашивал

он после каждого взрыва хохота.

– Понимаешь, это такой жанр, в нем всегда звучит смех, даже если тебе не смешно.

– Да ерунда какая-то, – батька ничего не понял. – Вот сейчас, чего они смеются? Вот чего ржать? Они что, идиоты?

Лично я смеялась не над сериалом, а над словами папы, который в конце концов переключил канал со словами:

– Придурки, сами не знают над чем ржут.

Я пошла ужинать, а папа, почему-то считая, что без него я поесть не смогу, отправился за мной. Сначала он хотел разогреть мне пиццу, но я вовремя спохватилась и засунула ее в микроволновку сама. Все потому, что для не хай-тек мозга отца использование микроволновой печи, видимо, тоже слишком сложное. Каждый раз, когда он что-то разогревает, блюдо оказывается перегретым до невозможности.

Однажды мы всей семьей ели пиццу уже на обед. Мама разогрела себе и мне до нормальной температуры, а вот батька перегрел свой кусок так, что сыр пошел пузырьками. Мама тогда сказала:

– Пицца вкусная и теплой, и холодной. Ну а некоторые ее вообще кипятят.

Так вот, доев не перегретое блюдо, я захотела сока. Слишком резко опрокинула бутылку, и часть напитка пролилась мимо стакана.

– Господи, какая же ты свинья, это просто невозможно! Тебя же в общество будет стыдно вывести! – кричал батька,

который все это время сидел напротив меня за столом.

Я опять засмеялась, потом что вспомнила, как пару дней назад отец кашлял с полным ртом салата, плюясь им во все стороны.

– Вот тебе смешно, а мне нет, когда я думаю о том, что твоя мать тебя ничему не научила, никаких манер!

Он взял с моей тарелки недоеденную корочку от пиццы и вцепился в нее зубами, но она оказалась слишком твердой, папа не мог откусить кусок и поэтому ронял слюни на стол, как бульдог, а я потом их за ним подтирала.

Перед сном настроение у отца испортилось, опять же, возможно, из-за перемены погоды, а скорее всего из-за его проблем с головой. Он вбежал ко мне в комнату, швырнул на кровать постиранное и высушенное белье и закричал:

– Как же ты меня задрала своей стиркой, я только и делаю, что стираю твои вещи, я устал, скорей бы ты уже от меня свалила, я так устал, сутками стираю!

– Но я же не могу не стирать. И ты запретил мне самой ставить стиральную машину, вдруг сломаю.

– Ой, заткнись! Вот вернешься к своей матери и стирай там весь день, а у меня такого не будет! Ты что думаешь, это так легко, все время ставить машинку?! На хрена ты опять кинула полотенца в стирку?

– Они грязные.

– Ты их каждые четыре дня стираешь!

– Так так и надо, особенно, когда у тебя прыщи.

– Прыщи у тебя от вашей дурацкой еды на родине, всякие супы и борщи! Я свои полотенца раз в две недели стираю, а она раз в три дня, капец!

Батяка ушел к себе в спальню, где еще минут пять обсуждал с Виларом, как ему непросто.

Пасхальные каникулы

Я уже забыла те времена, когда я ждала каникул с нетерпением, потому что в этом селе с отцом моей мечтой было учиться с утра до вечера. Но во Франции любят много отдыхать, а потому последние в учебном году каникулы наступили в начале апреля.

Я понятия не имела, чем мне заниматься эти две недели. Отец последнее время экономил как мог, а потому никуда не выезжал. Но в этот раз я решила уговорить отвезти меня на экскурсию в концлагерь на соседней горе.

– Как ты меня задрала! – закричал папа, едва услышав мою просьбу. – Да там же билет платный!

– Шесть евро на человека.

– Кошмар! Ладно, поедем, но я туда не войду, только за тебя заплачу. Потому что тратить 12 евро я не собираюсь, еще и на какую-то фигню. Я в этом лагере уже сто раз бывал, в детстве, после войны, когда на территории скелеты лежали, – как-то радостно вспомнил отец.

– Отлично, давай завтра.

На следующий день батяка был вполне в неплохом настроении, и я даже подумала, что, может, он все-таки пойдет со

мной, а то одной скучно бродить. Но, когда после обеда мы сели в машину и тронулись, настроение у отца испортилось.

Стояли теплые деньки, и в машине, нагретой на солнце, была духота. Я немного приоткрыла окно.

– Тебе что, жарко? – закричал папа.

Начинается. Каждый раз в теплую пору года мы с отцом ссоримся из-за того, что я хочу открыть окно, а он против. Потом я хочу его прикрыть, а он снова против.

– Да, тут душно.

– Ты вообще охренела! Закрой немедленно, потому что если ты простудишься, то я сразу тебя домой отправлю, ты мне тут больная не нужна!

Мне пришлось подчиниться.

– Подумать только, по ночам она включает обогреватель, а тут ей жарко!

– Потому что по ночам холодно из-за того, что ты не двигаешься.

– Ерунда, ты опять несешь бред! Это все манеры твоей матери, проветривать.

Спустя пять минут отец приоткрыл окно со своей стороны.

– Тебе жарко? – с насмешкой спросила я.

– Да, но я знаю, почему мне жарко, это не потому что тебе жарко!

Я сдержала смехок, боясь, что иначе он закроет окно.

Приехав в лагерь, мы пошли в центральное здание. Я оста-

новилась посреди холла, не понимая, где тут касса. Оглянулась, надеясь, что батька поможет, но он стоял в трех метрах от меня и кричал:

– Чё стала, вон касса, иди сама за свои деньги покупай, я-то тут причем!

Я бродила по концлагерю два часа. Попыталась присоединиться к экскурсоводу, но он слишком много и занудно говорил об истории Второй Мировой, так что я плюнула и пошла осматривать бараки сама. Это было интересно. Карцер, нары, комната для наказаний и медицинских опытов, крематорий, газовые камеры навевали тоску, хотя и выглядели современно после реставрации. Я прочла все стенды, наделала фотографий, и вернулась к отцу. Он ждал меня у входа.

– Ну наконец-то, что там можно делать столько времени? – пробурчал он.

Я рассказала о своих впечатлениях, которые мало интересовали его, и поинтересовалась, чем же занимался батька, пока я культурно обогащалась.

– Да я спал в машине полтора часа. Потом поговорил с какими-то людьми. Они мне такие говорят, мол с экскурсоводом можно до шести вечера тут торчать. Я как это услышал, сразу им сказал: если она тут зависнет так надолго, то я уеду домой, пусть пешком идет, тут всего-то 15 километров.

Да уж, очень мило. Как будто он меня каждый день так долго где-то ждет.

Тут папа предложил поехать в ресторан выше по горе и

съесть мороженное. Я согласилась, кто же откажется.

В помещении мы были одни. Я медленно ела мороженное, отец помешал кофе и вынул свой кошелек, чтобы вернуть мне деньги за билет. Он отсчитал монетки и кинул на стол. Минуту задумчиво на них смотрел, потом взялся пересчитывать.

– Вдруг я тебе лишнее дал, – объяснил он.

Я засунула монетки к остальным деньгам в кошельке.

– Ого, у тебя так много монет, – сказал папа.

– Да, нужно тут потратить, все равно у себя на родине я их не обменяю.

– Что?! – закричал отец на весь ресторан. – Нет, не смей их тратить! Ты должна их беречь и экономить до конца лета, а лучше дольше.

– Зачем?

– Как зачем? А если самолет задержат, на что ты еду в аэропорту купишь? Я не даю тебе бумажные деньги, чтобы ты их своей старухе-матери не отправила. Так что храни эти монеты!

– Так в аэропорту поесть максимум десять евро, а у меня тут сорок, – я не стала комментировать фразу про бумажные деньги.

– Это неважно, ты должна их беречь. Вот зачем тебе их сейчас тратить?

– А вдруг мне что-то понадобится.

– Тебе ничего не нужно, у тебя все есть. Подумать только,

она ни копейки сэкономить не может, ей все надо сразу просрать. Точно как мать. Ну и дуры, как так можно жить.

До конца дня отец бубнил, как важно ничего не покупать на эти злосчастные монеты.

Через несколько дней мне написала моя подруга Аня и предложила сходить с ней на бесплатный концерт. Я с радостью согласилась, нашла подходящую электричку и спустилась вниз сообщить все это папе.

– Пап, завтра я еду в город, пойду с Аней на концерт.

Отец кивнул, не отрываясь от газеты.

– Я поеду поездом в 8.24.

– Ну ладно, я тебя отвезу на вокзал, – наконец отреагировал батька. – Это небось платно, концерт?

– Нет, не волнуйся.

– Да мне пох, я бы все равно ни на что денег не дал, – он встал, взял с тумбочки расписание электричек. – Слушай, но ведь этот поезд не ходит в это время.

– Это еще почему?

– Ну вот же, тут, в пометках, указано, он ходит с соседнего поселка только перед Новым годом.

Я взяла расписание.

– Нет, имеется ввиду, что он ездит начиная с этого поселка, а не с города Сен-Дьё перед Новым годом. В остальное время он едет с города.

– Что ты несешь, тут все черным по белому!

– Я считаю, что я права.

– Ну раз ты права, вот завтра и стой как дура, жди его. Вообще, в Сен-Дьё поезда не ходят, там железная дорога сломана, только автобусом.

Пока я задавалась вопросом, что за бред несет отец, ведь конечная поезда, которым я еду с учебы – это Сен-Дьё, батьку взволновал другой вопрос.

– Короче, это расписание бред, я в нем ничего не понимаю. Где будет этот концерт?

– В оранжерее.

– И как ты туда доедешь? Ты же там никогда не была.

– Я по карте посмотрела, от вокзала автобус ходит, L6.

– В жизни про такой автобус не слышал. Ну ладно, делай что хочешь, но если заблудишься, мне не звони, твои проблемы.

Как будто бы я собиралась.

– Ты сегодня будешь мыться?

– Да.

– Как же ты меня достала, тратишь воду литрами, когда же это уже закончится?! – взревел папа.

– Но я же не могу идти с грязной головой.

– Конечно можешь!

– Но ты моешься каждый день, – возмутилась я.

– Нет-нет, то что делаю я, ты не должна делать. Вообще, я что хочу, то и делаю. Господи, когда же ты уже свалишь на родину летом.

На следующий день с утра у папы было ужасное настро-

ение. Как я подозреваю, от того, что он ревнует меня к моим же друзьям, ведь каждый раз, когда я собираюсь гулять с кем-то, он закатывает мне скандал. На этот раз поводом послужило то, что я надела короткие носки с короткими джинсами, оставив щиколотку открытой. Отец разорался, что от открытой щиколотки я точно заболею, и орал все пять минут до вокзала. Там он даже не остановил машину, так что мне пришлось чуть ли не на ходу выпрыгивать из нее. Я пошла к поезду, а батька газанул дальше, крикнув, что вряд ли приедет меня забрать, так что я должна подниматься на гору пешком.

Я прекрасно провела время, как всегда, когда рядом нет отца. Вопреки своим же словам, папа таки забрал меня под вечер. Но настроение его ухудшилось еще сильнее (каждый раз думаю, куда уж сильнее, но нет, таки есть куда). Пока мы ехали в село, он приговаривал:

– Как же ты меня достала, строишь тут из себя королеву, но ничего, даже не мечтай вернуться ко мне после летних каникул, в сентябре будешь жить на вокзале, и если ты там заболеешь, не смей мне звонить, я тебе все равно денег не дам.

Вы, наверное, хотите спросить, к чему он все это нес, а я вам отвечу: сама не знаю. К счастью, мы приехали домой и весь вечер сидели в разных комнатах.

Через пару дней, когда батька немного отошел от своих обидок, мы поехали в торговый центр. По дороге, уже в при-

городе Страсбурга, я заметила тот самый автобус, который вез меня в оранжерею, и про который не знал отец. Я решила показать ему, не знаю зачем, ведь он все равно не пользуется общественным транспортом.

– Смотри, вон тот... – начала я, но папа испугался моего голоса и закричал на всю машину.

– А-а-а-а, замолчи, не разговаривай, замолчи!

Своим криком он напугал уже меня, поэтому я не стала продолжать фразу. Через пару минут, когда батька отошел от своего шока, он спросил:

– Ну что ты там мне хотела показать?

– Автобус, которым я ехала в оранжерею. Вон он.

– Все равно такого не знаю. Город так поменялся за последние двадцать лет.

Мы пообедали, и отец пошел что-то посмотреть в магазине, а я осталась ждать его на лавочке в холле. Через несколько минут я подняла голову и увидела, как он идет и сам себе что-то нашептывает, улыбается, хихикает. Идущие навстречу люди смотрят на него с подозрением, а батька этого не замечает и продолжает разговаривать сам с собой. Наверное, мой смех от этой сцены был слышен аж до Кольмара.

В селе отец решил пойти гулять со мной, потому что Пасха и работать во дворе нельзя. Нет, он совершенно не религиозен, просто ему лень перепахивать свои грядки, а потом он обвиняет меня, якобы я мешаю ему работать.

Конечно, во время прогулки папа страшно меня утомил.

Сначала он плюнул так, что брызги его слюны попали мне на ногу. Потом он по традиции пошел писать. Когда батька повернулся ко мне, я заметила, что на его штанах целое пятно.

– Пап, ты опять штаны описал.

– Господи, как ты меня достала, точно как твоя мать, такая же дура! Она мне вечно какие-то тупые замечания делала, и ты туда же. Подумаешь, пара капель попала, – было ответом отца.

Всю прогулку он нес какую-то хрень. Под конец у папы опять испортилось настроение, и он стал поносить меня, мою маму и весь мир.

– Какие же вы с матерью обе тупые. Но ничего, я вам еще покажу. Не дай бог вы мне летом будете звонить и просить дать денег, я сразу предупреждаю, я сменю номер телефона. И на отдых на море я денег не дам. Я еще подумаю, пускать ли тебя обратно осенью. Может, в сентябре я уже умру, а может и нет, но в любом случае ко мне ты больше не вернешься.

Дома батька внезапно вспомнил, что утром нашел у кресла в гостиной крошки после меня, и наорал, и обиделся (еще вопрос, чьи крошки, ведь целыми днями в этом кресле ест он, а я после себя все убираю).

Перед сном отец обходил владения и обнаружил, что я кинула стирку. Он сразу же закричал на весь дом:

– Опять куча белья, как же она меня задрала своей стиркой, сколько можно, я стираю днями, как я устал, в сентябре она сюда не вернется, это точно!

В кухне папа еще немного побубнил, потом пошел в ванную, посмотрел на грязное белье, и опять начал бубнить.

Больные и здоровые

После весенних каникул у отца возникли проблемы со здоровьем. Виновата в них, конечно, была я, потому что из-за меня у него стресс.

Началось все с того, что на руке у папы была большая, выпуклая родинка. Пару месяцев назад батька ее поцарапал, и с тех пор она причиняла ему страшный дискомфорт. Я, естественно, не надеялась, что отец пойдет к врачу, но все равно поразились, когда однажды утром он вошел в кухню и показал мне перебинтованную руку.

– Смотри, я эту родинку ножницами отрезал. Теперь у меня там ничего нет, через месяц-другой заживет, и вообще отлично будет.

– Но это же очень опасно, – я была в шоке. – У тебя же может начаться меланوما.

– Чё? Это называется, вообще-то, родинка!

– Я знаю, что это, но от родинок, которые отрезаны или оторваны, может быть болезнь – меланوما.

– Да я вообще не могу понять, что это такое, – радостно сказал отец, наливая себе кофе.

– Это рак кожи.

– Ааа... Ничего страшного, даже если у меня он будет, мне пофиг.

На самом деле я понимала, что не стоит переживать за

отца, ведь на нем все проходит, как на собаке, и проблемы из-за такого варварского удаления родинки точно были бы у меня, мамы, других людей, но никак не у него.

Встретил меня после учебы папа еще и с пластырем на лице из-за пореза во время бритья. Я сказала ему, что он будто с войны вернулся, но отец не оценил моей шутки.

Своей целой рукой батька никак не мог открыть двери в сени. Он засовывал ключ в скважину, вертел им, но замок не поддавался. Мне папа попробовать не давал. Через пять минут бесплодных попыток он глубокомысленно заявил:

– Я уверен, в дом пытались вломиться и сломали замок.

Я выхватила у него из рук ключ и с первой попытки открыла дверь.

Отец уязвился. Наверное поэтому он как всегда был всем недоволен. То я вещи сразу в шкаф не сложила, а оставила проветрить, потому что вспотела в жаркой машине, и он бубнил об этом три часа, то я опять посуду не так помыла.

Перед прогулкой батька решил показать мне свою родинку. Он отклеил пластырь:

– Смотри, какую я сам себе сделал операцию классную.

– Не надо, я не хочу это видеть, – я закрыла глаза рукой, представляя, какое там кровавое мясо от его «операции».

– Боже, ты даже не можешь посмотреть на рану! Ты полный ноль, что ты вообще можешь делать в этой жизни!

Да уж, логика – умри.

Мы пошли на ферму покупать творог. По дороге отец ска-

зал:

– У меня, кстати, еще зуб болел, но я же разорен, а дантисты здесь дорогие, так я взял и сам его выдернул, – и он показал мне дырку между двумя зубами на верхней челюсти.

– Молодец, – я уже не удивлялась.

– Конечно, я же не такой идиот, как вы с матерью, по врачам ходить. Правда, у меня там еще и десна воспалилась, но ничего, недели через три сама пройдет.

– Если бы ты пошел к дантисту, с антибиотиками все прошло бы за три дня.

– Нет, не пойду я никуда. Таблетки это очень вредно и дорого, я против.

– Ну тогда осталось только подорожник приложить, как в Средние века.

– Вот тогда как раз и лечились правильно, – изрек батька.

Я потерла прыщик на лице. Папа глянул на меня и заявил:

– Не понимаю, от чего у тебя прыщи. Они уже должны были пройти.

– Вообще-то у твоих Анри и Мишеля в моем возрасте тоже были прыщи.

Анри и Мишель – папины внуки от старшей дочери. Я знаю, как они выглядят и как их зовут, хотя в жизни их не видела.

– А кто это вообще такие? – спросил отец.

– Это твои внуки.

– Ааа, а я забыл уже про них. Но это все равно не из наше-

го рода. Я знаю, все проблемы от того, что ты ешь эти ваши борщи на родине, вот у тебя и прыщи теперь.

– Так я борщ уже полгода не ела.

– Это неважно, он уже так глубоко въелся в твой организм, что теперь будет много лет давать последствия, – выдал умную мысль папа.

Раз мы заговорили о здоровье, я решила спросить про степень готовности моей медицинской страховки, карт виталь, как она тут называется. Отец подал на нее документы пару месяцев назад, но сделал все неправильно, и получение этой карты застопорилось.

– Слушай, а что на счет моей карт виталь?

– Карт щиталь? А что это?

– ВИТАЛЬ!

– Боже, как ужасно ты говоришь по-французски. Ну, ты есть в системе, у тебя уже готов номер страховки, так что ты можешь ею пользоваться. А карточку ты, наверное, никогда не получишь, не знаю, там у них что-то пошло не так.

– Так а как же пользоваться этой страховкой?

– Ее нужно пополнять, чтобы активировать, но у меня нет денег, и я этим заниматься не буду. Сама разбирайся, мне страховка нафиг не нужна, я вон всю жизнь сам лечусь, – и отец улыбнулся той частью рта, где не было зуба.

На ферме мы купили творог. Пока папа кормил свиней старым хлебом, я вертела в руках баночки и увидела, что срок годности творога закончился еще вчера.

Отряхивая руки, батька подошел ко мне.

– Смотри, у творога срок годности вчера закончился, такое нельзя продавать и покупать, пойди попроси, чтобы тебе на свежий обменяли.

Но у отца сказанное мной почему-то вызвало взрыв ярости.

– Да ты охренела! – заорал он на всю ферму. – Не хочешь – не ешь, я сам съем! Подумать только, тут один день, а она цирк устраивает!

Женщины, катавшиеся неподалеку на лошадях, остановились и внимательно на нас посмотрели.

– Но это же натуральный продукт, он очень быстро портится, – тихо, чтобы не привлечь еще больше зрителей, сказала я.

– Как ты меня задрала! – продолжал кричать папа. – Я для тебя все, разбиваюсь тут, а ей то не нравится, сё не нравится! Я тебя вообще кормить не буду, раз ты такая! Вообще оборзела!

Всю дорогу до дома отец говорил:

– Господи, как же я устал, как ты меня утомила! Скорей бы ты свалила на лето, и сюда ты больше не вернешься. Я для нее все, а что она для меня?! Вот именно, ничего! Ничего я жизни не получил ни от одной женщины! Такие нагрузки в моем возрасте, а сколько времени и денег за этот год я просрал! Я не для того их зарабатывал! И ей еще что-то не нравится! Но ничего, сюда она не вернется, потому что я не

просто устал, моя жизнь превратилась в дерьмо!

Вечером батька много бурчал. Сначала я кинула стирку, и он кричал, как задрался стирать сутками мое белье. Потом он рассказывал, что мой шампунь ужасно пахнет.

– И вообще, от тебя от самой пахнет как от быка! – ого-рошил отец меня.

– Вообще-то я моюсь и пользуюсь дезодорантом, – это что-то новенькое. Все нормальные люди говорили, что от меня приятно пахнет.

– Дезодорант – это фигня. Нужно много парфюмов и одеколona. Вон как я делаю, пол банки всего этого на себя выливаю, с головы до ног!

Перед сном батька таки сумел отключить обогреватель в моей комнате. Но ничего, я тоже просто так не сдамся.

Утром я завтракала, когда папа радостно влетел в кухню и спросил:

– Ну как тебе спалось, тепло?

– Ужасно холодно, – сказала я и закашлялась. – Кажется, я заболела.

– Как ты меня задрала! Давай собирайся и вали отсюда, бесишь меня!

Однако мои методы подействовали быстрее, чем я ожидала. Когда после учебы я села в машину, отец сказал:

– Я включил твою печку, а то еще умрешь от холода.

Я кивнула.

– В субботу я пойду к этим фермерам на ярмарку и по-

требую, чтобы они обменяли просроченный творог. А то что это за наглость – такое продавать?! – продолжал он.

– А кто тебе мешал вчера на ферме сразу это сделать?

Папа долго пыхтел над ответом.

– Ты меня взбесила, и я забыл, что нужно пожаловаться! – выдал он наконец.

Чтобы не тянуть кота за хвост, сразу расскажу чем закончилась эта история с творогом. В субботу батяка действительно принес новые и не просроченные банки. Но в тот же день я обнаружила, что старые так и стоят в холодильнике за пачкой салата и уже завонялись. Из этого я сделала вывод, что отец не пожаловался и не обменял, а просто купил новый.

Впрочем, так было всегда. Грозность отца только в его словах, а до дела никогда не доходит. Помню, пару месяцев назад его страшно бесила соседская собака, которая гадила прямо в его дворе, забегая через задний двор, который граничил с полем и ни чем не огораживался. Папа ходил и кричал:

– Ничего, я как встречу хозяев этой псины, я им все выскажу, да я им как покажу, они у меня еще узнают, пожалеют, что на свет родились, и их пес тоже!

Однажды, когда собака вновь забежала в наш двор, отец как раз был дома. Я уже представила, как он сейчас начнет ссориться с хозяевами, которые проходили мимо, но он высунулся из окна, посмотрел на пса, повернулся к соседям и

вежливо сказал:

– Добрый день.

После этого он ушел обратно в дом и снова начались каждодневные угрозы прибить владельцев собаки при следующей встрече.

Где-то через неделю после истории с родинкой и зубом, когда все болячки батьки уже начали заживать, у негохватило спину. Он долго ходил и мучился, но потом все же заявил, что посетит врача.

– Да, придется пойти, – объявил батька мне во время прогулки. – Врачи, конечно, те еще идиоты, но я не могу терпеть такие боли.

Несмотря на страшную боль, отец потащил меня куда-то глубоко в лес на поиски несуществующих грибов. Он все время приговаривал, что мы идем совсем недалеко, а тем временем мы обошли уже три горы.

Последнее время у папы при виде меня сразу портилось настроение. Так было и сейчас. Кажется, он уже дошел до лимита и нес хрень без удержу.

– Как же ты меня задрала, – приговаривал он. – Я в жизни столько денег не тратил, как за этот год. Я абсолютно точно уверен, что ты не поступишь в университет, небось все неправильно сделала на том сайте.

– Так ты же это досье со мной оформлял.

– Не надо тут на меня все сбрасывать, это ты тупая, а не я! Вся эта семья тупая, один я умный. Господи, зачем я по-

шел с тобой гулять, я же тебя весь день видел и уже устал. Я надеюсь, если ты не поступишь, ты останешься на родине?!

– Почему это? Я вернусь и буду работать.

– Нет, ты должна работать на родине в супермаркете или на заводе, но не тут.

– Но ты же вместе с билетом туда взял и обратный?!

– Ничего страшного, я его аннулирую. Точно аннулирую, потому что ты меня достала. Не смей сюда возвращаться!

В этот момент я, уже давно не слушавшая папин бред, улыбнулась, вспомнив смешную историю, случившуюся сегодня на учебе. Отец это заметил и сказал:

– Вот ты ненормальная, улыбаешься непонятно чему!

– А когда ты делаешь вот так, – и я показала, как батька ходит по дому, сам с собой беседует и хихикает.

Он долго смотрел на меня, а потом ответил:

– Ну ты и дура ненормальная! Валила бы ты на родину...

Дома батька опять бубнил, что я сделала себе полную чашку чая. За столом он распинался, какая я свинья, при этом кроша булкой себе на футболку, плюясь во все стороны и проливая чай во время размешивания сахара.

Я помыла посуду и заметила на столе нож, которым отец мазал на хлеб печеночный паштет.

– Дай мне его, – попросила я папу.

– Подожди, я сам, – он встал, взял нож, оторвал бумажную салфетку, протер ею лезвие и дал мне. – Клади в ящик.

– Но его нужно помыть под водой.

– Ты охренела! – закричал папа. – Свои порядки будешь у своей матери устанавливать, а тут я все решаю!

Мне пришлось спрятать нож. Тут батька увидел на паркете капли воды и заорал:

– Опять паркет заляпала, как же ты меня задолбала, нет, с таким отношением к паркету ты ко мне точно не вернешься!

Поорав немного, он сказал:

– На ужин я купил тебе луковый пирог.

– Спасибо.

– Вот видишь, какой я отец, хоть я на тебя ору, но все равно даю тебе поесть, а то еще будешь своей матери рассказывать, что я тебя не кормлю, – гордо заявил папа.

На следующий день батька съездил к врачу, вернулся без диагноза, но с кучей лекарств, и долго приговаривал, какие все врачи идиоты. Потом был цирк с проглатыванием крупной таблетки. Он с трудом ее проглотил, но из-за большого количества выпитой воды у отца начался приступ рефлюкс-эзофагита, поэтому он бегал в ванную отрыгивать, а у меня от такой сцены пропал аппетит, и я не допила свой чай. Тут, к счастью, началось его любимое шоу про выясняющую отношения молодежь, и папа, забыв про спину, таблетки, рефлюкс, ржал как конь перед телевизором.

Отъезд

В этот день папа был возбужден, как никогда. Казалось, это самый важный день в его жизни. День, когда я уезжаю на летние каникулы.

По правде говоря, уезжаю я ночью, так что отцу предстоит провести со мной еще часов двенадцать. Тем не менее он вынул чемодан из шкафа за сутки и положил его посреди моей комнаты.

Утром я спустилась вниз.

– Не хочешь помочь мне сложить вещи?

Батяка пулей взлетел по лестнице. Минут пять я слышала возню, потом он вернулся и радостно закричал:

– Все готово, я все сложил и запер чемодан. Кстати, ты там пыталась сама что-то уложить, это все неправильно, Госпо-ди, ты даже в путь не умеешь собираться, что ты вообще можешь делать своими кривыми руками, – отец вспомнил, что нужно меня еще немного покритиковать перед отъездом.

После обеда папа спросил:

– Ты что-то там говорила про новую обувь?

– Да, было бы неплохо купить мне босоножки на лето.

– Ладно, в общем, слушай сюда. Я сейчас еду в Мользайм к ревматологу, потому что из-за этих придурков-врачей моя спина так и не прошла, может он мне поможет. Тебя я оставлю в торговом центре, купишь там себе свою обувь. Надеюсь, ты едешь? Потом что я сегодня добрый.

– Конечно, еду, – и я побежала собираться.

– Вот тебе 50 евро, – с отчаянием на лице всучил мне купюру отец перед выходом.

Мы уселись в машину. Всю дорогу до города добрый папа поносил меня.

– Опять ты легко оделась, в футболку. Вот кто так одевается?

– Так жарко же. И ты тоже в футболке под курткой.

– У меня там свитер! – закричал отец.

Вот это поворот! Я не видела, что он надевал перед выходом, но свитер в конце мая в 25 градусов, серьезно?

– Даже если я и заболēju, это будет на моей родине, так что можешь не волноваться, – поставила я точку в этом диалоге и воткнула в уши наушники.

Но мне тут же пришлось их снять, потому что папа что-то сказал.

– Прости, что?

– Как же меня бесят люди с наушниками и телефонами, вся эта фигня, лучше бы деньги зарабатывали! А ты меня как бесишь!

Перед торговым центром батька даже не притормозил, так что я опять выпрыгивала из машины на ходу.

Я купила себе босоножки, поела мороженное и осталась ждать отца в кафетерии. Он вернулся через час.

– Представляешь, у меня в спине что-то защемило или сдвинулось, я сам не понял, – рассказывал папа, идя по парковке. – Врач меня дернул и все прошло!

Как сказала потом моя мама, лучше бы ему голову дернули, там с детства зацемялено.

– Ну, что ты себе купила?

– Я купила две пары.

– Надеюсь, одна не для твоей матери?

Вообще-то одна действительно была для мамы, но я уверено ответила:

– Конечно нет, стала бы я еще тратить деньги на нее.

Батяка удовлетворенно улыбнулся.

– И сколько все это стоило?

– 45 евро.

– Ну ни фигя себе!

Рассекая парковку, отец вынимал из карманов купюры и давал их мне. Наконец он посмотрел на 50 евро в моих руках и понял, что пора остановиться. К слову, в машине он снял куртку, и под ней оказалась футболка. А мне тут заливал про свитер.

По дороге домой мы попали в пробку.

– Ты же рада, что уезжаешь, да? – спросил отец

– Вообще-то не очень. У меня уже ностальгия по Франции, – невозмутимо ответила я.

– Что?! – папа чуть не врезался в едущую впереди машину. – Да ты офигела?!

– Но мне так нравится во Франции, тут так хорошо.

– Тебе нравится здесь даже несмотря на то, что я ору на тебя каждый день? – батяка был поражен.

– Да, конечно.

– Подумать только, у нее ностальгия по Франции, ну капец, я в шоке, – приговаривал отец.

Весь оставшийся вечер я переключивала вещи в рюкзаке,

а папа смотрел телевизор. Часов в девять я услышала:

– Ну Вилар, пора спать, мне же еще рано вставать, вот дерьмо!

Встать нам нужно было в два часа ночи, чтобы выехать в Страсбург в три. Но поспать отцу не удалось, ведь как только он лег, случилось невероятное – зазвонил его мобильный. Пришлось батьке спуститься вниз, но к тому времени, как он это сделал, звонящий уже положил трубку.

Отец вошел ко мне.

– Слушай, мне звонил этот придурок из городка, где я раньше жил. Общался с ним на свою голову, а теперь он мне названивает. Короче, можешь удалить его номер из контактов?

– Так даже если я это сделаю, он все равно сможет тебе звонить, – я сразу поняла логику папы.

– Да?!

– Ну конечно.

– Вот дерьмо, – и он вышел из комнаты.

Я могла бы занести этот номер в черный список, но копаться в старом отцовском телефоне, который мои подруги называли какашкой дракона, когда я и так волнуюсь перед отъездом, мне не улыбалось, так что я просто попыталась заснуть.

В отличии от отца мне удалось поспать пару часов. Он же так и не уснул, потому что боялся, что не сможет проснуться.

В радостном возбуждении батька закинул мой чемодан в

машину, я обошла комнату, проверяя, все ли взяла, и мы тронулись. По дороге он спросил:

– А ты свой проездной оставила?

– Нет, он у меня с собой, в кошельке.

– А на хрена ты его взяла? Потеряешь там на родине, а потом его восстанавливать. Господи, ты вообще ни о чем никогда не думаешь, жесть, ты дура.

– Я хотела, чтобы со мной осталась частичка Франции.

Папа с ужасом посмотрел на меня.

– О Боже! Ну ладно, бери с собой, но не смей потерять!

И учти, если ты не поступишь в университет, ты пойдешь работать, иначе я не позволю тебе вернуться!

– Хорошо.

– И тогда со своей зарплаты ты сможешь возвращать мне тот необъятный долг, все деньги, которые я на тебя потратил в этом году, – батянка радостно потер руки.

– Может быть, я издам свою книгу и заработаю много денег, – поделилась я своей мечтой.

– В этой жизни ты продашь только две книги. Одну своей матери, а вторую я сам не знаю кому. Потому что все это – хрень полная, – поддержал идею папа.

Мы доехали до центрального вокзала в Страсбурге, где я должна была сесть на автобус до Франкфуртского аэропорта, а оттуда уже на самолет до своего города. Несмотря на ночной рейс, на остановке уже ждало десятка два человек.

Папа припарковался и приказал мне идти с вещами туда,

а сам пошел в какие-то закоулки писать.

Сделав свои дела, отец присоединился ко мне. До приезда автобуса было еще двадцать минут, так что мы просто стояли молча. Внезапно батька обнял меня. Две пожилые женщины, стоявшие рядом с нами, умилительно заулыбались при виде этой картины. Отец тем временем шептал мне на ухо:

– Ты сегодня уезжаешь, как же я рад!

Все это напомнило мне мой первый день на курсах французского. Я вошла в класс и села за парту, а папа пошел в туалет. После этого он заглянул в кабинет, нашел взглядом меня, глупо улыбнулся со звуком «гыгы» и помахал рукой. Две испанки, сидевшие впереди, обернулись ко мне, чуть ли не в ладоши хлопая от умиления, улыбаясь так, словно более заботливого отца они в жизни не видели.

Естественно после настолько трогательной сцены объятий две женщины просто не смогли не завести разговор с отцом. Они рассказывали ему, что они сестры, едут в Америку к дочери одной из них, папа же жаловался на то, что билеты на автобус и самолет обошлись ему дороже, чем в прошлые разы. Потом разговор перешел на меня. Батька, как обычно, втирал, как он взял да перевез меня во Францию, да записал на языковые курсы. Потом он добавил:

– Она знает четыре или пять языков.

– Вот это да, мы снимают перед вами шляпу, – восхитились женщины.

– Да, да! – папа гордо выпятил грудь, будто он мой глав-

ный учитель.

Собеседницы завели тему про современные технологии, и про то, что они в них не разбираются, но визу в Америку нужно оформлять по интернету. Тут уж отцу было где разгуляться. Он почти кричал на всю улицу все, что думает про смартфоны, компьютеры и вай-фай.

– Знаете, однажды я пришел покупать новую машину, порш, – начал батька.

– Вау! – женщины переглянулись.

– Да, у меня есть возможность купить себе порш, – отца прямо распирало от плохо скрываемой гордости. – Так вот, продавец спросил мою электронную почту, а я сказал, что у меня ее нет. И продавец посмотрел на меня, как на ненормального. А знаете, что я ему ответил?

– Что? – собеседницы явно заинтересовались.

– Я сказал: у меня нет почты, но зато есть деньги, чтобы купить порш! – закончил папа и первый засмеялся. – Гы-гы-га-га!

Вслед за ним рассмеялись и женщины. Тут напротив нашей четверки остановилась машина. Сидящий в ней мужчина повернулся к окну, глянул на нас, сделал самую странную в мире улыбку и показал нам средний палец. Так он делал минуты две, а потом резко уехал.

Мы переглянулись.

– Ну и идиот! – сказал батька. – Сколько же в мире странных людей.

Да уж, кому, как ни ему это знать.

Подъехал автобус. Из него вышел водитель, который уже пару раз возил меня из Франкфурта, и который славился тем, что был несколько нервным и странным.

Папа повернулся к пассажирам лицом.

– Это тот самый водитель, он немного того, ненормальный! – радостно закричал он так, что услышали все, включая, наверное, и самого водителя. Люди с трудом сдержали смех, одна девушка смотрела на папу так, словно он венец остроумия.

Батяка закинул мой чемодан в багажное отделение, я села у окна и помахала ему рукой. Автобус тронулся, и я увидела, как отец с улыбкой до ушей почти побежал к своей машине.

Так закончился этот большой период моей жизни с папой.

Страсбург слезам не верит: часть первая

Спустя три месяца, второго сентября, я вернулась к отцу. Не скажу что после довольно неплохого отдыха на родине мне было легко, хотя я все лето очень скучала по Франции, Страсбургу и всему остальному здешнему.

Папа, конечно, усиленно не хотел, чтобы я возвращалась, и вставлял мне палки в колеса как мог. Но, преодолев кучу проблем в аэропорту, созданных, собственно, отцом, который неправильно взял билеты, я таки приехала.

По приезде оказалось, что батяка забыл меня встретить, или не забыл, а специально не приехал на вокзал, кто его знает. К счастью, я нашла автобус, который проезжал мимо

нашего села, и доехала на нем.

Не успев увидеться, мы с отцом сразу же поссорились, потому что я вернулась, и потому что у меня какие-то проблемы с поступлением, и вообще, потому что я его бешу. Мы не разговаривали два дня, а на третий после обеда батька сказал:

– Я не понимаю, почему у тебя не получается поступить в университет!

– Потому что мне высвечивается, что какие-то проблемы с документами. Туда же нужно аттестат подать, а он у меня не соответствует французскому варианту, поэтому и не проходит.

– Это все ерунда, я скажу тебе, почему у тебя не получается, потому что ты сама не разбираешься в компьютерах и современных технологиях, как и все эти тупые люди! Вы только много говорите, а сами ничего не понимаете в своем интернете! – закричал отец.

– Так это тут причем?! – я собиралась было объяснить, что к чему, но потом вспомнила, что это же папа, он все равно будет уверен в своей правоте, и замолчала.

– Между прочим, я болен, – объявил отец, немного помолчав.

– И что с тобой?

– Что-то с желудком, то ли язва, то ли еще что, я сам не понял. Но это серьезно, я ездил обследоваться, глотал зонд.

– И как прошло? – вот это да, батька ведь никогда не бо-

лел, всегда был здоров как лошадь, и тут такой поворот.

– Ну, я туда пришел, и мне предложили общий наркоз, но я сказал, что мне такое на фиг не нужно, я с легкостью сам проглочу, – радостно начал папа. – И вот я лег, и как заглотил, и мне вообще нормально было, врач потом сказал, что вот бы все пациенты были такими, как я, а то к нему приходят нервные, боятся. Я вообще не понимаю, чего тут бояться, это же ерунда.

Рассказ отца без сомнения был очень интересным, но немного не вязался с тем, что мне рассказывала мама. Ведь когда она на родине водила его выдергивать зуб, то батька не ел чуть ли не за сутки до этого, чтобы не стошнило. Да и сама помню, как врач засунул ему палку в рот, чтобы посмотреть горло, и батька потом кричал, что боялся, как бы весь обед не вышел назад. В общем, мне было бы очень интересно взглянуть, как на самом деле проходило его глотание зонда без наркоза.

– И что тебе сказали после всего этого?

– Результаты будут через неделю, а потом мне еще нужно лечь в больницу на несколько дней. А ты? Вот что ты теперь будешь делать?

– Ну, я найду работу, сниму жилье, и поступлю в следующем году.

– Знаешь, во Франции очень сложно найти работу и жилье, лучше бы ты свалила на родину, но ты же такая дура, хочешь тут зачем-то остаться, – и отец пошел мыть свой гараж.

Я же вечером решила развить бурную деятельность по планированию своей жизни, и для начала попросить помощи у папиной подружки Жаклин и, возможно, ее мужа. Это та самая семейная пара, живущая в селе через лес где-то в полудне ходьбы от нас, с которой папа дружил много лет, но год назад, незадолго до моего переезда, он поссорился с Жаклин из-за какой-то ерунды, перестал с ней общаться, и только ходил по селу и рассказывал всем, какая она стерва. Батя уже давно подозревал, что Жаклин в него влюблена, более того, с недавних пор это стали подозревать и ее соседи, тоже папины друзья, ведь когда он в последний раз был у них, они тонко намекнули, что Жаклин ходит такая несчастная весь год после их ссоры.

На самом деле, мой отец, несмотря на то, что отшельник, тот еще самец. Помимо Жаклин в него была влюблена еще одна женщина из села. Она пришла к папе и сказала, мол, Поль, давай будем вместе, мы так подходим друг другу. На что батя ответил что-то вроде: «Ты кто такая? Пошла на хрен отсюда, я тебя не знаю и знать не хочу!». Но женщина не сдалась и снова пришла к нему с признанием в любви. Отец послал ее более грубо, и стал подозревать, что она хотела быть с ним только ради его денег. Более того, он задумался, а не в сговоре ли эта женщина с другими соседями, не подослали ли они ее с якобы любовью, чтобы захватить бабкины сокровища.

В общем, я подумала, что если Жаклин действительно

влюблена в отца, то должна хотеть помочь мне, поэтому написала ей сообщение. Но довольно быстро в процессе переписки я поняла, что Жаклин больше интересую не я и мои проблемы, а то, как бы найти повод повидаться с бабушкой, ведь в каждом сообщении она писала одно и то же о том, что без отца у меня ничего не выйдет, и я должна прийти к ней с папой в гости, тогда мы все решим.

Я усиленно отговаривала ее звонить бабушке, но вскоре внизу зазвучала мелодия отцовского мобильного.

– Дерьмо, как же она меня достала, да за что же мне это, черт, задрала! – закричал папа, и я поняла, что это Жаклин.

Из-за ее озабоченности отцом мы так ни к чему и не пришли, и я легла спать с ощущением, что потратила вечер на пустой разговор.

Утром папа приехал из магазина очень возбужденным.

– Я встретил Жаклин в супермаркете и пообщался с ней, – закричал он, вбежав в дом.

– Да ну? – я искренне удивилась, ведь когда раньше они пересекались в общественном месте, отец сразу же убегал и прятался, чтобы не общаться с бывшей подружкой.

– Да, да, мы поговорили, я рассказал ей обо всех твоих проблемах с поступлением, и Жаклин хочет, чтобы после обеда мы приехали к ней, она посмотрит твоё досье на том сайте и попытается что-то сделать.

– Ну хорошо, поедem, – кто его знает, может что-то и выйдет.

Часам к двум мы приехали к Жаклин. Поздоровавшись с ней и ее мужем Тома, папа сразу же спросил:

– Короче, я тебе тут нужен?

– Нет, в принципе... – начала Жаклин.

– Ну раз не нужен, значит, я пошел, к знакомым тут зайду, а вы разбирайтесь со своей фигней, – и батька радостно смылся.

Жаклин явно очень расстроилась, что не успела побыть рядом с отцом, поэтому яростно принялась за меня. Два часа мы сидели перед компьютером с моим досье, я ужасно устала, потому что она сама ничего не понимала ни в сайте, ни в компьютере, при этом хотела, чтобы я что-то делала. Потом мы куда-то звонили и что-то узнавали, в процессе этого пытаясь что-то сделать с этим долбаным досье, но ничего все равно не получалось.

Тут пришел отец.

– Вы что, еще не закончили? Уже три часа прошло! – закричал он.

– Поль, тут все очень сложно. Я считаю, что Полин стоит проучится два года во французской школе, закончить ее с нашим аттестатом, и после этого ее точно возьмут в университет.

Папа чуть не умер на месте от такой новости.

– Да ты чё, офигела?! Она будет в школу ходить, а я должен ей деньги еще два года давать?! Нет, мне такое не нравится!

– Поль, но это единственный выход, – ласково сказала Жаклин, любуясь отцом.

– Это хрень! Ладно, я пойду еще к другим знакомым зайду, а вы тут делаете, – и папа ушел.

Жаклин повернулась ко мне. Я поняла, что сейчас этот ад начнется снова и сделала то, до чего раньше почему-то не додумалась: написала в графе, где нужен мой аттестат, что-то от фонаря. И о чудо, это прошло в досье. Жаклин записала меня на какой-то факультет германистики, где еще были свободные места, потом мы долго и нудно писали мотивационное письмо. Наконец все было готово, и мы отправили досье.

– Теперь нужно только ждать, но я уверена, все получится, – сказала Жаклин с таким лицом, будто я ее дочь.

У меня такой уверенности не было, ну да ладно. Потом Жаклин раздавала мне много каких-то указаний о том, как правильно жить эту жизнь. Пришел отец:

– Только не рассказывай мне, что вы делали, мне все равно насрать, – сразу же объявил он.

– Хорошо, конечно, – нежно глядя на него, ответила Жаклин. – Мы сделали все, что нужно, теперь Полин должен прийти ответ, зачислена она или нет. Но уже сейчас нужно подумать о жилье, стипендии, учебниках...

– Когда поступит, тогда и подумаем, – папа схватил меня под руку и попятился к двери от придвигающейся к нему Жаклин. – А теперь мы пошли, как видишь, я сегодня много

делал для дочери, мне нужно отдохнуть. Салют!

– До свидания! – прокричала я уже с лестницы.

Дома, пока я пила чай, отец ходил туда-сюда по кухне и приговаривал:

– Господи, как же я устал, за что мне все это, в 74 года я вынужден такой фигней заниматься, дочери помогать, теперь еще и с этой Жаклин придется общаться, а она меня так бесит, все эти тупые люди, с которыми нужно разговаривать, как же хочется на остров посреди океана, чтобы никого не видеть и не слышать.

Он открыл холодильник, потом закрыл:

– Мне совсем не хочется есть из-за стресса, который я испытываю от тебя, – укоризненно промолвил батька.

Тем не менее, едва я скрылась за дверью своей комнаты, как загрохотали тарелки, запахло тостами, зашуршала ложка о баночку с йогуртом, а отец только и бегал в кухню за новой едой.

В ожидании результатов поступления я решила съездить в Страсбург повидать свою подругу Аню. Папа устроил скандал ни о чем, но таки пополнил мне проездной.

– Видишь, как много я для тебя делаю, – важно сказал он, протягивая мне карточку и десять евро.

– Спасибо.

Батька гордо хмыкнул.

Я хорошо повеселилась с Аней в таком уже родном мне Страсбурге, и села на обратный поезд в шесть вечера. И тут

что-то пошло не так. Сначала мы никак не могли выехать из-за каких-то технических проблем, и все двадцать минут слушали ржание компании парней, которых почему-то очень веселило то, что они опаздывают в аэропорт. Наконец поезд поехал, но тащился как черепаха, а за две станции до моей остановился и голос в динамиках объявил, что из-за поломки движение возобновится через пятнадцать минут. Все, кто мог дойти пешком, вылезли и ушли. Тут мне позвонил отец.

– Когда ты там приедешь? – недовольно спросил он.

– Я в поезде, но он прибудет с опозданием.

– Чего ты там сказала? – закричал папа.

– Поезд опаздывает, – ответила я чуть громче.

– Что?! – заорал батька.

– Поезд приедет с опозданием! – рявкнула я так, что на меня глянули люди с передних сидений.

– Вот же дерьмо, ненавижу все! – и отец бросил трубку.

Когда мы все так же медленно подъезжали к поселку, мне пришло сообщение, что я принята в университет. Я немедленно написала отцу и Жаклин, последняя очень возбудилась и потребовала, чтобы я срочно ехала к ней делать окончательную регистрацию на том сайте, хотя было уже почти семь вечера. К счастью, она тут же написала, что будет лучше, если мы все сделаем завтра.

На следующий день мы пришли к Жаклин. Папа с порога объявил:

– Значит так, я ничего делать не буду, я иду посмотреть те-

левизор, вот вам кредитная карта, оплачивайте там учебу сами, я устал целыми днями что-то делать для своей неблагодарной дочери!

Жаклин усадила его на самый мягкий диван в гостиной, включила его любимую передачу, и мы пошли делать регистрацию. Все это было опять очень долго и нудно, и в итоге мы так ничего и не сделали, помимо того, что внесли взнос в университет. Жаклин сказала, что в понедельник мы поедем в университет и подадим все бумаги лично.

Мы вернулись к отцу.

– Не рассказывайте мне, что вы делали, мне насрать, просто скажите: вы за что-то заплатили? – первым делом спросил он.

– Да, мы внесли взнос, но ничего не сделали, – нежно глядя на папу, ответила Жаклин.

– Да вы же там два часа сидели! Хотя мне пофиг! Давай уже готовь мне кофе!

– Сейчас, конечно, – забегала женщина.

Пока Жаклин возилась с кофе, батька кричал не вставая с дивана:

– Господи, как же я устал, как мне тяжело, как подумаю, сколько я делаю, я целыми днями бегаю вокруг Полин, как же я устал!

Жаклин накрыла на стол и все принялись за напитки с пирогом. Папина подруга рассказывала обо всем, что нужно делать дальше:

– В понедельник мы поедem в университет, отдадим документы прямо в руки. Для этого нужно выехать на поезде в семь утра.

– А зачем так рано? – спросила я.

– Как зачем? Университет открывается в пол восьмого, нельзя терять ни минуты.

– Вот именно, встанешь в пять утра, ты что думаешь, нужно трудиться! – рявкнул отец. Кажется, он забыл, что ему тоже придется встать ни свет ни заря, чтобы повезти нас на вокзал.

– Я очень волнуюсь, чтобы у меня там не было проблем... – начала я.

– Ой, какие могут быть проблемы, когда ты за что-то заплатила. Когда люди видят деньги, им на все становится все равно, возьмут тебя теперь, даже если ты ни один документ им не подашь, – отмахнулся батька.

Дома он бегал по комнате и приговаривал выпятив грудь:

– Господи, как много я делаю для своей дочери, я ору на нее, да, но сколько я при этом для нее делаю. А Жаклин, какая же она великолепная, – а ведь буквально недавно он рассказывал мне и всем своим знакомым, какая она сучка. Классно так переобулся, когда она все за него оформила.

Вечером я поняла, что глухота батьки уже перешла все границы.

– Поджарь мне два кусочка хлеба и намажь сыром, – попросил отец, увидев, что я делаю себе бутерброды.

– С маслом или без?

– Да, да, два кусочка хлеба, – уверенно ответил он.

– Я про масло спрашиваю.

– Не понял?

– Масло мазать? – крикнула я.

– А, масло, ты сошла с ума, не нужно мне никакое масло, – закричал в ответ папа.

В воскресенье, перед моим днем X на счет университета, отец предложил съездить после обеда в Сент-Одиль, монастырь недалеко от нас. Я согласилась. Выехать хоть куда-то из села – это уже праздник.

Приехав, мы поставили свечку в церкви, посмотрели на красоты с высоты вершины горы, на которой расположен монастырь и пошли по крутой горной дороге набрать целебной воды из ручья. Папа, конечно, не мог идти молча.

– Я надеюсь, ты поступишь, потому что для тебя это лучший вариант. И не смей жаловаться, что нужно так рано вставать, потому что ты и так на родине всякой чепухой все лето занималась, только деньги там тратила.

– Так ты же мне и денег туда особо много не дал.

– Конечно не дал, с чего я должен тебя кормить.

– Я твоя дочь.

– Нет, нет, – замахал руками батька, – моя дочь ты только здесь, во Франции. А на родине ты дочь твоей матери, вот пусть она тобой и занимается, мне пофиг.

Да уж, как же все просто у него.

– Если тут я твоя дочь, почему бы тебе завтра не поехать с нами в университет?

– Мне?! – в ужасе закричал отец. – Да ты что, совсем что ли? На хрен оно мне нужно? Я не идиот, на такое время тратить, сами там с Жаклин разбирайтесь. И вообще, Жаклин сильно нервная, она меня бесит. Возись с ней сама.

– Между прочим, когда Жаклин пишет мне сообщения, она всегда добавляет, мол приходи обязательно со своим папой.

Тут батька странно улыбнулся и опустил глаза, похоже любовь Жаклин все-таки льстит ему.

К счастью, мы дошли до ручья, и отец занял свой рот тем, что сразу же выпил пол бутылки воды, которую я набрала.

Вечер прошел спокойно, а вот со следующими сутками началось веселье.

Встали мы не очень радостном настроении, отец к тому же испугался хлопнувшей двери. Зато Жаклин была бодр как никогда в пол седьмого утра. Пока мы ехали до вокзала она говорила без остановки. Папа же явно не слушал ее.

– И вот ты представляешь, он взял и продал свой дом. Что ты думаешь об этом, Поль?

Отец молчал, одной рукой ведя машину, второй почесывая голову.

– Поль? – снова сказала Жаклин.

– Чё? – дернулся папа. – Мне, это, пофиг, короче.

Он вздохнул с облегчением, когда мы наконец вылезли из

машины, и даже не пожелав нам удачи, умчался с парковки. И тут ужас начался для меня.

Я не буду расписывать этот день в подробностях, потому что, прочитав такое, можно сойти с ума. Скажу только, что Жаклин страшно утомила. Она говорила без остановки, запихивала мне в голову кучу разной информации, что-то хотела от меня, хватала за руку, трепала за щечку, раздавала указания. К тому же чертов поезд шел дольше обычно, и я пять раз выслушала историю о том, как они с папой ссорились, а потом помирились. Во время поездки обратно я делала вид, что сплю, но она все равно дергала меня и рассказывала, как жить эту жизнь дальше.

Что касается университета, то, помимо беготни туда-сюда, мы так ничего и не сделали. Только исправили одну бумагу, а для собственно регистрации в вуз я должна была прийти послезавтра, в среду. То есть по сути, день мы потратили ни на что, хотя Жаклин уверяла, что это лучше, чем просто сидеть на месте, и я пыталась убедить себя, что она права.

Папа, однако, не стал скрывать правду-матку, и так и сказал, что день прослан, когда мы уже сидели у него в машине часа в четыре вечера.

Жаклин, которая до этого рассказывала мне, что с отцом нужно общаться деликатно и стараться не задевать тему денег, не могла угомониться:

– Поль, нужно будет купить ей учебники, и снять жилье. Я видела дешевые общежития, и съемные квартиры за 400

евро в месяц, а еще hostel за 30 евро на ночь, и...

От такого потока батька вскипел буквально за три минуты, что неудивительно, ведь речь шла о деньгах.

– Так, слушайте сюда обе! Я ничего пока делать не буду, пусть сначала поступит, а потом решим! Вы офигели вообще что ли! Я и так пашу как вол ради дочери, и что, да она же неблагодарная, как и все остальные мои дети и люди в целом! Так что заткнитесь, я не отдам свои деньги! – разошелся отец. – Завтра я еду к врачу на весь день, и мне пофиг на вас, делайте что хотите!

– Конечно, Поль, езжай обязательно, – смиренно ответила Жаклин. – Я же не говорю давать деньги, просто...

– Слушай, хватит уже, а! – рявкнул папа, почти точно выразив мои мысли на счет всего этого.

В молчании мы доехали до дома Жаклин, где нас встретил ее муж. Он сразу начал как-то странно пытаться проявить нежность к жене, словно показывая отцу, что Жаклин его. Я же уверяла папину подругу, что смогу поехать в среду сама, и справлюсь со всем, и она таки согласилась не сопровождать меня.

– Так, ну спасибо за все, обедом Полин тебя угостила, я тебе больше ничего не должен, надеюсь? – батька уже занес ногу в машину, ему не терпелось поскорее свалить от этой семьи.

– Ты должен мне за билет на поезд, это семь евро, – серьезно сказала Жаклин.

– Семь евро? Сейчас, да не вопрос, – как-то слишком уж наигранно весело произнес отец и вынул свой кошелек с мелочью.

Все пять минут поездки до нашего села мы с папой бурно обсуждали то, как Жаклин хочет сделать все сразу, когда мы привыкли все делать по шагам. Потом батька бурчал:

– Подумать только, семь евро за билет потребовала вернуть, вот же овца.

На следующий день отец укатил в больницу ходить по врачам, и я собиралась отдыхать в блаженном одиночестве. Мой неторопливый разговор с мамой по скайпу прервал звонок от Жаклин. Я взяла трубку и сразу сказала:

– Жаклин, я говорю с мамой, перезвоню вам потом.

– А как долго ты еще будешь общаться с мамой? – требовательно спросила она.

У меня, конечно, на языке вертелся ответ более резкий, но все же она помогает мне поступить в универ, так что я сказала:

– Не знаю, я давно с ней не беседовала. Перезвоню вам позже.

– Ну ладно, – разочарованно протянула Жаклин и отключилась.

Серьезно, она что, считает, что теперь она моя мама?

Я так и не перезвонила папиной подруге, потому что увлеклась сначала перепиской с подружкой, а потом приготовлением обеда. Едва я доела, как мне позвонил отец.

– Привет, как дела? – начала я.

– Слушай, угомони уже эту Жаклин, она мне тут звонит бесконечно, уже врач спрашивает, кто же так хочет со мной поговорить. Скажи ей, чтобы не трогала меня, я тут занят вообще-то, – батька был в ярости, и в этой ситуации я его прекрасно понимала.

– Хорошо.

– Задрали меня все, – он бросил трубку.

Я отписалась Жаклин, что приду к ней через час, и она тут же спросила, будет ли со мной папа. Представляю ее огорчение, когда я написала, что он в больнице.

В назначенное время Жаклин уже ждала меня на дороге к ее дому. Даже не пригласив меня в дом, она прямо на грунтовке схватила меня за руку и стала давать много советов, как правильно вести себя с папой, половину из которых она сама не соблюдает, но при этом меня поучает.

– Ты должна помнить, Полин, с твоим отцом нужно быть очень деликатной, – говорила она, вцепившись ногтями мне в запястье. – Он нужен тебе, и ты нужна ему, поэтому проявляй к нему как можно больше ласки и внимания, и не говори с ним о деньгах, прошу тебя.

Сначала я пыталась объяснить ей и то, что батька не проявляет ко мне никакой нежности, и то, что он ничего никогда для меня не делал, так пусть хоть деньгами поможет, и многое другое. Но Жаклин меня вообще не слышала, продолжая гнуть свою линию. Я начала раздражаться, что жен-

щина, ни дня не прожившая с моим отцом, учит меня. Все мои попытки сделать вид, что я полностью согласна с ней и ступить хоть шаг к дому, чтобы забрать бумагу и свалить уже отсюда тоже успехом не увенчались – Жаклин не отпускала мою руку и рассуждала о папе еще минут пятнадцать.

Наконец мы поднялись в ее спальню, и я взяла нужные бумаги, которые Жаклин распечатала для меня. Кроме этого она еще хотела сесть со мной оформлять стипендию, но я заверила папину подругу, что все сделаю сама у себя дома.

– И напиши мне потом сообщение, что ты все сделала, – почти приказала она.

Провожая меня до входной двери, Жаклин продолжала рассказывать, как правильно общаться с людьми, как много в мире опасностей, меня могут в любой момент обмануть, поэтому не стоит доверять людям. Я молилась, чтобы она не захотела проводить меня до дома, но тут во двор въехал отец.

– Поль! – бросилась Жаклин к вылезавшему из машины батьки. – Ты прямо из больницы? Какие новости?

– Ты можешь объяснить, какого черта ты мне столько раз звонила? – рявкнул папа, даже не поздоровавшись. – На меня все врачи как на идиота смотрели, я не мог нормально с ними разговаривать из-за этих звонков.

Жаклин не смогла дать внятного ответа на этот вопрос, и тут же бросилась готовить кофе.

За столом к нам присоединился и муж Жаклин, который все это время вскапывал что-то в саду. Папа стал рассказы-

вать про больницу и как он в ней задолбался.

– В общем, у меня там очень много проблем с желудком, они серьезные, – радостно подвел он итог. – Поэтому на следующей неделе я лягу на еще какие-то обследования, после которых мне, наконец, назначат лечение.

Жаклин тут же начала причитать, как все это страшно, учить отца правильно лечить желудок и жаловаться на свои проблемы с пищеварением. Тома, ее муж, попытался остановить этот очередной поток сознания, но в итоге махнул рукой, и занялся поеданием пирога.

– Когда ты будешь в больнице, Полин обязательно навестит тебя, и даже, может быть, останется ночевать с тобой, – закончила она.

– Я-то ночевать не буду, а вы, если хотите, можете, – тонко намекнула я.

– Нет, нет, – почти испуганно ответила Жаклин, – мне это не нужно, что ты.

– Да вы обе обдолбались что ли? Чё вы несете? Никто не будет у меня ночевать, на хрен вы мне все сдались, – обрубил спор отец.

– Ну Полин ведь твоя дочь, – зачем-то сказала Жаклин.

– Ой, она мне такая дочь, – батька отмахнулся от меня как от надоедливой мухи. – Такая же неблагодарная, как и остальные мои дети, совсем не проявляет ко мне любви!

– Да, да, – поддерживала его Жаклин.

– Я оскорблен ее равнодушием ко мне, – папа расходился

все сильнее и сильнее. – Вечно так, делаешь для детей все, а они на тебя плюют!

– Да, да, ты прав, – продолжала поддакивать Жаклин.

– Я для нее разбиваюсь, а мне взамен никакой нежности!

Жаклин уже открыла рот, чтобы согласится и с этим бредом, но тут встрял Тома:

– Но ты же понимаешь, Поль, ты не воспитывал свою дочь, не растил ее, ты даже не жил с ней, так ты и не можешь требовать от нее какой-то душевной связи.

Жаклин посмотрела на мужа, как на предателя, а батька объявил:

– Это все бред, растить и воспитывать не обязательно.

Жаклин быстро закивала головой в знак согласия.

Наконец мы начали прощаться. Жаклин не переставала говорить и раздавать указания. Даже когда мы уже сидели в машине, она постучала в окно, и через него что-то рассказывала.

– Ну все, пока уже, – папа тронулся с места, а Жаклин шла рядом и говорила, пока он не увеличил скорость и не выехал со двора.

Как и следовало ожидать, все пять минут поездки до нашего села отец кричал, как Жаклин его утомила, и как его выбесили ее звонки, когда он так занят, впервые в жизни по врачам пошел.

– Черт, теперь еще пропущу свою передачу!

Торопясь домой, чтобы включить свое шоу про выяс-

няющую на шикарнейшей вилле отношения молодежь, батька чуть не врезался во встречную машину на повороте, но таки успел.

А у меня на следующий день все прошло хорошо, в университете я подала все документы, узнала какие еще бумаги нужно будет оформить, меня зарегистрировали и отправили в секретариат составлять расписание. Целый день я провела там, зато в конце мне сказали, что завтра я уже могу выходить учиться.

Дома отец первым делом спросил, оплатила ли я 170 евро конкретно за учебу. Потом он возмутился, что я иду мыться.

Принимая душ, я пропустила звонки от Жаклин, поэтому она немедленно написала два сообщения отцу, и начала звонить ему. Даже сквозь шум воды я слышала его крик:

– Дерьмо, да когда же она оставит меня в покое, вот что ей опять нужно, у меня же тут передача, сейчас опять половину пропущу!

Помывшись, я написала папиной подруге, что у меня все хорошо, и легла спать, предвкушая завтрашний день.

Страсбург слезам не верит: часть вторая

Вот собственно и началась моя студенческая жизнь, первая неделя учебы в университете. Я пыталась вникнуть в здешнюю систему обучения как могла, а сверху еще добавлялась куча бумажной волокиты, которую во Франции очень любят, и, конечно же, отец.

Оказалось, что для оформления студенческого билета

нужно перевести мой аттестат об окончании школы на французский. То есть для поступления в универ он был не нужен, но для студенческого не заменим. Папа закатил скандал на весь дом, какого черта я не перевела документы на родине, ведь тут это сделать невероятно сложно. Пока он паниковал, мы с Жаклин нашли в интернете переводчицу, и я написала ей. Ответ пришел незамедлительно, женщина согласилась мне все перевести, но ей нужно было выслать именно отсканированный вариант. А сканер поблизости был только у Жаклин.

Я написала папиной подруге сообщение, где предупредила, что завтра папа заедет к ней и воспользуется ее сканером. Жаклин ничего не поняла, и буквально через минуту после того, как я получила от нее ответ большими буквами с кучей восклицательных знаков, зазвонил батякин мобильник.

– Вот же дерьмо! – взревел он, и я сразу поняла, что звонит его подруга.

Она минут двадцать говорила с ним ни о чем, ведь отец и сам до конца не понял, что значит отсканировать документ. Когда Жаклин наконец положила трубку, папа влетел ко мне в комнату.

– Как же ты меня достала, Господи, лучше бы ты осталась на родине, сколько же у меня проблем из-за тебя, теперь завтра у меня будет стресс из-за общения с Жаклин! – прокричал он и убежал назад к телевизору.

На следующий день, когда я была на лекции, мне на и-

мейл пришло письмо от Жаклин с приложенным сканом аттестата. Я обрадовалась, что она таки поняла, что мне нужно.

Встретив меня на вокзале после занятий, батька сразу начал бурно рассказывать:

– Ты не представляешь, как я устал! Я приехал к Жаклин, она не поняла, что нужно делать, мы сели пить кофе, и тут она поняла, побежала и сделала!

– Ну так это же хорошо, она все правильно сделала, – сказала я.

– Нет, это ужасно! – кричал отец на всю машину. – Ты не представляешь, как это было нервно, какой у меня был стресс от общения с ней! Боже, как ты меня утомила, будь проклят тот день, когда я позволил тебе переехать, если бы я знал, что мне предстоит пережить!

Вечером Жаклин начала названивать мне, а когда я не взяла трубку, писать сообщения ни о чем. После этого она позвонила папе, он с матами, но ответил. Полчаса они говорили, а потом он ожидаемо влетел в мою комнату.

– Как же она меня достала! Доказывала мне, что в университете занятия не могут длиться до шести вечера!

– Что за ерунда, там у некоторых лекции до восьми, – возмутилась я.

– Вот именно! Вообще-то не она ходит на учебу, чтобы тут рассказывать сказки!

– А мне она написала, что жалеет, что ты едешь в больницу после обеда, ведь иначе мы бы все объединились и поеха-

ли бы вместе. Мне кажется, она переносит свои фантазии, что мы одна семья, в реальность.

– Она просто ненормальная! – отрезал отец и еще пять часов распинался, как же его достали все женщины в мире. – Еще она хотела, чтобы ты ночевала у нее, пока я в больнице, – закончил он.

– Что?! – я была в ужасе.

– Но я сказал ей, что это ерунда, ты можешь прожить три дня сама.

– Конечно, могу. Надеюсь, она не придет в таком случае ко мне.

– Да просто не пустишь ее, и все, – посоветовал отец.

Поскольку завязалась такая фигня с больницей и прочим, я намекнула папе, что можно уже найти мне отдельное жилье в городе.

– Это еще зачем? – закричал он. – Ты можешь прекрасно ездить на поезде. А на те три дня, что меня не будет, тебя будет отвозить с горы и забирать сосед. Он все равно своего сына везет на вокзал.

– Но это же неприлично, человеку под меня подстраиваться, – не сдавалась я.

– Ой, это вообще не страшно, – махнул рукой батька.

В последний день перед папиной госпитализацией, когда все уже было договорено со всеми, он проинструктировал меня, и тут внезапно оказалось, что это я должна подстраиваться под соседа. В один день ему нужно ехать рано, и я еду

с ним, хотя у меня до лекции еще три часа будет. А на следующий день я должна выехать с ним на поезд на двадцать минут позже, хотя тогда как раз таки опоздаю на занятие. Я сказала об этом батьке.

– Ну опоздаешь, и что страшного? – равнодушно пожал он плечами.

– Ничего, но я же поступила, чтобы учиться, а не чтобы пропускать.

– Слушай, ты вообще офигела! – раскричался он. – Мнишь себя королевой, что ли? Я не хочу нагружать соседа, он ведь такой хороший человек. Будь благодарна, что тебя вообще будут возить!

Ну зашибись, будто бы я виновата, что не живу в городе, как все нормальные люди!

Правда, тем же вечером батька таки поговорил с соседом, и оказалось, что он таки может отвезти меня так, чтобы я не опоздала. Но в пятницу мне все равно придется вставать рано. Ну и ладно, хоть отдохну без отца три дня.

Отдых от батьки начался с незамедлительных проблем. В первый же вечер, когда меня должен был забрать с вокзала сосед, я не смогла ему дозвониться и сообщить, что я приехала. Сначала я решила, что что-то не так с номером телефона, но после всех возможных попыток ничего не получилось. Я позвонила отцу и рассказала ему о проблеме.

– Дочь моя, ну ты же понимаешь, что мне пофиг, и я тебе ничем не помогу? – было его ответом.

Папа тоже не смог дозвониться соседу, и в итоге положил трубку, сказав, чтобы я сама разбиралась. Я уже приготовилась ехать автостопом, и вспомнила все необходимые приемы по самообороне на случай, если водитель окажется ма- ньяком, но тут заметила как рядом с вокзалом остановил- ся автобус, который согласно табличке, ехал до нашего се- ла. Радостно влетев в него, я узнала у водителя, что он едет в другой поселок, а табличка неправильная. Мне пришлось выйти.

Начал накрапывать дождь. Через пять минут он уже по- лил как из ведра. Я пошла вдоль дороги, собираясь поймать попутку, но тут меня заметил возвращающийся водитель то- го самого автобуса, и подвез до села, хотя ему нужно было совсем в другую сторону.

Я поговорила с соседом, который очень удивился, что его телефон не работает, мы решили отныне слать SMS, которые вроде бы на его мобильник доходили.

Пужинав, я позвонила отцу и рассказала обо всех этих приключениях. По ходу дела решила выяснить у него, как включить обогреватель, ведь с похолоданием в доме не было и двадцати градусов. Батяка давал мне инструкции, на что нажимать, но печка не включалась.

– Не выходит, – в третий раз сказала я папе.

– Боже, какая же ты дура, что же вы все такие криворукие и тупые! – закричал отец.

Тут на заднем плане я услышала голос медсестры, которая

что-то спрашивала.

– Чё? – спросил у нее отец. – Да, принесите мне один. – И, явно не дожидаясь, пока медсестра уйдет, продолжил орать: – Что же ты за идиотка, даже печку включить не можешь!

Обогреватель я таки включила, и, к счастью, это были последние приключения на время отсутствия батьки. Мне прекрасно жилось одной, но все хорошее когда-нибудь заканчивается.

В субботу отец вернулся из больницы. Ему поставили много разных диагнозов, прописали диету, лечение, в которое входили капельницы по вечерам на дому и уколы. Еще ему нужно было оформить много бумаг, чтобы продлить медицинскую страховку, которую он когда-то профукал, и получать лечение бесплатно. К тому же по дороге домой батька заехал к Жаклин, которая трепалась без остановки, раздавала ему указания на счет лечения болезней, оформления моей карты студента, стипендии и много другого, поэтому первые пять минут отец бегал и кричал, как она его достала.

Сказать по правде, после больницы папа стал как-то серьезнее относиться к моей жизни. Сначала он заказал мне кредитную карту в банке, где был мой счет. Карту мне приготовили, но для ее получения нужно было расписаться в документах на специальном-интернет сайте. Услышав об этом, отец ничего не понял, но кричал на весь дом:

– Дерьмо, как же они достали со своим интернетом, все

по интернету, я когда слышу про интернет, я сразу шлю всех на фиг и гордо говорю, что да, у меня нет вай-фая, и пошли в задницу с вашей электроникой!

Пока он распинался, я уже все сделала, и получила кредитку относительно быстро, по сравнению с картой медицинского страхования, которую я ждала чуть ли не пол года. Наконец пришла и она. Я спросила у батьки, как ею пользоваться.

– Короче, идешь к врачу, он ее в каком-то автомате регистрирует, потом в аптеке регистрируешь, потом тебе вроде 70 процентов от оплаченного вернут, или нет, или не 70 процентов, – запутался отец. – Короче, я не знаю, как-нибудь сама поймешь там.

В общем, постепенно я сделала много важных вещей, но одна проблема так и оставалась нерешенной – жилье.

Пока я думала, какие еще аргументы привести отцу, чтобы он снял мне хоть самую дешевую халупу в городе, решение пришло само собой. Оказалось, что капельницы, которые ему прописали в больнице, – это специальное лечебное питание, которое будет поступать ему через трубку в животе. Питание это рассчитано на двенадцать часов, то есть с вечера и до утра, с помощью специальной помпы. Папа привезли все эти приспособления, и к нему начала приходить медсестра, чтобы установить питание вечером, и снять его утром.

В комплекте со всем этим шел специальный рюкзачок, в которое можно было запихнуть питание и помпу и пойти гу-

лять. Врач заверил батьку, что это очень удобно, но на практике, когда отец начал забирать меня с вокзала и отвозить туда с такой сумкой, оказалось, что это не так уж и просто.

В один вечер буквально через два дня после начала лечения отец встретил меня очень мрачным.

– Как же меня достало это лечение. Ничего, в один день я положу болт на него, и мне пофиг, что это может ухудшиться, и я помру, лучше так, чем маяться фигней с капельницами и уколами. Еще и тебя забирать с этим рюкзаком дерьмовым. Во сколько у тебя там завтра поезд?

– Занятия начинаются в восемь, мне нужно в поезд на пол седьмого.

– Что?! – папа чуть не слетел с дороги. – Да ты офигела?! Как же ты меня задрала, я больше не могу! Все мои болезни из-за тебя! Как я устал, лучше бы ты осталась на родине, там такие же университеты, будь я проклят, что позволил тебе переехать. Если бы я знал, что будет такой цирк, я бы вообще не заводил никаких детей! И твоя мать, родила тебя, а мне теперь мучиться. Сидит там на родине, а я страдаю с тобой.

Ну зашибись, уже и мама виновата. Когда мы подъезжали к дому, батька объявил:

– Вот какого черта ты не ищешь себе квартиру? Ты должна сама искать и звонить, я за тебя ничего делать не буду!

– Вообще-то я уже давно тебе говорила, что видела дешевые съемные квартиры, – я была в бешенстве от таких претензий.

– Ну так и звони в них, и спрашивай! Я тебе уже месяц говорю искать жилье, но ты же ничего не делаешь!

Невероятно, как он все повернул! Оказывается, это не я сто лет талдычу, что мне нужно жить отдельно, а он.

Весь вечер я смотрела квартиры в интернете. Папа со мной не разговаривал, а когда пришла медсестра делать уколы, почти матом рассказывал ей, как я его достала, как он устал меня возить, и как рано ему нужно завтра встать.

Через день у меня был выходной на учебе. Не успела я проснуться, как батька стал гнать на меня, какого черта я не звоню на счет жилья, ведь время то уходит. Очень мило, то кричал, что никогда ничего не снимет, а теперь время у него уходит. Я обзвонила несколько агентств, и в итоге договорилась посмотреть одну квартиру в Мользайме, которая укладывалась в рамки цены, установленной батькой.

После обеда мы впервые за последнее время пошли вместе гулять в лесу. Я и не сомневалась, что он будет нести хрень без удержу.

– Я уверен, квартиру ты не найдешь. Найти жилье во Франции невероятно сложно, а снять еще сложнее. И риелторы все какие-то подозрительные. Нет, ничего у тебя не получится. Господи, как же я устал от тебя, хоть бы ты уехала назад на родину, может, тебя выгонят из университета и ты уедешь.

Потом он перешел на тему своих болезней.

– Эти медсестры все тоже такие странные. Одна мне рас-

сказывала, что хочет сменить профессию, ведь у нее болит спина поворачивать больных, и вообще, ей тяжело. Подумать только, что тут вообще тяжелого?! Это очень легкая профессия, а они жалуются, лентяйки.

Я хотела было что-то сказать, но ту раздался звонок папиного мобильного. Он подскочил и закричал на весь лес:

– Аааааа!

К тому времени, как батька нашел в одном из своих многочисленных карманов куртки телефон, звонящий отключился. Это была Жаклин, и буквально через минуту она прислала голосовое сообщение. Отец прослушал его.

– Как же она меня бесит! Прислала мне сообщение на пять минут о том, как правильно оформлять медицинскую страховку! Да я и сам знаю, как ее делать, я что, идиот какой-то! Нет, подумать только, я сказал ей про эту проблему еще три дня назад, и она все это время ее обдумывала, чтобы прислать мне сообщения ни о чем! Боже, ненормальная баба!

– Она влюблена в тебя, – напомнила я папе.

– Да мне пох, у нее муж есть, пусть с ним возится, задрала меня. Между прочим, она хочет пойти с тобой по магазинам, купить подарок на твой прошедший день рождения.

– Я не хочу с ней идти, она меня утомляет, даже ради подарка, – я в красках пересказала нашу с ней поездку в универ.

– Знаешь, Жаклин конечно ненормальная, но и ты тоже не идеальна, – философски сказал отец. – У нее нет детей, ей не

с кем ходить по магазинам, так что ты должна проникнуться к ней сочувствием.

Обожаю, когда человек, который никому никогда не сочувствует, учит этому меня.

– Почему бы тебе в таком случае не пойти с нами? – предложила я.

– Нет, ни в коем случае, я этого не выдержу! – закричал папа.

– Понятно.

Вечером у папы перестал работать его аппарат с питанием. Он в панике жал на все кнопки и орал:

– Дерьмо, ненавижу все это, я так и знал, что если вещь электронная то, потом начнется вот такой кошмар, все на хрен сломается, эта медсестра тупая, небось все неправильно сделала, сломала мне аппарат, стерва!

Так и не сумев починить помпу самостоятельно, отец позвонил медсестре:

– Дура тупая, ничего правильно не смогла сделать, – нашептывал он, пока женщина не взяла трубку. – Добрый вечер, дорогая, простите ради бога за беспокойство, но у меня тут проблема...

Минут десять отец елейный голосом разговаривал с медсестрой, и оказалось, что, как я и думала, проблема решается за одну минуту: просто крышка помпы отсоединилась, и из-за этого аппарат перестал работать. Батяка установил ее на место и все починилось.

– Спасибо вам большое, извините, что так побеспокоил, спасибо, – расшаркивался отец. – Все равно они все дуры, – сказал он, положив трубку.

О том, что эту крышку он сам и отсоединил, папа, конечно же, не упомянул.

На следующий день отец встретил меня очень мрачным и сразу же стал кричать, что я делаю недостаточно для поиска жилья.

– Но я же завтра еду смотреть квартиру в Мользайме.

– И что, нужно смотреть еще что-то, звонить, ходить в агентства! Хватит тупить, как же ты меня задрала, я так устал, я болею от того, что приходится тебя возить на машине, больше всего я жалею, что позволил тебе ко мне переехать! Я, между прочим, могу купить тебе квартиру в селе внизу, где есть вокзал!

– И мне каждый день 45 минут на поезде ездить?

– Конечно, ты же у нас принцесса, не можешь долго ехать! – закричал батька. – Да что такое 45 минут в жизни! Это ничто! Ничего, ты доиграешься, я тебя выкину на улицу с твоими вещами и делай, что хочешь, я тебе еще покажу, кто тут хозяин!

У меня накипело и я хотела высказать все, начиная от того, как он сам отказывался снимать мне жилье, и заканчивая остальным, но мы подъехали к дому, одновременно с медсестрой. Папа начал бубнить:

– Опять эта овца приехала, сейчас ничего не сможет мне

нормально сделать, дура, и паркуется она как лох!

Выйдя из машины, батька бросился к медсестре и улыбаясь, закричал:

– Здравствуйте, дорогая, как ваши дела? Простите, что заставил ждать, проходите, не стесняйтесь, я ведь всегда вам рад!

Мы вошли в дом, и пока медсестра делала все процедуры, папа жаловался ей, как устал меня возить, и как я его задрала, и как бы от меня избавиться. Он каждый вечер рассказывает им это, и мне кажется, уже все медсестры знают про наши драмы.

Чуть позже позвонила Жаклин, и папа втирал ей, что нужно отселить меня до снега, ведь по заваленной сугробами дороге мы не проедем. Если учесть, что в этом селе снег выпадает в ноябре, то у нас всего месяц.

Я поймала себя на мысли, что мне в каком-то смысле доставляет удовольствие эта ситуация. В том смысле, что раньше батька мучил меня тем, что не позволял мне съехать, хотя понимал, что мне неудобно жить в селе, а теперь я знаю, что ему неудобно, и специально медленно ищущу жилье, чтобы немного отомстить.

Тем не менее, в пятницу я поехала смотреть квартиру в Мользайме. Она мне понравилась, но смущало большое количество претендентов, из которых хозяйка должна была выбрать счастливицу, который снимет эту хату. Прямо как в реалити-шоу, где участники выбывают каждую неделю, и в

конце остается только один победитель.

Но я все же сказала, что хочу эти апартаменты и попросила выслать мне анкету на съем.

Вернувшись в свой городок, я позвонила отцу, чтобы он забрал меня с вокзала, но никто не брал трубку. Я звонила еще два раза, но ничего. К счастью, в это время сосед забирал своего сына с поезда и подвез заодно меня.

Волнуясь, не случилось ли что с бабушкой, я открыла дверь и вошла в дом.

– Ааааа! – закричал отец, увидев меня в дверном проеме гостиной. – Ты что здесь делаешь?

– Живу. Я тебе звонила, у тебя что, телефон сломался?

– Ты мне звонила? Да быть такого не может, смотри, я сижу рядом с мобильником, я бы услышал, – папа протянул руку и, взяв телефон со столика, включил его. – А, да, действительно, вот три пропущенных. Вот это да, я и не слышал. А как ты доехала?

– Меня сосед подвез, он сына забирает.

– Слушай, – возбудился бабка. – А может, тебе подстроиться под его сына, чтобы я за тобой не ездил?

Очень оригинально, что уж сказать.

– Не знаю, это не так-то просто.

Но отец уже загорелся своей идеей.

– Я завтра спрошу у соседа, как он забирает, и мы посмотрим, как можно это устроить.

Я рассказала про квартиру, папа выслушал и все раскры-

тиковал:

– Ты такая тупая, не задала те вопросы, которые нужно было задать, да и апартаменты наверняка ужасные, и риелтор тоже странная. Вообще, все плохо, я думаю, ничего не получится.

От такого батькиного настроения я начала волноваться, ведь эта квартира казалась мне единственным шансом. Но неожиданно все повернулось в другую сторону.

Страсбург слезам не верит: часть третья

Началось все с того, что в газете папа увидел объявление очень дешевой квартиры, меньше трехсот евро в месяц. Конечно, его это очень возбудило, хотя меня такая цена настрожила, и я подозревала, что там будет халупа с отваливающейся штукатуркой и тараканами. Отец тут же позвонил, но ему ответили, что набранного номера не существует.

Я заподозрила, что дело в его древнем телефоне, но с моим тоже ничего не вышло. Мы забили и продолжили поиски в другом направлении, но спустя неделю батька увидел это же объявление, уже с другим номером телефона. На этот раз ему ответили, маклер сказал, что квартира хорошая, а дешевая, потому что сдается в основном студентам, и назначил встречу на следующий день в девять утра. Отец сразу впал в панику и заявил, что мы выедем в семь, на случай пробок.

Следующим утром папа был не в духе, во-первых, потому что он встал в пять часов, а во-вторых потому, что нужно делать что-то для меня.

– Я надеюсь, однажды ты оценишь, сколько я для тебя делаю! – кричал он, пока я обувалась. – Я великолепный отец, и если кто-то скажет обратное, то я его прибью, потому что я лучший, я хочу снять тебе квартиру, я встал рано ради тебя!

– Конечно, конечно, – говорила я.

Пока мы ехали в машине, батька не замолкал:

– Что-то мне кажется подозрительной эта квартира, и этот чувак. Я задаюсь вопросом, в нормальном ли она состоянии, есть ли там сральник и ванная. Мне кажется, ничего не получится, ты никогда не снимешь квартиру.

Хорошая новость заключалась в том, что мы не зря выехали ни свет ни заря, ведь пробка растянулась на всю трассу. Но все это время я слушала папин бред, и это было ужасно.

Наконец мы въехали в Страсбург. Отец долго искал место для парковки, с трудом нашел.

– Я так хочу писать, это кошмар!

– Там есть общественный туалет, – показала я в сторону городской площади.

– Да ты сошла с ума, я туда не пойду.

Папа вручил мне свой рюкзак и спустился под какой-то мост. Пока он справлял нужду, в темноте на него наткнулась совершавшая пробежку женщина, но отца это вовсе не смутило, а наоборот, обрадовало, что он сделал какое-то западло людям с утра.

Закончив с этим, мы начали искать нужный дом. Батька ходил по улице и кричал:

– Это должно быть здесь! Или там!

Я сделала маршрут в гугл-карте и предложила ему идти по ней. Возле каждого дома отец останавливался и говорил:

– Это он?

– Нет, нам еще идти две минуты.

– Знаешь, пожалуй я посмотрю по бумажной карте, потому что с вашими технологиями... – он открыл рюкзак.

– Мы дошли, – я остановилась напротив старинного эльзасского дома, с винным магазином на первом этаже.

– Вот это да, как быстро! – воскрился отец.

До назначенного времени оставалось еще десять минут. Папа заложил руки за спину, ходил туда-сюда вокруг подъезда и говорил:

– Я уверен, этот мужик нас кинул! Он точно не придет! Но ничего, если он не придет, я ему покажу! Нет, он нас кинул, я уверен, сволочь он такая!

В этот момент дверь подъезда распахнулась и приятный на вид мужчина спросил:

– Мсье Вилар?

Батяка подскочил:

– Да, да, Поль, а это моя дочь Полин, я ишу жильё для нее, – он важно выпятил грудь.

Мы пожали друг другу руки и поднялись по узкой скрипящей лестнице в квартиру. Маклер открыл дверь и впустил нас, рассказывая обо всех преимуществах жилья.

Едва увидев апартаменты, я сразу поняла, что согласна. В

квартире было все: и туалет, и душ, и кухонный уголок. Конечно, она была небольшой, всего четырнадцать квадратных метров, что нормально для такой цены, но зато не халупа, хороший ремонт.

Отец задал много вопросов, и, то ли он так хотел меня сплавить, то ли ему реально понравилось, но он согласился.

– Вам очень повезло, нам позвонили многие люди, но вы пришли первыми, так что раз вы готовы, то квартира будет ваша, – сказал маклер.

Ну, хоть в чем-то мне повезло.

– Да, да, я согласен такое снять, – кивал отец.

– Прекрасно, давайте пройдем в мое бюро и все обсудим.

Оказалось, что бюро маклера находится в соседней со мной квартире. Мы сели за стол, и мужчина написал нам список бумаг, которые нужно будет принести через три дня.

– И тогда мы все подпишем, я выдам вам ключи и можете заселяться.

– Это хорошо, – улыбнулась я.

– Еще я советую оформить вам вот на этом сайте, – он написал на бумаге название, – специальную бумагу, которая позволит вам получать пособие, часть стоимости квартиры. Я ее подпишу и вы отнесете в центр жилищных вопросов, там все рассмотрят.

– Конечно, мы оформим, – папа никогда не был против получить где-то за что-то деньги.

Пока маклер писал, отец рассказывал:

– Вы не представляете, как я устал возить ее на машине на вокзал, это такая сложная работа, мне невероятно тяжело. Мы ведь живем в селе за 45 километров от Страсбурга, – батяшка сказал название села.

– О, так я знаю это место, у меня там знакомый, я хорошо понимаю, как это непросто, – маклер поставил печать на бумагу.

– Да, да, – кивал отец.

– Вот список всего, что вам нужно, – мужчина протянул папе листок. – Главное, это ваши паспорта и выписки из банка.

Батяшка еще раньше кричал, что никогда никому не даст свою выписку из банка, ведь узнав, сколько у него там денег, люди сразу захотят отобрать их у него. И сейчас его лицо слегка вытянулось.

– Послушайте меня, – выпятил он грудь. – Да, я принесу вам эту выписку, но вы не смотрите на число, которое там, потому что у меня есть деньги, это правда, но это еще ничего не значит, – почти угрожающе закончил он.

Маклер смотрел на него, как на придурка, и в итоге перевел разговор на время, в которое мы встретимся.

Договорившись на три часа дня, мы попрощались и поехали назад. Отец был страшно возбужден и счастлив. Он даже разрешил мне завтра вернуться домой поздно, ведь у меня было занятие до восьми.

Дома батяшка с восторгом рассказывал медсестре, какой он

молодец, снимет мне квартиру. Она была очень рада за нас, а больше всех радовалась я.

Вечером я села оформлять ту бумагу на социальное пособие, и, поняв, что сама не справлюсь, позвала отца. Он был страшно нервный, ничего не понимал, только тыкал пальцами в экран и кричал:

– Ну все, жми дальше!

– Оно не проходит, пока не заполнено это поле.

– И что? Жми и все!

– Так оно не пройдет, пока мы что-то не впишем!

– Господи, как же я ненавижу эти технологии, совсем уже с ума сошли со своим интернетом! – махал руками батька.

Кое-как мы оформили, хотя отец считал, что все сделано неправильно.

– Нужно ее распечатать, принтер есть у Жаклин, – подвел итог папа.

– В университетской библиотеке тоже есть принтер, – намекнула я.

– Да, ты права, лучше иди туда, а то Жаклин начнет давать свои советы и указания.

Весь оставшийся вечер отец бегал по дому и кричал, как же много он для меня делает.

На следующий день, однако, настроение у папы ухудшилось, наверное от того, что придется платить за съем квартиры. Благодаря тому, что я бежала как ненормальная за трамваем, я успела на последний вечерний поезд. И слава Богу,

потому что отец встретил меня не в духе, ведь ему назначили еще один визит к к какому-то другому врачу в другом городе на завтра. Узнав о том, что следующим утром мне нужно на электричку в пол седьмого, он закатил скандал на все село.

– И твоя мать, дура такая, могла бы научиться водить машину, тогда бы не было никаких проблем! А так сидит там, а я тут страдаю с тобой! – закончил он.

Я промолчала о том, что вообще-то мама всегда хотела выучиться на права, но отец не давал на это денег. И вообще, как он себе это представляет, она что, переехала бы в село во Франции и возила бы меня до конца универа?!

В темноте батька никак не мог вылезти из машины.

– Подожди, – я включила фонарь на своем мобильнике и посветила на дверцу с его стороны.

– Это что, у тебя на телефоне такая мощная штука?! – папа был в шоке. – Ну ничего себе, это прямо в телефон встроено, да?

Как же я завидую ему, каждый день человек узнает для себя что-то новое в этом дивном современном мире.

Но на этом его изучение всех премудростей не окончилось. Чуть позже отец пришел ко мне с бумажной картой в руках.

– Слушай, я не могу найти адрес врача, давай попробуй со своей фигней в телефоне.

С помощью гугл-карты я быстро нашла нужное здание. Отец никак не мог сориентироваться и сопоставить картинку

с бумажной картой, потом он рисовал схему, писал конспект, и наконец объявил:

– Кажется, я понял!

– Слава Богу!

– Слушай, а эта штука у тебя бесплатная?

– Ну, это работает с помощью интернета.

– А, так это все входит в интернет? Вот это да, как необычно, – и он ушел, прижав к груди свои бумажки.

В день перед оформлением документов на квартиру батя был страшно возбужден, кричал на весь дом медсестре, какой он великолепный отец, пять раз сказал мне, чтобы сразу после занятий я ехал на нужный адрес.

В пятницу, везя меня на вокзал, на него вдруг нашло:

– Я надеюсь, сегодня все получится, потому что иначе я этого мужика убью. Ой, мне кажется, ничего не получится. Если не получится, то тогда смирись, ты никогда не найдешь жилье.

От этого я разнервничалась и никак не могла сосредоточиться в университете. Наконец я немного отвлеклась на своем любимом предмете, эльзасском диалекте, но тут, среди занятия, мне позвонил отец.

В панике, думая, что что-то случилось, я выбежала из кабинета и взяла трубку.

– Ты где? – спросил папа.

– На учебе.

– Ты же сказала, что после обеда у тебя ничего нет.

– Я сказала, что я заканчиваю в два, а наша встреча в три.

– Ну ладно, – как-то разочарованно сказал отец. – Но ты поторопись, поняла!

– Хорошо, – я отключилась и вернулась в класс.

Едва занятия закончилось, я бросилась к трамваю, даже не пообедав, что для французов смертельно, ведь они не могут без еды. Конечно же, я приехала на сорок минут раньше, во время которых мы с папой наворачивали круги вокруг дома, и, конечно же, поссорились.

– Я был в магазине и увидел классный шкаф. Если все будет хорошо, мы сразу же поедem и купим его, – сказал он.

– А стол?

– Столы дорогие, заберешь из дома свой.

– Но он уже сломанный, по пути сюда точно развалится. И я хочу новый, – ляпнула я, в порыве эмоций забыв подобрать правильное словосочетание на французском.

– Что?! – заорал отец на всю улицу. – Да ты вообще охренела! Хочет она! Я тебе так захочу, что живо расхочешь! Как же вы меня все достали, и ты, и твоя мать, и все эти люди, все чего-то хотят от меня, достали! Я разорен!

Мы шли вдоль дороги, а батя не прекращал кричать:

– Ты должна говорить не «хочу», а «могу ли я иметь это», дура тупая! Хочет она, совсем оборзела, у меня ни копейки, а она хочет! И молчи, поняла, молчи, иначе я тебя прибью!

– Вообще-то последние десять минут говоришь только ты, я и слова не проронила.

– Но ты уже достаточно сказала до этого! – надулся отец. Наконец подошло время, и мы поднялись к маклеру.

– Значит так, давайте сделаем все поскорее, потому что у меня там машина припаркована на два часа, а я доплачивать не собираюсь! – слегка угрожающе сказал батька, едва мы вошли в бюро.

– Конечно, я понимаю, – кивнул мужчина.

Мы начали оформлять бумаги и все подписывать, я делала это с радостью, а папа, переписав текст о том, что он согласен стать моим гарантом на квартиру, откинулся на спинку стула и прошептал:

– Как же я устал, это невыносимо.

Он заранее вынул из кармана чековую книжку и теперь каждую минуту его рука тянулась к ней, чтобы скорее уже сделать самое страшное: расплатиться и постараться забыть о том, как много денег он на меня потратил. Но каждый раз маклер подсовывал какие-то новые бумаги, и папина рука разочаровано отдергивалась назад.

Спустя полчаса мы закончили всю бюрократию, и отец так выписал чек, причем его рука даже не дрогнула во время этого. Мы обсудили еще несколько бумажных вопросов и мне наконец вручили ключи, которые я сжала в руке так, словно у меня могли их в любой момент отобрать. Батька, конечно, минут десять болтал с риелтором, рассказывал ему, сколько он для меня делает, они обсуждали, как много нужно тратить денег на детей и как плохо живется во Франции,

лучше валить в другие страны.

После этого маклер показал мне пару мелочей в квартире, сообщил, что этот дом занесен в какой-то регистр достопримечательностей Эльзаса, так что я буду жить в знаменитом месте. Мы попрощались и пошли, точнее побежали, к машине. К счастью, до конца парковочного времени оставалось еще четыре минуты.

– Слава богу, успели, – тяжело дыша, сказал отец. – Теперь едем в магазин за шкафом.

По дороге батька говорил:

– Господи, надеюсь, однажды ты оценишь, что я для тебя сделал! Я просто невероятный отец! И не забывай мне звонить, когда переедешь, а то я тебе устрою!

Проходя по огромной парковке перед супермаркетом, отец учил меня жизни как мог:

– Не забывай закрывать окна и двери! И выключать воду! И главное, выключать плиту, а то я знаю тебя, ты как твоя мать, оставили плиту и ушли, на все пофиг, а потом пожар в квартире!

Да, ведь обычно мы с мамой так и делаем, сжигаем квартиры одна за другой.

Идущие впереди нас люди с интересом оглянулись, и папа сделал свою фирменную улыбку:

– Гы-гы!

В магазине отец показал мне шкаф, который, к счастью, был довольно вместительным и красивым, а главное, идеаль-

но подходящим для квартиры в четырнадцать квадратных метров, с перекладиной для одежды, ящиками и полками. Я согласилась купить его, и мы пошли в отдел с занавесками. Там отец пытался купить самые дешевые, скучно серые, но я уговорила его на красивые, с рисунком Нью-Йорка, за 50 евро.

Положив все это в специальную корзину, мы поспешили к кассе, ведь папа опасался, что мне понадобится что-то еще.

– У тебя есть все, больше я ничего не куплю. Микроволновок у меня две, возьмешь одну, тостер тоже, больше тебе ничего не нужно.

– Хорошо, – я подумала, что чайник и утюг куплю потом сама.

Мы проходили мимо выхода из магазина в общий коридор.

– Слушай, иди платить, а я схожу в туалет, – и я вышла из торговой зоны.

Однако батька с чего-то взял, что сама найти туалет в небольшом холле я не смогу, поэтому он пошел за мной вместе с корзиной, забыв о том, что нельзя выносить товар не оплатив его.

– Мсье! – немедленно закричал ему охранник, сидящий у двери.

Папа не обращал внимания, шел впереди меня с огромной корзиной и приговаривал:

– Думаю, туалет где-то здесь.

– Мсье, мсье! – продолжал кричать охранник.

Меня это начало нервировать, но тут отец наконец обернулся, смерил мужчину презрительным взглядом и пошел дальше.

– Да, да, мсье, я это вам, – снова закричал охранник, но батька то ли действительно не понял, то ли делал вид, что не слышит.

– Вот туалет, – я срочно спряталась в нем.

Даже из кабинки я слышала, как батька кричит охраннику, которому наконец удалось привлечь его внимание:

– Что?! Да как вы вообще смели подумать, что я могу ограбить ваш магазин! Здесь же даже грабить нечего, вы разорены! Подумать только, я вышел сопроводить свою дочь в туалет, а вы меня подозреваете! Ой, да ну вас на фиг с вашими правилами!

Я провела в туалете как можно больше времени, и вышла как раз к тому моменту, когда отец заканчивал расплачиваться. Конечно, у него опять возникли проблемы с кассой самообслуживания.

Проходя мимо охранника, папа свысока посмотрел на него и прошептал:

– Придурок.

Мы с трудом запихнули шкаф в разобранном виде в машину, в процессе папа не переставал рассказывать, как его оскорбил охранник. Наконец он замолчал и я сказала:

– Давай сразу заедем в телефонную компанию, я закажу,

чтобы мне провели интернет.

– Со своим тупым интернетом, – прошептал отец, но согласился.

Мы пришли в другой торговый центр, где располагался отдел довольно популярной компании. Я объяснила, что мне нужно, и веселый работник сказал:

– Конечно, конечно, это не проблема. Мы предлагаем самый дешевый тариф, это двадцать евро в месяц.

– Ну я бы хотела качественный интернет, пусть даже он будет дороже, – ответила я, вспомнив интернет в нашей квартире на родине, который был очень дешевым, но при этом нормально не работал.

– Слушай, ты тут полегче, я вообще-то за все плачу! – закричал папа.

– Да, но вай-фай должен быть качественным, иначе...

– Да мне пох, я не буду тратить кучу денег, ты вообще офигела! – продолжил кричать отец.

– Ну что вы, вы обсудите это позже, – жизнерадостно успокоил нас работник. – Гарантирую, этот интернет очень хороший.

В итоге я согласилась на дешевый вариант, подписала все бумаги, получила роутер и примерную дату активации.

Мы с батюшкой вышли на улицу, он все никак не мог успокоиться.

– Ты вообще не думаешь о том, как мне за все это платить! И вообще, у тебя желания безразмерные, нет лимитов ника-

ких! Как говорят у нас, Париж не сразу строился, так что не смей хотеть получить все сразу! Господи, как же хорошо, что послезавтра ты съезжаешь.

– Да уж, – сказала я.

– А ты там и ночевать останешься? – удивленно спросил папа.

– Ну да, а что? – странный вопрос, будто мы квартиру сняли, чтобы издалека на нее смотреть.

– А, ну ладно, – разочарованно сказал отец.

Расстроился небось, что не с кем скандалить будет.

На следующий день мы начали подготовку к переезду. Папа ничего не делал, только раздавал всем указания.

– Значит так, – объявил он с утра, – я договорился с соседом, у него грузовик, думаю, туда влезет вся мебель и твои вещи. Так что начинай уже собираться, никто тебя ждать не будет, видишь, какие люди добрые нас окружают, помочь согласились.

– Хорошо, но мне нужна картонная коробка.

– У меня нет, сейчас поеду по магазинам, может, куплю. Господи, она же небось стоит дофига, – прошептал батька.

Он уехал, а я начала складывать вещи. Где-то через час почти все было уложено, оставалась только одежда, которую уже некуда было пихать. Тут вернулся отец.

– Я купил тебе еды и всяких бытовых вещей на пятьдесят евро! – закричал он с порога. – Вот твоя коробка, она стоила четыре евро, вот же дерьмо! А ты небось ничего не сделала

за это время.

– Я почти закончила.

Пока я заполняла коробку, папа ходил по дому и ворчал:

– Коробка за четыре евро, Господи, я разорен, сколько я делаю для своей дочери, но никто этого не ценит!

Вечером мы сносили мебель на первый этаж, это было непросто, ведь я не могла нормально поднять тяжести из-за своего сколиоза, а батька требовал, чтобы я чуть ли не в одиночку их таскала, и кричал, что проблемы со спиной это чепуха. К счастью, сосед оказался мужиком хоть куда, и все перенес сам, а отец только показывал ему, что брать.

Утром в воскресенье наступил важнейший момент: я съехала. Папа очень хотел сэкономить хотя бы на парковке в Страсбурге, поэтому надеялся втиснуться втроем в грузовик соседа, но оказалось, что у него всего два места в машине, поэтому пришлось отцу разочарованно сесть в свой BMW. По дороге в город мы вспомнили, что забыли несколько вещей, но батька пообещал привезти мне их через пару дней.

Наконец мы приехали, перетаскивали всю мебель и коробки в общий коридор перед квартирой, и тут началось самое страшное: сбор шкафа.

Еще когда мы только его купили, я начала волноваться, сумеет ли папа с его паникой собрать все эти деревяшки и шурупы в одно целое. И глядя на этот цирк, я поняла, как же хорошо, что с нами сосед, потому что отец бы не смог, это однозначно.

Едва мы вытащили детали из коробки, как папа запричитал:

– Господи, как же мы это сделаем, у меня стресс, ничего не получится!

– Не волнуйся, Поль, я умею такое собирать.

– Да, ну тогда ты соберешь, – ненавязчиво намекнул батяка и захохотал.

Пока сосед читал инструкцию, отец рассказывал:

– Однажды мне пришлось собирать такую хрень. Я два часа пытался, в итоге плюнул, и позвал знакомых на помощь. И после этого я поклялся, что больше таким не займусь.

Да уж, и этот человек по образованию механик.

– Ну тут вроде все легко, – сказал сосед и приступил.

Следующие полчаса папа тупо ходил вокруг него и приговаривал:

– Господи, у меня стресс, как же мы это сделаем!? А куда пихать эту деталь? А куда ты всунешь это? Мне кажется, ничего не получится!

– Все хорошо, Поль, я смогу его собрать.

Через некоторое время сосед тонко намекнул, что отец ему мешает, и лучше бы он сходил за кофе. Батяка сразу же выполнил просьбу, и принес нам всем вкусное капучино, но тут сосед уже увлекся сбором шкафа, и отец почти насильно вливал в него напиток.

– Давай пей уже, а то потом скажешь, что Вилар тебя работать запряг и даже кофе не угостил, – сказал батяка и пер-

вый захохотал над своей шуткой.

Спустя два часа произошло то, что по мнению отца, было невозможно, – сосед собрал шкаф. После этого он быстро уехал, сказав, что ему нужно забрать откуда-то сына, но по моему, он просто задолбался с нами.

Папа занес оставшуюся мебель, мы все расставили и вышли на улицу.

– Ну, дочь моя, прощай, – отец, радостно улыбаясь, раскинул объятия. Он прижимал меня к себе так, будто я переехала на другой конец Франции, а не за сорок пять километров от него.

Раздав еще несколько указаний, как не сжечь квартиру, батяка напоследок вспомнил, что ему нужно сходить в агентство и застраховать мое новое жилье.

– Боже, я не знаю, как это сделаю, это, должно быть, невероятно сложно, – прошептал он.

Мы опять обнялись и попрощались, и отец, сев в машину, уехал. Когда его серебристый BMW скрылся за поворотом, я пошла к себе домой, представляя, как в тишине и покое сяду писать свой роман про жизнь с папой. И однажды я издам его, и, как сказала одна моя подруга, отец, узнав об этом, спросит:

– Ты что же, надо мной смеялась?!

А я отвечу:

– Да над тобой теперь смеется вся Франция!

Отпирая дверь квартиры, я поняла, что именно так все и

будет.

Бонус: папа и три дочери

Я уже месяц жила одна, но веселье в нашей семье не заканчивалось. Узнав том, что отец стареет, и здоровье его начинает сдавать, две его дочери от первого брака решили немедленно навестить батьку. Ради него они готовы были даже приехать с другого конца Франции. Софи, младшая из сестер, купила билет на самолет, а Стефани, старшая, взяла с собой своего друга и папиного

знакомого Юбера, и они приехали на машине.

Прикол был в том, что Стефани я знала давно, а вот Софи и не подозревала о том, что я вообще есть в этом мире. К счастью, перед ее приездом отец таки додумался рассказать ей эту страшную тайну. И вот теперь он позвонил мне, чтобы пригласить на воскресный семейный обед.

– Мы заберем тебя с Юбером в Страсбурге на машине.

– Да я могу и на поезде доехать.

– Нет, нет, мы заберем тебя, зачем тебе еще и платить за билет.

– Так бензин дороже билета стоит, – возразила я.

– Слушай, это не ты за него платишь!

– Ладно, но чтобы мне потом не говорили, как много для меня делают, а я тут не стелюсь перед людьми.

– Да ты что, сошла с ума, это же не твоя родина, тут такого никто друг другу не скажет! – батька захохотал, и я услышала смех на заднем плане. – Вот видишь, они все над тобой

смеются, это же ерунда!

Я промолчала о том, что отец уже третий месяц попрекает меня тем, что Жаклин помогла мне поступить в университет, а я вот не хочу с ней гулять и проводить много времени.

– Ну хорошо, тогда в воскресенье подъезжайте к одиннадцати.

– Да, целую, доченька, – внезапно сказал папа на прощание. Я представила, как умиляются, сидя на диване, мои сестры и Юбер.

В пятницу, когда я училась в университетской библиотеке, у меня зазвонил телефон. На экране высветилось, что это отец. Взяв мобильник, я пошла к выходу, ведь в библиотеке нельзя говорить.

– Алло, – прошептала я, открывая дверь.

– Алло! – заорал на том конце папа.

– Да, алло, – тихонько ответила я, так как еще не до конца вышла из помещения.

Тут отец тоже перешел на шепот и неуверенно спросил:

– Это... это Полин?

– Да, это Полин, что ты хотел? – уже нормально ответила я.

– А, наконец-то, – снова заговорил по-обычному громко батька. – Хотел спросить, все ли у нас в силе на воскресенье.

Проговорив десять минут ни о чем, мы попрощались, снова ласково и нежно, а потом я весь день ходила и еле сдерживала смех, вспоминая, как папа не понимал, кто ему от-

ветил по телефону.

На самом деле я очень ждала воскресенье, потому что предвкушала этот театр. Ведь когда-то Стефани и Юбер уже приезжали к нам, и тогда отца просто перло от желания показать, какой он прекрасный отец. Он бегал вокруг меня, играл со мной в домино, каждые пять минут спрашивал, все ли у меня хорошо, переживал за какую-то царапину на моем лице. Поэтому я ни минуты не сомневалась, что в этот раз будет то же самое.

И я не ошиблась. Показывать свою страшную любовь к дочери батька начал уже в Страсбурге перед Юбером. Едва я вышла из дома, как папа выскочил из машины и стал меня обнимать. В объятиях он держал меня минут пять. Наконец мы уселись и Юбер повел в сторону села. Повернувшись ко мне, батька спросил:

– Как у тебя дела, доченька?

– Все хорошо.

– Но ты счастлива?

– Да, – искренне ответила я.

– Это прекрасно. Когда ты счастлива, счастлив и я! – сказал отец и с гордостью посмотрел на Юбера, будто ожидая его похвалы.

– Между прочим, за экзамен по эльзасскому я получила семнадцать с половиной баллов из двадцати, – похвасталась я.

Эльзасский – это диалект, на котором говорят в нашем

регионе, и который на проверку оказался не таким уж и легким, как я ожидала.

– Боже, какая ты молодец! – начал усиленно меня хвалить отец, поглядывая на Юбера с таким лицом, будто это лично он научил меня эльзасскому. – Я так горд!

– Да, да, это действительно круто, – сказал Юбер.

– Йетц кан их мит дир эльзэсишь рэдэ, – сказал батька на эльзасском, что переводилось как: «теперь я могу говорить с тобой по-эльзасски».

– Йо, – сказала я «да», сдержав ухмылку.

Всю дорогу отец не прекращал оглядываться и умиленно смотреть на меня, при этом краем глаза поглядывая на Юбера. Перед въездом на гору он набрал Стефани и сообщил, что мы подъезжаем, так что она может греть еду, и говорил он с ней так же ласково.

Мы вошли в дом, я расцеловалась со Стефани, а потом проследовала в гостиную, где меня ждала Софи. Папа тут же подскочил к нам.

– Полин, это Софи.

– Здравствуйте, – сказала я и мы расцеловались.

– Софи, это Полин, – продолжил отец. – Моя дочь. Моя самая любимая доченька, – тут она прижал меня к себе в объятиях и не отпускал минуты три.

Я заметила, что Софи как-то странно сжала губы, и поняла, что она, похоже, тоже еле сдерживает смех. Но тут Стефани позвала нас обедать.

За столом комедия продолжалась.

– Вы представляете, она получила семнадцать с половиной баллов по эльзасскому! – почти кричал батька.

– Вот это да! – восхищались сестры.

– Я так горд! Вы не представляете, как я рад, что Полин поступила в университет! Сколько усилий я приложил, как это было непросто, но теперь она учится, это так прекрасно.

– Да, да, – поддакивали сестры.

– Ты счастлива? – снова спросил отец, повернувшись ко мне.

– Да!

– Когда счастлива моя дочь, счастлив и я, – сообщил папа уже Стефани и Софи.

– Это правильно, – сказала Стефани.

– Я снял ей невероятную квартиру, чтобы моя доченька жила в комфорте, – несло батьку дальше.

Ну да, аж четырнадцать квадратных метров снял за двести восемьдесят евро, в том время как Софи ненавязчиво обмолвилась, что своим сыновьям снимает квартиры за четыреста пятьдесят каждому.

– Замечательно, – хвалили отца наперебой Софи и Стефани, а папа гордо распрямлял плечи.

– А вы видели, как великолепно она теперь говорит по-французски?

– Да, действительно хорошо! – согласились сестры.

Позже, когда мы остались наедине, я рассказала им, как

батька уверял, что я говорю по-французски, как корова по-испански. Они чуть не умерли со смеху.

К концу обеда папа сказал:

– Я, между прочим, бывал в ваших краях, – он кивнул на дочерей. – Но к вам не заехал, вы же мне не звоните, на фий вы мне тогда нужны.

– Ты мог бы нам тоже звонить хоть иногда, – дерзко, однако, ответила Софи.

Он бросил на нее убийственный взгляд и открыл было рот, но тут Стефани вскочила:

– Кто хочет еще спагетти?

Она наложила отцу добавки, и он занял свой рот едой.

Как я не старалась, но в итоге все равно капнула на блузку соусом болоньез.

– Боже, ну что же ты так! – ласково воскликнул отец, вместо своего обычного «какая же ты свинья».

– Я сейчас, – встав из-за стола, я пошла в ванную и оттерла там водой с мылом пятнышко.

Когда я уже заканчивала, батька нежно спросил:

– У тебя там все хорошо, дорогая?

– Да, иду, – я немного посмеялась и вернулась в кухню.

После обеда мы переместились в гостиную, а сестры занялись мытьем посуды. Стефани открутила кран на полную мощность, услышав это, батька вскочил с дивана и вбежал в кухню.

– Это что такое? А ну убавь воду, экономить нужно, ты

что, сошла с ума?

Сдерживая улыбку, Стефани уменьшила мощность. В этот момент мимо с полотенцем на плече в ванную прошагал Юбер.

– Будь аккуратен с водой, дорогой, – закричала ему Стефани, и все тихонько захихикали, но отец, конечно же, не понял прикола.

Потом наступило время чаепития. Мы втроем грели воду, а поскольку чайник у отца сломался, на новый он, естественно, жалел денег, то выглядело это весьма оригинально. Налив в чашки воду, мы засовывали их в микроволновку и ставили на большую мощность. Первые две порции пошли хорошо, но, когда Стефани поставила воду для себя, то микроволновка вдруг потухла и больше ни на что не реагировала.

– Я сломала микроволновку! – с ужасом сказала Стефани, повернувшись к нам.

– Да, ты ее сломала, – радостно ответила Софи.

Стефани побежала в комнату и закричала:

– Папа, кажется, я сломала микроволновку!

– Что?! – отец пулей влетел в кухню и начал жать на все кнопки в приборе.

Пока я думала, как же непривычно, когда папу называет папой кто-то еще кроме меня, он так и не смог ничего добиться от микроволновки. Похоже, она выключилась навсегда.

– Черт, я так и знал, каждый раз, когда ко мне приезжают

гости, они вечно что-то ломают, каждый раз!

– Мы завтра купим тебе новую микроволновку! – попыталась успокоить его Софи, но отец продолжал приплясывать вокруг старой.

– Не понимаю, почему она сломалась?

– Потому что нормальную ты отдал мне, а эта стояла в подвале лет десять. Сырость плохо влияет на технику, – предложила вариант я.

Батя посмотрел на меня, как на дуру.

– Ерунда, ничего не влияет, это какая-то аномалия, я точно уверен!

– Лучше не спорь со спецом, – ехидно сказала мне Софи.

– Но мы ничего не делали, просто кипятили воду... – начала рассказывать Стефани.

– Кипятили воду?! Вы, что, совсем с ума сошли? Для этого есть маленькая кастрюлька, ставите ее на газ и ждете минут пять.

– Можно к новой микроволновке еще чайник купить, – тихо намекнула я.

В общем, это приключение с микроволновкой немного подпортило папин театр, в котором он упорно показывал, как всех любит, ведь теперь он не мог сдержаться, и смотрел на нас, явно проклиная тот день, когда позвал семью в гости.

Но ничего не поделаешь, Юбер вынес микроволновку на улицу, чтобы потом ее выкинуть, а сестры пообещали что завтра же купят новую. В конце концов мы таки сели пить

чай, заваренный водой из кастрюльки.

После мы все вчетвером пошли гулять по селу, а отец остался дома, намекнув, что хочет побыть один и отдохнуть от людей.

В лесу разговор от всяких житейских дел перешел на жизнь в горах, из которого я поняла, что сестры уже немного устали от села.

– Папа мне только вчера доказывал, что это великолепные городки, а то, что на поезде 45 минут нужно ехать, вообще не страшно, – сказала Стефани.

– Конечно не страшно, для человека который вообще из дома не выходит. А я рада, что живу в Страсбурге теперь, как нормальный человек, – ответила я.

– Да, тут тебе действительно повезло, – согласились они.

– Я вот пару дней назад ходила в городок за продуктами пешком, – объявила Софи.

– Пешком? Но это спускаться с горы, а потом подниматься, где-то час туда и обратно!

– Да, да, я час спускалась, час поднималась, еще и с пакетом продуктов. Было непросто, но я отдыхала. По дороге, правда, встретила дикую свинью, но я не испугалась, и она сама ушла, – радостно поведала Софи.

Да уж, кому-то сказать, к отцу в кои-то веки приехала дочь, и он сразу отправил ее пешком преодолевать горы. А ведь она уже не молодая.

– Но почему вы не взяли машину? – пораженно спросила

я.

– Стефани и Юбер еще не приехали, а свою машину папа мне брать не разрешил, он очень боится за нее, вдруг я разобью.

– Мда. Но ведь у вас есть права.

– Есть, но папа все равно боится. Когда мы ездили с ним за покупками, он вел, а я ходила по магазинам. Однажды он устал и попросил сесть за руль меня. И всю дорогу папа не переставал говорить: «тут притормози», «тут аккуратнее», «осторожно, тут кочка, тут яма, тут ухаб». И его совершенно не волновало, что я вожу машину уже двадцать лет.

– Ну, я не удивлена, – это уж точно, ценности отца никогда не меняются.

– Я тоже, – ответила Софи, и мы засмеялись.

Прогулка наша продлилась недолго, так как непривычные к горам люди сначала замерзли, спускаясь, а потом вспотели, пока поднимались. Мы вернулись домой, Стефани пошла готовить чай, Юбер уселся работать за ноутбуком, а мы с папой и Софи просто болтали.

– Я таком шоке, что в этом году мое здоровье начало сдавать, – рассказывал отец. – Никогда не думал, что я буду болеть. По мне, так лучше сразу застрелиться, чем все эти таблетки и капельницы.

– Ну ты уже в возрасте, – сказала Софи.

– Ну да, но это еще ничего не значит. Я считал, что буду здоров всегда. И вообще, я думаю, что это связано со стрес-

сом. Все мои болезни от нервов.

– Ты на меня намекаешь? Типа я приехала и тут у тебя все симптомы полезли? – спросила я.

– Нет, конечно, болезни ведь в один день не развиваются, это долгий процесс, – он явно намекал на то, что мой переезд подпортил его бодрость, но ведь нужно держать планку перед Софи.

Тут, будто по заказу, отец начал долго, надрывно и громко кашлять, хрюкая и харкая при этом:

– Бухуууу брххх!

Из кухни вдруг раздалось передразнивание Стефани:

– Брхууу!

Софи подхватила, а за ней и я:

– Бухухубр!

Мы все смеялись, и папа тоже захохотал своим громовым смехом, а потом сказал:

– Ну все, хватит уже.

Стефани принесла чай, и разговор зашел о деньгах. Софи рассказывала, сколько она каждый месяц дает своим сыновьям на жизнь.

– Я тоже кидаю Полин на карточку сразу побольше денег, – не отставал батька. – Для меня главное, чтобы она училась, а деньги, это все от меня, от чистого сердца. Я же ее спонсор.

Я кивала, еде сдерживая смех. Тут отец повернулся ко мне:

– Надеюсь, ты не потратила все те тысячи, которые я тебе положил?

Вообще-то он положил мне всего две тысячи. Я вынула выписку, которую специально получила для него в банкомате.

– Вот, сколько у меня было и сколько осталось.

Отец внимательно рассматривал бумажки, одобрительно кивая головой, а Софи улыбалась и шептала всем:

– Спонсор, спонсор!

Все лукаво подсмеивались в ответ, а отец, не обращая на это внимания, нашептывал что-то себе под нос.

Мы еще раз попили чай с печеньками, и я начала собираться на поезд. Проводить меня вызвались Софи с Юбером. Они уже уселись в машину и ждали меня, но папа опять устроил свой театр с прощанием. Он долго обнимал меня и приговаривал:

– Моя любимая доченька!

Наконец батяка выпустил меня. Я запрыгнула в машину, на вокзале Софи помогла мне купить билет в специальном автомате, и подождала со мной поезд.

Усевшись на мягкое кресло рядом с окном, я помахала ей рукой. Поезд тронулся и повез меня в город, туда, где, пусть и маленький, но мой дом.

2019, Страсбург.

Посвящается моему отцу (1944-2020).